

Новита Хорват-Закатова

Александр
Хорват

Челябинск
Цицера
2010

X79

X79 **Хорват-Законова Н. А.**
Александр Хорват. — Челябинск : Цицеро, 2010. —
350 с. ил.

© Законова Н.А., 2010
© Законов В.Н., оформле-
ние обложки, 2010

Два слова, предваряющие Судьбу

Помню нашу первую встречу. Был я тогда начинающим литсотрудником газеты «Ленинабадская правда». В небольшой комнатке отдела культуры едва разместились со своими столами три работника, а посетителей сажать было практически некуда. Когда к кому-нибудь из журналистов приходил автор, остальные выходили в коридор. Но в то утро я был один, коллеги разъехались в командировки. Как начинающий, я робел перед посетителями и со страхом ожидал, что кто-нибудь войдёт и сразу поймёт мою несостоятельность, как газетчика.

Открылась дверь, и вошёл Александр Александрович Хорват. Я тогда ещё не знал его. Он казался суровым и значительным.

— А где Н.?, — спросил он, как-то небрежно кивнув мне. Н. был заведующим отделом.

— Его сегодня не будет, — ответил я.

Вот как! — огорчённо произнёс посетитель, — а я торопился закончить статью. Видно, зря торопился.

Он повернулся, чтобы уйти. Но в дверях замешкался:

— А, может, вы посмотрите?

— Хорошо, — сказал я, — посмотрю.

Тогда он вернулся, придвинул стул к моему столу, вытащил из кармана несколько тетрадных листочков, и, протягивая, посмотрел мне в глаза:

— Как ваша фамилия?

Я назвал. Он протянул мне руку, пожатие оказалось на редкость крепким и энергичным:

— А я — Хорват. Пишу на музыкальные темы, — при этих словах он улыбнулся, как-то слишком озорно для своего, уже достаточно пожилого возраста. Суровые складки на его лице разгладились. Сразу исчезло несколько насторожившее меня вначале выражение некоторой надменности. Я ведь не знал тогда, что это защитная маска человека, много пережившего и легко ранимого.

Потом, когда мы познакомились поближе, я оценил его высокие человеческие качества. В нём сочетались резкость и удивитель-

ная деликатность, готовность до хрипоты отстаивать свою точку зрения и боязнь обидеть кого-либо резким оборотом речи. Он был Интеллигент в полном смысле этого слова, его не смогла изменить необычная и во многом трагическая судьба. Жизнь мяла и калечила его душу, а он до конца дней остался романтиком и мечтателем.

Мы сотрудничали, — и очень плодотворно, — много лет. Я всегда удивлялся его работоспособности, неутомимой энергии, стремлению ни на йоту не отступить от той высокой планки, которую он определил для подлинного искусства.

Он был Профессионал, служивший музыке, как Божеству. Часто мне приходилось заседать с ним в жюри различных музыкальных конкурсов и смотров. Он не терпел фальши, не делал никому поблажек, прямо называл вещи своими именами. Его оценок побаивались, но с его мнением считались.

Все произведения искусства он мерил высокими образцами классики. Помню, когда размножились повсюду вокально-инструментальные ансамбли, многие из них были весьма и весьма посредственными, он огорчённо говорил:

— Что с них взять? Ведь это ВИА, — и непривычная тогда аббревиатура звучала в его устах, как нечто, выходящее за рамки настоящей музыки.

Представляю, что бы он сказал о современных рок-группах, по сравнению с которыми бывшие ВИА показались бы образцовыми коллективами.

Книгу, которую вы сейчас открыли, написала дочь этого прекрасного человека. Я не буду пересказывать её содержание. Это ни к чему. Уверен, что никого не оставит равнодушным взволнованный рассказ небеспристрастного автора.

Новита Хорват гордится своим отцом. И это заслуженно. Она соболезнует его высокой и одновременно жестокой судьбе. И это по-настоящему.

Она по крупицам собрала все малейшие свидетельства о мученическом, тернистом его пути по земле, охваченной бурями. И это подвиг. Подвиг дочери перед памятью отца. Подвиг беспристрастного свидетеля и комментатора судьбы жестокой и прекрасной. Подвиг во имя нас, читателей, жаждущих правды и высоты парения.

Именно с такой точки зрения я призываю всех посмотреть на представленный ею документ большой жизнеутверждающей силы. Он учит главному — Честности и бесконечному служению Красоте. Спасибо, Новита!

Рафаил Маргулис,
ответственный секретарь
областной газеты «Ленинабадская правда»
до 1995 года, Член Союза журналистов СССР,
Израиль.

От автора

Жизнь не задокументируешь. Как ни старайся, всегда что-нибудь да ускользнет.

И не буду пытаться. Попробую нарисовать портрет отца в интерьере, как я его помню. Рассказать как об одном из строителей новой музыкальной культуры в Средней Азии, сделавшим это делом всей своей жизни. Рассказать как об одном из организаторов и первых руководителей Ташкентской консерватории, талантливом просветителе, педагоге, журналисте, мастере и человеке.

Тем самым выражаю дочернюю благодарность и хотя бы частично восстанавливаю гражданскую, политическую, профессиональную справедливость в отношении отца, из жизни которого сталинизм безжалостно изъяс почти двадцать лет.

Перетираю

Зачем же я взялась за труд такой?
Коль честно: он по сложности — не мой.
Но папа говорил: «Терпенье, труд,
все, дочь моя, преграды перетрут».

Не знаю уж, что я там перетру,
но только что проснувшись поутру,
спешу к столу — все мысли записать,
но фактов мало, где их мне достать?

Каменотесом впору звать меня:
вот отсеку кусочки бытия,
вот уложу строку почти к строке —
уже держу главу в своей руке.

Да знать бы только, правильно ль пишу,
быть может точно — чересчур спешу?
Но не спешить нельзя, поверь, никак:
враз не подсек, — какой тогда рыбак?

Впрочем — рыбак ли? Я ж — каменотес,
пытаюсь словом покорить утес.
Мне завершить бы вовремя свой труд,
иначе сын и внук все переврут.

Или что хуже — начисто сотрут,
и вспомнят только — дед был очень крут.
Я ж выступаю в книге как истец,
к всему тому, что пережил отец.

4.04.09 г., 18.30 час.

Жизнь — это не что-то, а только возможность чего-то.

Фридрих Геббель

Часть 1. ШУРКА (1899—1911 гг.)

Туда, где нужен

Свой 25-й день рождения Александр Александрович Хорват встретил в пути. В долгой дороге. Баулы, чемоданы, тюки. Он, молодожен, вместе с супругой Эфалией направляется в Азию. Туда выпускника Ржевского ветеринарного техникума направили на работу.

— В одном из селений Самаркандской области, — напутствовал директор, — люди и домашний скот очень нуждаются в помощи профессионального врача. Будешь полезным и незаменимым человеком.

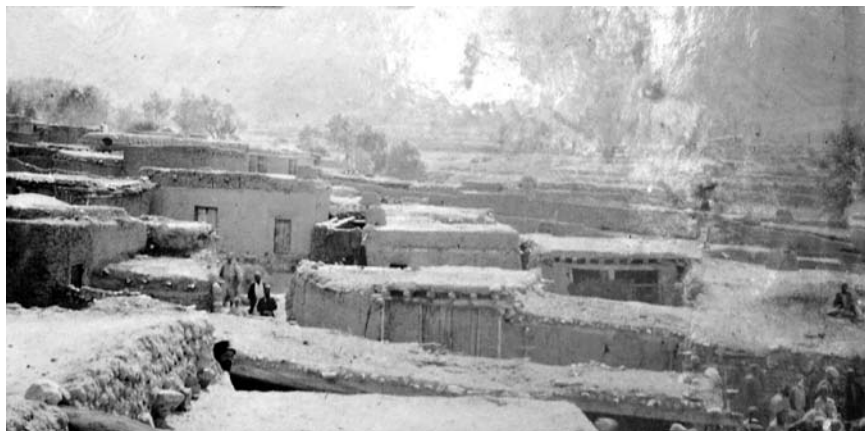
Александр, воспитанному на городской жизни, трудно представить себя в горном селении.

— Но для того я, черт побери, и учился, — сказал он сам себе, — чтобы быть там, где нужнее всего.

Нужнее всего он оказался в Ура-Тюбе. Хорвата проинформировали: там высока смертность из-за инфекций и паразитарной патологии. Над полями и кибитками гуляют малярия, холера, чума, натуральная оспа, тиф, туберкулез (они будут ликвидированы только к 1926 году). Больных исстари лечили безграмотные табибы и знахари. В новый военный лазарет выстраиваются очереди, не хватает врачей, сестринского персонала, не говоря уже о специалистах ветеринарного дела. Как следствие, свирепствуют чума крупного рогатого скота, повальное воспаление легких, инфекционная анемия коз, лошадей (основное средство передвижения и «тяги багажа»). Бес-

конечный падеж мелкого скота от сибирской язвы, столбняка, тлеющие очаги бешенства.

Большое поле деятельности для молодого и энергичного земского врача.

Ура-Тюбе начала XX века

Справка

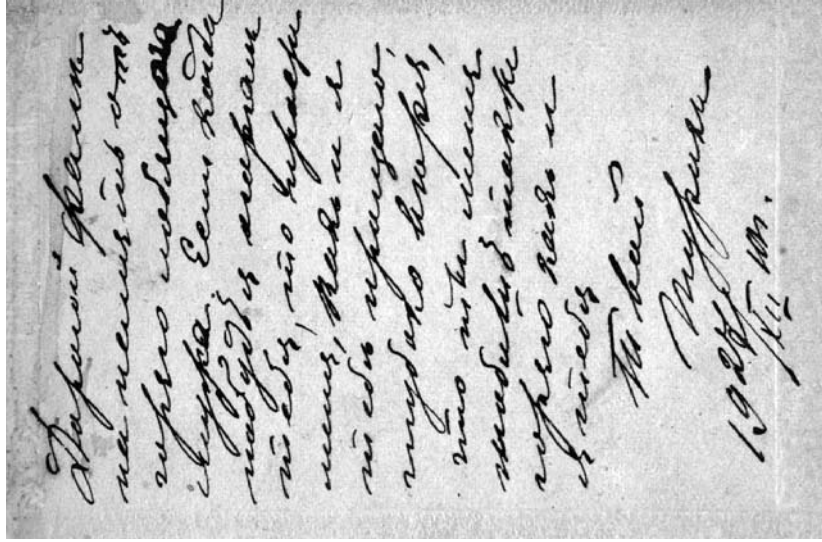
Истаравшан (до 10 ноября 2000 года Ура-Тюбе) — город в Согдийской области Таджикистана, в предгорьях Туркестанского хребта, на автодороге Душанбе—Ташкент, в 73 км от Худжанда (бывший Ленинабад) и реки Сырдарьи. 36 тысяч жителей (1974 г.) Климат мягкий, зима многоснежная, лето не жаркое, сухое.

2 октября 1866 года крепость Уротеппа взята русскими войсками.

От средневекового города сохранились: мечеть Абд-аль-Латифа (Кок-Гумбез, 1-я половина XVI в., в середине XVII в. перестроена в медресе), музей Баба-Таго (XVI в.), культовый ансамбль Сари-мазар (XVI—XIX вв.), каркасные жилые дома XVIII — начала XX вв. с орнаментальными росписями.

Дед Александр Хорват. 12.10.1927 г.

Надпись на обратной стороне фотокарточки

Ехали в высохшую пустыню, а прибыли в зеленый оазис в чаше красивых гор, в центр садоводства и огородничества. С древней культурой, красивыми традициями, обычаями, языком.

Ехали в совершеннейшую дыру, а приехали в город с древнейшей историей, на землю ремесленников и торговцев. С красивыми, гордыми людьми. Которые всегда защищали свою землю от nepřителей-захватчиков ожесточенно. Вот и Александру Македонскому дали жесткий отпор, нанеся ему первое ранение (IV в. до н. э.). Тот, оскорбленный, сравнял город с землей, а «непокорные» снова его отстроили. Где сейчас Македонский? А город стоит. От притязаний Бухары отбилсЯ раз пятнадцать. Да и Российской империи «поддались» с большой кровью. Особенно сопротивлялась местная феодальная верхушка и реакционное мусульманское духовенство в ответ на реакционную же (как говорили сами — колониальную) политику царизма. Но на происходящие перемены смотрели с любопытством. Например, на проведение телеграфной линии (ее тянули от Ташкента до Самарканда, через Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак). Или на железную дорогу, по которой «бегают смешные домики на колесах». Не через Ура-Тюбе, чуть в стороне, через селение Хаваст.

Станция называется непривычно для местного населения «Черняево». Но с задачей своей справляется «светло»: по данным на 1900 год только с этого пункта было отправлено более 13 тысяч пассажиров и прибыло сюда столько же, пришло почти 125 тысяч пудов различных грузов, отправлено вдвое больше. Царские власти сохраняли Уратюбинский район в качестве источника сырья и рынка сбыта.

Единственными русскоязычными Хорваты, чего опасались, не оказались: в Ура-Тюбе проживает около 180 европейцев. На окраине города даже образовался район «Гузари урус», где живут в основном русские. Занимаются каждый своей работой, верующие ходят в церковь (ныне краеведческий музей Истаравшана), отмечают праздники, дружат с местным населением, хотя держатся несколько обособленно — своей общиной. (Забегая вперед, отмечу, что дома, построенные до революции, существуют и поныне.

В административном здании пристава размещается отдел культуры города, два других используются как жилые помещения. Русский бассейн (Хази урус), созданный до революции, тоже действует. В правой части города располагается русское кладбище, насчитывающее 3,5 тысячи могил¹. За могилами ухаживает русское население).

Архитектура — не Европа, но «одноэтажки»-мазанки, разбросанные по площадям и холмам (особенности рельефа заставили домишки уже в то время «полезть» на горы) колоритны и приятны на взгляд. Чуть выбиваются из общей «тональности» новые русские жилые постройки — здания для чиновников, пристава и его команды.

Молодожены разглядывают местность, гадая, где будет их дом.

— Можете поселиться где угодно, — сказал пристав, — но рекомендую дом недавно съехавшего чиновника — просторный и теплый.

Дом бывшего чиновника, действительно, оказался просторным и теплым, но каким-то «затюканным» между другими строениями. Перспектива зажатости Хорвата не радует: его душа любит простор, требует вида, «любовного» взгляду.

— Наш дом будет вон там, — врач махнул рукой на макушку холма, склоны которого поросли высокими травами, кустарником, деревьями.

Пристав улыбнулся:

— Хороший выбор. Только жилью придется строить.

Почему бы и нет? Один из местных баев имеет кирпичный завод, и тот себя вполне оправдывает уже не первый год. Продукцию заводика охотно покупают для строительства служебных помещений, частных домов, особенно в русской части города, на возведение казарм для солдат, из этих же кирпичей строили церковь. Теперь вот и Хорваты стали «клиентами».

Земский врач

...Юсуф бежит к «Белому дому», где живет «доктор». Позову запыхавшегося пацаненка «Док! Мамка родить не может!»

¹ Перепись РКЦ «Надежда» 2005 года.

Хорват натягивает костюм, башмаки, пальто, шапку-пирожок, и прихватив баульчик с инструментами, спешит за порог — срочный вызов!

Дома осталась посапывающая во сне жена Эфалия. При мысли о ней Александр улыбнулся: эту женщину он ждал всю жизнь. Длинные волнистые волосы, карие глаза, властный рот, такой же характер. Такая родная и такая — непредсказуемая. Умна, в его глазах безусловно красива, столь же своенравна... Всем вышла, но родители воспротивились браку — на их взгляд, неравному.

Бабушка Эфалия

Дед во дворе перед выездом по вызову.

Яростное неприятие избранницы поставило Александра перед выбором — родители или Фаля. Упрямец выбрал любовь. Родители уязвлены пренебрежительным отношением сына к их мнению. Родители лишают Александра наследства. Это означает, что отныне он свободен, как птица в полете, и уже ни при каких обстоятельствах не смеет рассчитывать на поддержку, в том числе материальную. Правда, чуть поостыв, «старики» все же оставляют за ним парочку из десятка своих имений — «ради будущих внуков»...

Может еще и из-за семейных «заморочек» с такой охотой Александр направил свои стопы в непонятную, далекую страну... Будет свой дом. Никаких косых взглядов. Никаких указок, с кем и как жить. Новая жизнь!

— Быстрей, быстрей! — подгоняет Юсуф, выдергивая Хорвата из воспоминаний. — А то мамка не разродится! А я так хочу сестренку. Четыре брата у меня, а сестренки ни одной. Слышишь, док?

Хорват улыбнулся.

— Док... Надо же! Запомнил.

Местные жители долго не могли придумать имя новому врачу: Александр с трудом выговаривается, а вот лучше Искандера по их мнению, ничего не подходит смуглому, темноглазому с каштановыми кудрями и бравыми усами человеку. «Док» появится позже, когда приехавшие из Прибалтики родственники пожелают увидеть, как в азиатскую экзотику вписался сын. Тогда, в присутствии местных старейшин и соседей так и назвали Александра — с определенной долей иронии. Родственники уехали с ощущением — вписался. Ирония испарилась. Слово осталось...

Хорват ласково смотрит на Юсуфа: «Смышленный мальчишка, о матери заботится. Мне бы такого сына...»

О сыне подумалось неспроста: жена на седьмом месяце, и он готовился лично принять в новую жизнь своего ребенка. Непременно сына.

— А-а-а-а! — разносится над тополями, взмывает в сумеречное небо. Раздается плач ребенка.

Хорват бережно разворачивает новорожденную так, чтобы увидала мать.

— Дочка у вас, Халифа, да красавица какая!

— Спасибо благословенному Аллаху, спасибо Искандеру! — кланяется хозяин дома. Юсуф счастлив — наконец-то у него появилась долгожданная сестренка.

Пока врач обрабатывает инструменты и складывает их в специальный чемоданчик, пожилые женщины накрывают дастархан. Из тандыра вынимаются лепешки, разрезается арбуз, раскладывается виноград, и подоспевшее к моменту главное блюдо — плов. Завершив трапезу зеленым чаем, «док» ставит пилалу вверх дном.

— Да пребудет в вашем доме только удача, а дочка принесет только счастье!

Юсуфу позволяет проводить себя только до калитки.

— Беги, мамке нужнее сейчас!

Отказывается от лошади, возвращается домой пешком. Любит пешие прогулки. В них хорошо думается. А сейчас хочется подумать.

Почему как странствующую песчинку, занесло именно в этот уголок земли? Почему оказался оторван от родных, почти в изгнании? Могло ли быть иначе? А если и могло, то как именно? Что дальше будет?

На сине-зеленом небе таинственно мерцают звезды, храня молчание. Подружки Бесконечности знают все. Но не имеют права говорить то, что одинокий путник должен прожить сам.

Дом на холме

Пятый майский день 1904 года для обитателей «Белого дома» стал особенным. У Александра и Эфалии родился сын. Имя выбрали заранее — Александр. В честь Македонского и... деда. Появление внука подтопило лед в отношениях родителей с сыном-упрямцем и они сменили гнев на милость. Впрочем, «слабина» распространялась только на внука: на его имя в швейцарский банк переводится сумма денег, достаточная для обучения — непременно в лучшем университете Германии. Таким бабушке с дедушкой видится не столь уж и далекое будущее внука, воплотившего в себе все внешние признаки хорватовской породы — смуглая кожа, карие глаза, кучерявые волосы. Телосложением мальчик тоже пошел в предков — приземист, широкая грудь. Просматриваются сквозь малый возраст уже и характер и способности. Да, будущее Шурки амбициозным родственникам видится блестящим. Если, конечно, не помешают непредвиденные события.

Дед и бабушка, стараясь распространить свое влияние на внука, стремятся чаще бывать в Ура-Тюбинском поместье. У мальчишки все есть для гармоничного развития, помогают нянька, гувернантка. После завоевания Средней Азии Россией в Ура-Тюбе по сведениям 1871 года имелись 4 медресе и 19 школ, где обучались 477 человек, в основном сыновья купцов, должностных лиц местной администрации, состоятельных людей. В год рождения Шурки открылось и приходское училище.

Кажется, дом парит над городом. Эфалия справа.

*Ура-Тюбе. На хоздворике Эфалия (слева), Шурка (в центре),
дядя Миша (справа).*

Шурику 1,5 года. На руках у няни, рядом садовник.

Двухгодовалый Шурка с гувернанткой

Февраль 1911 г. Шурик в центре, Эфалия справа.

Но Шурке еще нет семи лет, поэтому он находится на домашней подготовке. Мать обучает иностранным языкам, отец дает основы ведущих предметов, вместе учат сына музыке. Мальчик от рождения имеет отличную память, в том числе музыкальную. Тонкий слух, чувство ритма помогают без труда усваивать упражнения на слух или «показ» — ноты Шурка начнет «понимать» позже.

Живому и любознательному мальчишке предоставляется порция свободы, достаточная для самостоятельного развития, общения со сверстниками. Хорваты придерживаются демократических взглядов, не городя искусственных рамок — с кем дружить.

Шурик, 4 года.

Сын должен быть физически развит и вынослив: зарядка, пробежки, обливания, солнечные ванны, долгие пешие прогулки — норма. Сын должен быть грамотен: и день расписывается по минутам. Ранний подъем, зарядка, завтрак, занятия по иностранному языку, арифметике, русскому языку, литературе, истории, этикету. Второй завтрак, уроки музыки. Обедают всей семьей: зимой за большим круглым столом в гостиной, летом — под ветерком, на просторной веранде. Иногда традицию трапезничать вместе нарушают срочные вызовы, но родные уже привыкли.

Шурка любит в свободное время погулять с отцом по двору: вокруг дома разбросано несколько лужаек. Садовник обустроил их особенным образом — отсыпал песком

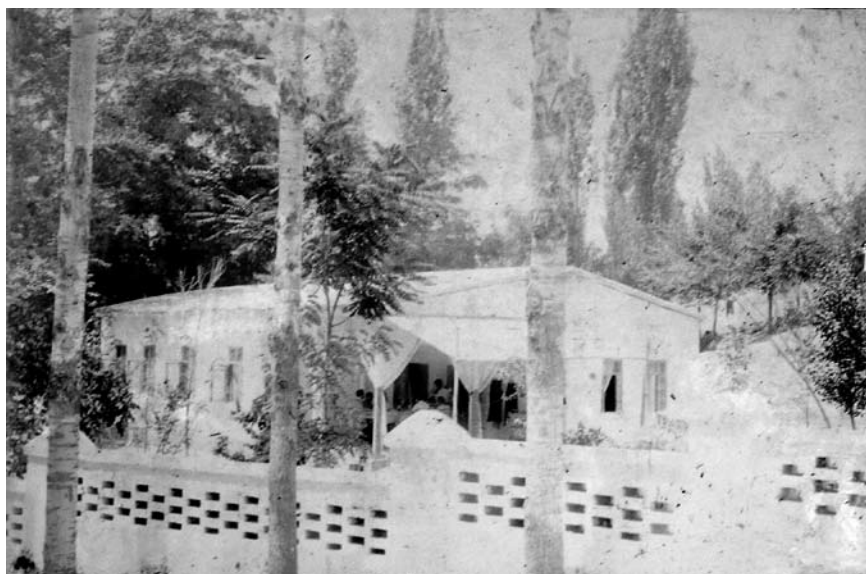
дорожки, сформировал фигурные цветочные клумбы. На ту лужайку, что по цветочному рисунку напоминает галактику, выносятся из дома плетеные кресла-качалки. Отец предпочитает посидеть в крупном кресле, прикрыв глаза. В кресле напротив устраивается Шурка, и нередко под рассказ отца или читку вслух засыпает.

Свежий воздух благотворно действует на растущий организм: на щеках румянец, в глазах — здоровый блеск. Летом мальчишка превращается в шоколадку — загар прилипает быстро и надолго. Неподалеку от дома в небольшой рощице подвешен гамак. Его Шурка тоже любит — за непредсказуемость: диковинное ложе требует к себе повышенное внимание и осторожность в движениях — чуть не так, очутишься на земле. В таких случаях Шурка заливается смехом и не спешит вставать, пока отец с напускной сердитостью не говорит:

— Побаловался, и довольно, слышишь?

Царские власти испытывают нужду в грамотных людях. Прикрыв как-то медицинскую брешь, озадачены пополнением рядов писарей и переводчиков. Это Ахиллесова пята: приходится пользоваться помощью малограмотных и не всегда добросовестных людей. Остро встает вопрос изучения русскими местного языка, и овладения местным населением русским языком. Без этого невозможно строить взаимоотношения, добиться понимания и доверия, выполнять намеченные планы. Частично с этой задачей справляются специальные курсы, куда записываются добровольцы. Оказывает помощь (также добровольную) и русское население. Хорват тоже по мере сил помогает овладеть русским языком соседям, сам к тому времени неплохо говорит на таджикском. Имея большую библиотеку, дарует какую-то ее часть создаваемой в Ура-Тюбе общественной библиотеке. То же самое делают другие «приезжие» и за короткий срок в 1908 году собирается около 700 книг.

Русская община не испытывает дефицита информации: из городской казны ежегодно выделяется на приобретение книг и газет 100 рублей. По инициативе русских жителей появляется читальня. Ежемесячно приходит до 25 газет и журналов. Здесь есть почти все местные газеты, две больших московских, несколько петербургских, 2—3 толстых журнала — «Нива»,

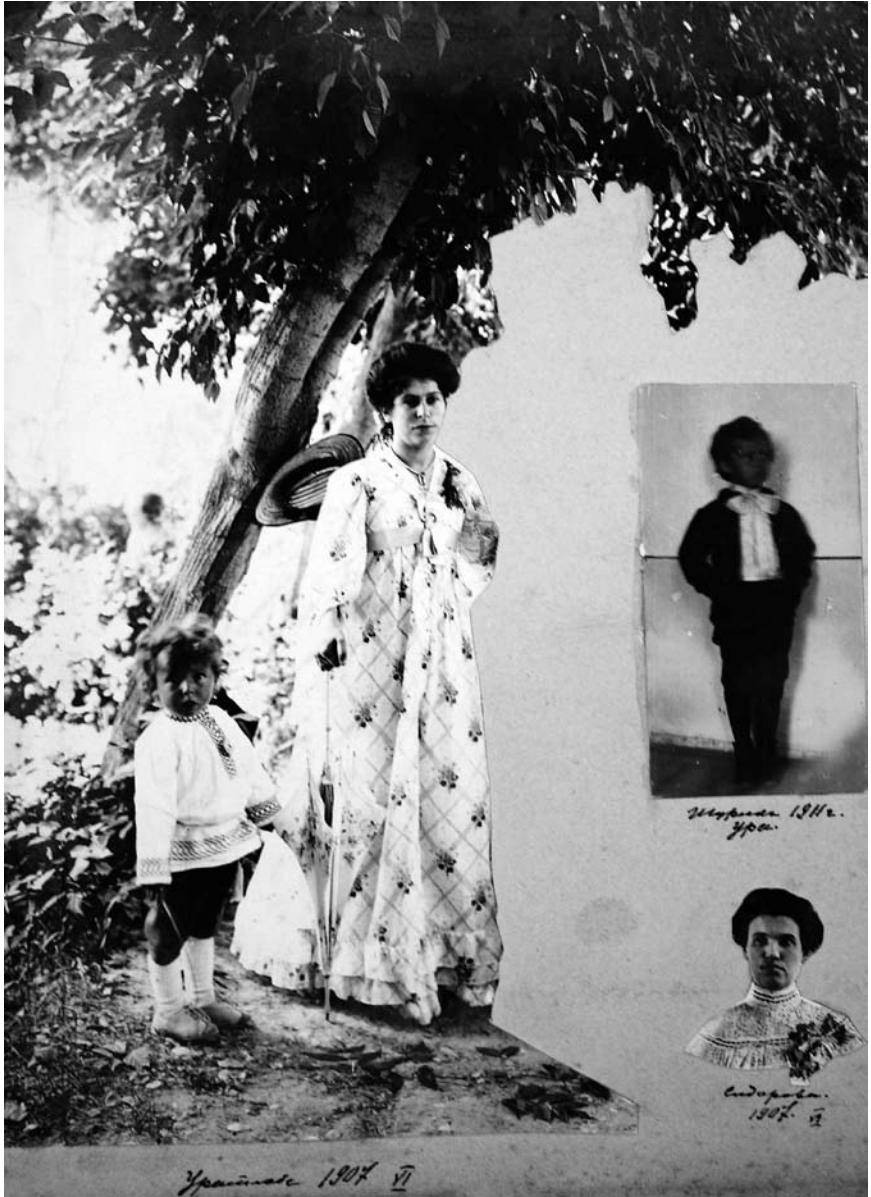

Дом на холме в окружении тополей.

«Сатирикон» и другие. Как пишет газета «Туркестанские ведомости» (№ 226 за 1904 г.), читальную посещали и местные жители, для которых издавалось три местные газеты.

«Белый дом» (так прозвали его уратюбинцы) соответствует своему имени: построен из кирпича, оштукатурен и выбелен несколькими слоями извести. Такая же процедура проделана с ажурной оградой по периметру двора. Все вместе создает ощущение законченной композиции — светлой, парящей среди зелени на фоне голубого неба. Доведись дать строению другое название, вполне бы подошло такое — Дом на холме: в Ура-Тюбе это была самая высокая точка с постройкой. В период развитого социализма дом этот, как одно из лучших зданий, облюбует один из отделов управления внутренних дел, а во время гражданской войны 1991 года оно будет разрушено.

В возрасте отец все время вспоминал город своего детства и подчеркивал его «неземное» положение : панорама потрясающая открывалась — там, внизу гудел базар, скрипели арбы, пели отрывистые песни ослы, мальчишки гоняли металлический обод. Внизу происходила основная жизнь Ура-Тюбе.

Шурка на прогулці з матір'ю. Іюнь 1907 г.

Базар

— Шурик! — кричит Шариф и, когда друг присоединяется, по крутой тропинке сбегает к базару. В ладошках запотевшие монеты, можно закупить всякой вкусности — от персиков до дынь.

Шурке нравится торговая площадь. Изумительный запах восточного базара, вобравший ароматы желтого, красного, зеленого, спелого, горького, пряного, кислого, сладкого.

— Не дыня — мед! — расхваливают товар черные от загара торговцы в полосатых халатах, тюрбетейках и чалмах. Расхваливают на разных языках: при виде узбека — на узбекском, при виде местных — на родном, а при виде «приезжих» — на русском.

В приходе русских местный торговый люд, более серьезные купцы ощущали нужду в изучении русского языка и грамоты. Им это было необходимо в первую очередь для бизнеса. Возможность обучаться на вечерних курсах получили в 1889 году. В первый год набралось всего 14 желающих, в последующие годы их число увеличивалось. Бывший пристав Ура-Тюбинского участка Н.С. Ликошкин, объездивший все кишлаки и аулы, писал: «Я был поражен совершенно искренним и сильным желанием многих юношей изучать русский язык, разговорную речь и грамоту».

Разноголосица, зеленые горы арбузов: едва прикоснешься ножом — трескается, распадается на части, обнажая сочную зернистую сердцевину. Валом на самодельных прилавках янтарные, черные, красные гроздья знаменитого на всю округу уратюбинского винограда — фантастически сладкого, крупного, просвечивающего на солнце как драгоценные камни.

Виноград — особая статья Ура-Тюбинского бюджета. Царская власть смотрит на Ура-Тюбинский район и как на базу по производству вина. Как указывает в своих работах Отличник архивного дела СССР, житель Истаравшана Сайфулло Махамов, в иные годы урожай был небывалым — с 792 десятин собирали почти 500 тысяч пудов винограда. Свежий виноград стоил от 30 до 45 копеек, сушеный — от 90 до 1 рубля 20 копеек. Что ж такому добру пропадать? В 1895 году начал свою работу винодельческий завод Е.С. Степанова. В год производилось по 1800 ведер вина. И хорошо раскупалось.

Шурка с друзьями забежал и на другие ряды (их, «тематических» на восточных базарах обычно очень много).

Где-то слышится бляение баранов — коротко- и длинношерстных, альбиносов, коричневых и черных. Тут же рядом выставлены шкуры — грубой и тонкой выделки. Мальчишки запускают пятерню в шелковистый мех, пытаются погладить голубоватые волны шкурки ягненка, или прикоснуться к доскуту гладкой кожи, но продавцы отгоняют — какие покупатели, кет, голодранцы... Заслуга богатого ассортимента кож принадлежит местному богачу Киргизбаю. Как прирожденный купец, быстро сориентировался в спросе, наладил кожевенное производство, став приличным работодателем и поставщиком качественной продукции. На заводе, где трудится 44 человека, было установлено 25 чанов. За год выдают на гора 12 300 кож на 8300 рублей.²

Ура-Тюбинский базар, как и все восточные базары, место особенное. Хорват здесь частенько бывает — один или с Эфалией. Вернуться с пустыми руками отсюда просто невозможно. Купить — все, что душе угодно: фрукты-овощи, каймак (густые сливки), катык (кислое молоко), крут (белые соленые шарики из засушенного творога), домашние сыры (похожие на брынзу), лепешки (пресные, сдобные, маленькие, огромные, усыпанные тмином, с блестящей от масла поверхностью или хрустящими ободками). Шурка с Шарифом обычно толкуются в «сладком» ряду. Перебирая в ладошках запотевшие монетки, прицениваются к любимой мешалде (горный корень, дающий белоснежную пену, взбитый с сахаром дает тягучую жидкость, напоминающую сгущенку, только обогащенную едва уловимой кислинкой). Иногда покупают парварду — конфеты белого цвета типа «подушечек» из смеси муки с сахаром.

Под навесами «зеленого сектора» «дразнят» розовая и розово-белая редиска, ее цвет оттеняют благоухающие травы — пучки петрушки, укропа, фиолетово-зеленого райхона (разновидность базилика), киндза. Изумрудное царство посверкивает алмазиками: продавцы время от времени сбрызгивают зелень, чтобы та дольше сохраняла свежесть. Рядышком присоседились зеленые стручки лука, чеснок, красный перец.

² ЦГИА Узбекистан, ф-17, о. 1, д. 18316, ч. 6.

Над всем витает главный аромат — запах восточных приправ. Целые «соты» из полотняных мешочков, наполненных черным душистым перцем, красным, горной зирой (разновидность тмина), барбариса, высушенными лечебными травами.

И торг, торг, торг. Без этого базар — не базар, покупатель — просто «тюфтя», достойный презрительной усмешки. Хорват тоже торгуется, но больше для виду — надо же блюсти статус! Диалоги двух людей — по ту и эту сторону прилавка — короткие, динамичны, завораживающи. Это напоминает игру, в которой побеждает тот, у кого нервы крепче. Но если «устоись» на своем покупательском интересе, получишь товар на треть (или более) дешевле стартовой цены. При этом покупателю известно, что торговец специально «набрасывает» цену и по большому счету, почти ничего не теряет. Продавцу в свою очередь известна «информированность» покупателя. Но оба создают иллюзию импровизации. Таков закон базара.

Не обходит стороной Шурка и в так называемый «дровяной» сектор. Здесь торгуют углем, саманом (кирпичики или «лепешки» из глины, замешанной на траве — для строительства), вязанками сухой гуза-паи (высушенные кусты хлопчатника), скотиной. Но это место мальчишке кажется скучноватым и даже грустным: у коров, жующих вечную жвачку, такие печальные глаза, ослики, заеденные слепнями, так громко кричат свое «иа», бараны, как бы предчувствуя близкую кончину, так жалобно блеют...

Все это «торговое царство» начинает «дышать» задолго до того, как солнце встанет из-за гор и начнет «плавить» воздух, нещадно сжигать траву на склонах.

Ближе к полудню принимаются за свою работу «поливальщики» (разбрызгивают воду ладошками из ведер) и продавцы воды. Шурка любит забегать на базар с утра пораньше (ведь просто «поглазеть»!), Хорват, как многие мудрые покупатели — ближе к закрытию базара, в пору пика уценок.

Власть способствует развитию торговли и между Россией и Туркестаном. Оттуда в оборот поступает чай, сахар, соль, железные изделия, фарфоровая и медная посуда. Из Ура-Тюбе вывозятся изюм, пшеница, ячмень и продукты животноводства.

Навруз

Нравится Шурке и он сам. Невысокий, крепкий, по-детски пока еще светлые кудри над высоким лбом, глаза с «орлиным» взглядом, как говорят многие. Как отец (и дед) ходит чуть левым плечом вперед, стоит широко расставляя ноги, обувь стаптывает «от себя». Сквозь мальчишескую порывистость просматриваются ростки будущей степенности. Что делает родная кровь...

Нравится Шурке отец — добрый, всегда оптимистически настроенный.

Нравятся праздники. Тогда отец облачается в наряд, подаренный старейшинами — «За помощь людям и животным». Парчовый халат, расписной пояс, сабля, белоснежная шапка, сапоги из тонкой кожи.

Руководитель техникума, давший выпускнику путевку в этот уголок земли с напутствием «будешь полезным и незаменимым человеком», оказался прав. Именно таким стал Александр Хорват, добрейшей души человек, интереснейший собеседник и отличный врач. Нет, он не был первым и единственным медиком: в Ура-Тюбе с 1898 года существуют приемный покой, аптека, военный лазарет, где работают в основном русские врачи и младший медперсонал. Но когда число пациентов стало увеличи-

*Дед при полном параде —
в подаренном наряде.*

Посмотреть на борьбу съезжались со всей округи.

ваться, (туда в очередь выстраивались) потребовалось кадровое подкрепление. Хорват занял свою нишу.

Русские врачи всем оказывали медицинскую помощь. Хорват — тоже, и в первую очередь, ветеринарную. Она была очень востребована — захромавший конь означал потерю возможности передвигаться на большие расстояния, захворавший вол — невозможность обработать плугом свой участок земли, что означает, обречь себя на голод, «загрустившая» корова — ис-

Подопечные земского врача А. Хорвата.

чезновение из рациона и без того небогатых дехканских семей одного из базовых продуктов питания.

Нравится Шурке дом. Просторная гостиная с роялем, книжные стеллажи, круглый стол для гостей под белоснежной скатертью с кружевной окаемкой, стулья с высокими спинками, мягкий глубокий диван, рабочий кабинет отца, письменные приборы на столе, глобус, карта, вазы с цветами, фотографии в изящных рамках. На стенах гостиной несколько картин. Две из них выделяются особо: маслом написанные пейзаж (украинская хатка) и натюрморт в охровых тонах — две рыбины на подносе. Это работы кисти Александра Хорвата. Почему он переложил на холст хатку, плетень с кринками, понятно — на Украине живет брат, у которого нередко гостит. Рыбины так и остались загадкой.

Основные праздники обязательны в доме Хорватов — Навруз (день весеннего равноденствия, начало посевных работ), и Новый год.

Задолго до наступления Навруза (праздника весны и начала сельскохозяйственных работ) начинают готовиться все уратюбинцы, где-то 7 или 8 марта. Проводят коллективный хашар (субботник): чистят каналы, арыки, подметают улицы. Хорваты, как и все, делают генеральную уборку, белят комнаты внутри, фасад, выносят во двор домашнюю утварь, дряют, начищают столовое серебро. Перед праздником принимают «ванну», глава семейства особенно тщательно бреется, подравнивает шикарные усы, в шкафу висит освеженный и наглаженный мундир. У Эфалии, как и у всех женщин, к празднику всегда готов новый наряд. Так принято: женщины шьют детям и себе платья, готовят различные праздничные национальные мучные изделия, лепешки, халву (ореховую, кунжуттовую, пашмак). В дни подготовки Шурка частенько прибегал домой к Шарифу, с любопытством наблюдал за подготовкой «женской» половины. Женщины-таджички красят руки и ноги хной (в оранжевый цвет), брови — сурьмой (синий цвет, темнеющий со временем). Цепляют серьги, кольца, браслеты (иногда до нескольких килограммов). И в день праздника предстают во всей красе. К тому дню во всех домах, и в доме Хорватов тоже, уже стоит пророщенная пшеница и различные зерна (символ непрерывного обновле-

Костюмированный бал. Эфалия слева, Александр Хорват в центре.

ния жизни). Соседи несут угощение — традиционное блюдо «суманак» (солодовая халва).

Как только появляются в горах первые цветы, начинается предпраздничное шествие — «Гулгардони» и «Бойчечак» («Дарение цветов»). Радость для детворы — они бегают по дворам, и Шурка с ними, — поют песенку «Бойчечак» (Подснежник) и получают гостинцы — конфеты, лепешки, жареный горох, изюм. Еще одна радость для детворы (независимо от национальности) — праздничные гуляния на площади и представления дорбозов (канатоходцы), масхарабазов (скоморохи), народно-спортивные состязания.

Самыми увлекательными и популярными развлечениями публики являются состязания — козлодрание (бузкаши) и борьба (гуштингири), где участники демонстрируют силу, ловкость, сообразительность. Лавочники расставляют палатки-временки, чайханы, нарасхват места ночлега у приезжих из окрестных кишлаков и аулов. Дымят лепешечные и пекарни, бойко идет распродажа продовольствия, мануфактуры, галантереи, детских игрушек. В такие дни «навар» торговцев вырастает в разы!

Торжества длятся до 22 марта и совпадают с завершением весенних сельскохозяйственных работ. В дни Навруза Хорваты ходили по гостям, принимали их у себя, дарили подарки, помогали беднякам. Среди даров главенствующее место занимает сахар — белизна и сладость олицетворяют светлую жизнь и счастье. Но Хорваты обязательно добавляют специально подготовленную одежду и деньги.

Листая фотоальбом...

Новогодние елки проводят по очереди в домах, где имеется просторный зал, как у Хорватов. Шурка обожает этот праздник. Елку наряжают всей семьей (в Азии за елку сходит арча, но Хорваты предпочитают покупать завезенные натуральные елки). Приходят нарядные гости, обмениваются подарками, поздравительными открытками, альбомами. Устраивают бал-маскарад. Костюмы выбираются с фантазией. Александр Хорват верен восточному стилю (как-никак азиат теперь) — парчовый халат, огромная сабля. Эфалия достает из сундука белое платье, рас-

Отдых в саду, 1907 г. Эфалия в центре, Шурик слева.

шитое на груди нежными листочками, бархатный черный корсет на завязках, украшенный парой цветов, цветком же украшает прическу. К какой народности принадлежит явно национальный костюм, не представляется возможным определить неспециалисту. Также сложно определить «географию» костюма на женщине, что рядом: бархатный, расшитый золотым бисером подъюбник, золотой парчи пояс, белая блузка, несколько ниток бус, золотая ажурная шапочка на голове... С подружками легче: они шутя, представляют царицу-ночь (в короне) и царицу-день.

Шурка под елкой. 26 декабря 1910 год.

Рязанская губерния, Раненбург, 1909 г. Приписка сделана рукой деда.

Либавя, Латвия. Шурка (в центре) с матерью (верхку справа), отцом (справа), дядей и тетей (слева)

До полуночи поют, танцуют, читают стихи. Шурку по такому случаю наряжают особо — в бархатный костюмчик с белым кружевным воротником, и он становится чуть-чуть похож на мушкетера. Но была и другая елка — главная елка Ура-Тюбе в здании администрации: как видно на снимке, исключительно для детей, даже две (между ними портрет царя).

Снежными зимами Шурка с друзьями катается на санках с высокой горки — по длине улицы.

Но, пожалуй, самый большой праздник случился в Ура-Тюбе в 1911 году, во время визита генерал-губернатора — с женой и чиновничьей свитой. Моменты его визита хранят фотографии. Высокий гость посетил лазарет, учебные заведения, русские казармы, несколько домов местного духовенства, старейшин. Побывал и у земского врача Хорвата, где провел небольшое совещание по проблемам и перспективам развития местного здравоохранения и ветеринарного дела. Перед отъездом из Ура-Тюбе высокий чиновник предложил земскому врачу подумать насчет переезда в Ташкент, где «легче сделать карьеру и дать образование подрастающему сыну».

На одном из фото — торжественный момент соглашения о более тесном сотрудничестве с представителями местных «органов власти» (опять же духовенство и старейшины). Губернатор несколько утомлен. Губернаторша, поджав тонкие губы (как же-первая «леди»!) держит спинку. За длинным столом под пологом — члены «команды» губернатора, дед.

На другом снимке на переднем плане — сидящие на земле, в традиционной позе старейшины, казии (судьи), муллы. По выражению лиц несложно догадаться, что не все в восторге от условий сотрудничества.

Следующий снимок: губернатор в окружении местной знати, его челядь, бабушка русской церкви, муллы. Александр Хорват скромно пристроился сбоку, рядом с навесом: на мундире красуется массивный знак, видимо, наградной. Детвора устроилась на ковре, постеленном на земле. В центре Шурик, ему 7 лет. Визит важных гостей завершается массовым зрелищем — уже упомянутой спортивной борьбой. Зрители съехались со всей округи — несколько тысяч человек.

Старейшины.

*Торжественный момент заключения соглашения
во время визита губернатора.*

Визит губернатора. Дед слева за столом, губернатор с женой — справа.

*Фото на память с губернатором.
Дед справа у навеса, Шурка в центре в первом ряду.*

А вот и особенно дорогая отцу фотокарточка: на день рождения получил «живой» подарок — ослика, которым выучился исправно управлять, невзирая на скверный характер животного. Находить общий язык с четвероногими (как и оказывать им ветеринарную помощь при необходимости) Шурку приучали сызмальства.

Эпизоды из жизни Ура-Тюбе конца XIX и начала XX веков дошли до наших дней благодаря семейному фотоальбому. На обложке эмблема (вероятно личной библиотеки Хорватов) — орел, восседающий на книге, дата «1871» год (что она означает, неизвестно). Альбом-раскладушка с золотым обрезом рассказывает то, что уже ни от кого не узнать, чего не найти ни в одном из писанных-переписанных учебников истории.

Семейную реликвию мне подарил брат — владелец нескольких альбомов — фото летописи Хорватов, которые, в свою очередь, получил в наследство от своей матери и первой жены отца Ольги Никольской. «Родовое богатство» (альбомы, документы, картины) пролежало в сундуке под землей 25 лет — только так его можно было сохранить для потомков в особо трудные годы вечно беспокойной российской истории.

Эфалия + Александр-старший

Из воспоминаний брата, Владимира Хорвата

«С рождения (1934 год) до вступления в брак (1958 г.) мой ближний семейный круг составляли (по значимости для меня) мама, отец (до 1938 г.), бабушки и деды — родители родителей, отчим, сын отчима, дядя, тетя, двоюродный брат.

... Об Эфалии Яковлевне М., бабе Фале, мне почти ничего не известно, но фотографии сохранили ее образ. В профиль она выглядела строгой и властной, а в фас — обычное круглое лицо, тонкие губы. Не помню ни одной встречи с бабушкой Фалей.

Предреволюционный период жизни складывается у супругов удачно. Рождение сына. Поездка в Польшу (может быть, к родне Эфалии Яковлевны?). На фото этого периода, все трое очень привлекательны. Правда семейная молва гласила, что любил он ее больше, чем она его. Дедушка ревновал...»

Из воспоминаний отца, Александра Хорвата

(Записано мной под диктовку в 1988 году)

«Мой отец Александр Александрович Хорват окончил Юрьевский ветеринарный техникум. Был направлен на работу в Ура-Тюбе в конце XIX века, земским врачом, где проработал до 1911 года. Отлично владел латинским, французским языками. Писал статьи в журнал «30 дней». Занимался «лепкой» самого себя. Рассеян был. Коренаст. Носил очки. Сутулился. Ходил левым плечом вперед. Ногами стоял твердо на земле — ступни чуть вывернуты вовне (стаптывал туфли сильно «от себя»). В семье была отличная библиотека: читать любили все, часто вслух. Мое увлечение книгами началось с Жюль Верна.

Отец был хорошим художником — писал маслом. Играл на скрипке и фортепиано. Разным бывал, по ситуации — ворчлив, ласков, лаконичен, строг. Психотип — холерик. Мог проявить крутой нрав. После переезда в Ташкент до смерти работал в ветуправлении наркомзема Узбекистана. Умер в звании Героя Труда, Заслуженного врача республики.

Мать — домохозяйка, образованная женщина. Владела языками, играла на рояле, пела. Характер у нее был еще тот... Но мы ладили. Часто гуляли — родители любили природу. В детстве мне больше всего нравилось ходить с ними на Особенный камень, что на горе, неподалеку от дома. В нем была естественная ложбинка, в которой удобно сидеть. Камень стал моим любимым «креслом». Иногда в него со смехом усаживался отец или мать. Все вместе туда мы не помещались. Гора отлична тем, что венчалась не скалами, а ровной площадкой. Напротив холм — Ханская гора, крепостная гора. Огромная мечеть — ее готовили к подрыву, чтобы начать строить тюрьму».

Из воспоминаний брата

«...Дребезжит звоночек у калитки, и бабушка открывает. Дружелюбно как бы приветствуя своего, твякает двор-терьер Ярик. Слышатся шаркающие шаги, глуховатый голос: «А Вовочка где?» Из глубины сада я со всех ног бегу навстречу вошедшему. Прижимаюсь к склоненной ко мне седой голове и чувствую холодок щек и знакомый запах одеколona. Дедушка холодный пришел в гости!

Инспектора вместе с дедом объезжают район.

Объезд района инспекторами из Ташкента.

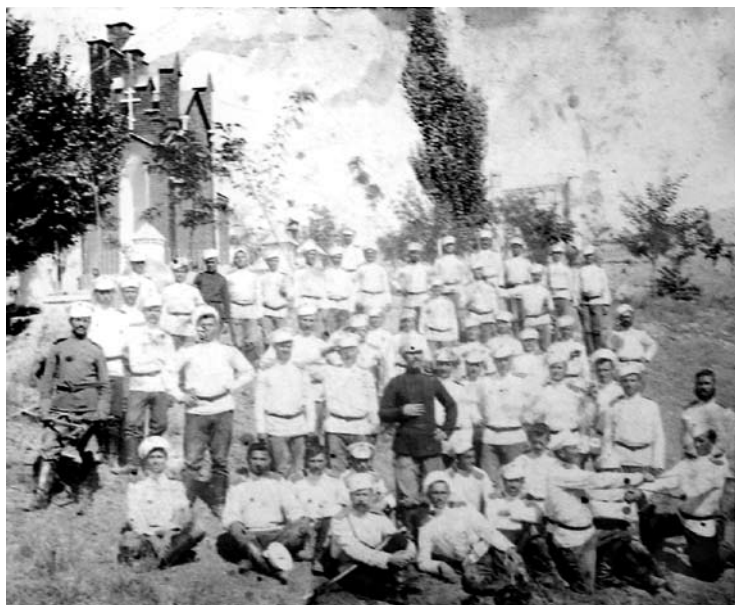
Мой «холодный» дед родился в 1874-м году. Выбрал одну из благородных профессий — ветеринара, горячо любил животных. В первую мировую боролся с эпидемией на фронтах. Носил белую папаху, шинель с красным крестом на рукаве. Сапоги со шпорами — атрибуты бравого военного.

В начале 1918-го года по рассказам бабушки Нади, дед Хорват намеревался гостить у своего брата, служившего на Украине в поместье барона Э.А. Фальцфейна известным под названием Аскания-Нова. Недалеко от Новой Сербии!

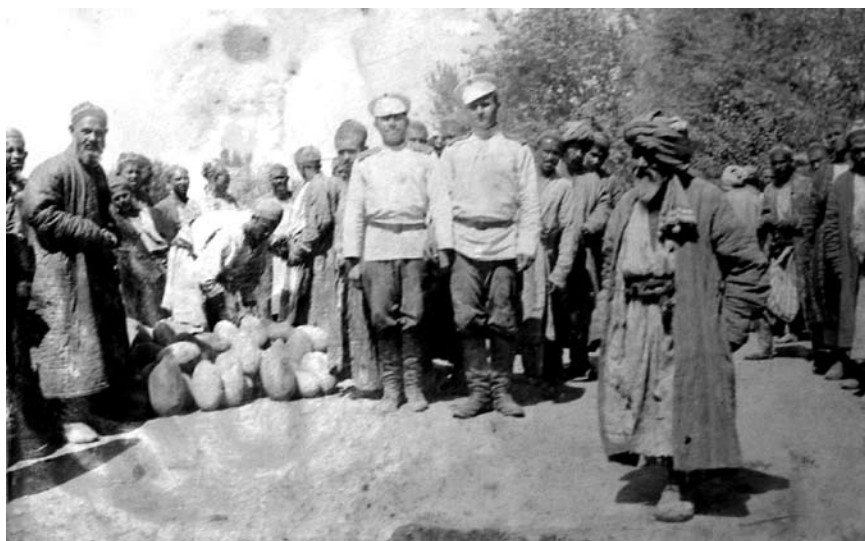
Оттуда он должен был ехать в Швейцарию для совершенствования знаний в ветеринарной науке. Но помешала революция и гражданская война, и дед вернулся. Позже он узнал, что поместье разграблено, животные — съедены, родной брат деда застрелился...»

Отец не любил говорить о «родословной». Владея определенной информацией от отца, предпочитал отшучиваться: — Графинька, ты, Витка, графинька ... была бы, сложись все удачнее. И мне «мантулить» бы не пришлось: жил бы где-нибудь в ... и в ус не дул.

Имея лишь обрывочные сведения, полученные от отца, но не подтвержденные никакими документами, не беру на себя смелость пересказывать «семейное предание». Скажу лишь, что это трагическая история, замешанная на религиозных и национальных распрях, проклятиях, эмиграции, борьбе за выживание, вечных разъездах. Уже на земле Российской империи ключевую и не менее трагическую роль в истории Хорватов сыграют распределение родового капитала, неудачная финансовая сделка, любовь. К началу XX века род Хорватов раскололся и «осколки» (как говорил отец «вдребезги разбитого счастья») разметало веером по Германии, Швейцарии, Америке, России. «Ветви», осевшей и проросшей в России, досталось немало. Имеются свидетельства причастности фамилии к поселению Новая Сербия и (косвенные) к всемирно известному заповеднику «Аскания нова», названия которых и легли в основу моего имени, не просто так придуманным отцом — Novus, Новая...

Красноармейцы на фоне русской церкви.

Красноармейцы на базаре.

Откуда Хорваты в России³

Справка

Хорват — древний дворянский род (о происхождении до сих пор идут споры), записанный в IV части родословных книг губерний Харьковской, Херсонской и Курской. Предки его в 1689 году были пожалованы императором Леопольдом дипломом на дворянство и гербом. Герб рода Хорват внесен в часть 6 общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи, стр. 150. Сын Марка Х., Самуил, воевода великоварадский, в 1726 году «за верность и заслуги» императором Карлом VI награжден поместьем. В 1751 году вместе с сыном Иваном Хорватом, полковником от инфантерии австрийской службы, выехал в Россию.

В 1751 году к австрийскому посланнику в Вене обратился полковник австрийской службы Иван Самойлович Хорват с просьбой разрешить ему и группе других людей, среди которых было немало сербов, поселиться в России. С середины XVI века австрийцы активно использовали сербов для охраны границ своего государства от турок. Им предоставлялись привилегии, каких были лишены католики-хорваты и словенцы. Однако несмотря на привилегированное положение в Австрийской империи, на сербов постоянно оказывалось давление со стороны католического духовенства. Сербов всеми правдами и неправдами пытались склонить в католичество или унию и безуспешно. Полковник Иван Хорват и его сподвижники также ощущали невыносимое давление со стороны австрийцев, и видели только один выход для себя и своих детей — переселение в Россию.

Императрица Елизавета благоволила удовлетворить просьбу о переселении. Тогда же родился план переселения в Россию большого количества сербов, македонцев, болгар, валахов, и формированию из них гусарского (численностью до тысячи человек) и пехотного, «регулярных Пандусов», численностью до двух тысяч человек. Эти полки и надлежало привезти в Россию

³ Источники: БЭ. Т. 1. — СПб. : Просвещение, 1903. С. 82—96; БЭ. Т. 4. С. 611—625; БЭ. Т. 5. С. 295—296; БЭ. Т. 15. СПб. : Просвещение, 1904. — С. 492; www.gerbovnik.ru.

полковнику Хорвату и поселить в заднепровской Украине. В 1751 году он вместе с семейством прибыл в Россию, в город Киев — с офицерами и рядовыми численностью 218 человек. Начиная с 1752 года группы переселенцев начинают прибывать регулярно. Им отведены лучшие земли. Все руководство областью осуществлял лично Хорват, получивший генеральское звание. Место проживания назвали Новая Сербия. 13 апреля 1764 года указом русской царицы была образована Новороссийская губерния, с включением в ее состав Новой Сербии. Сербский гусарский полк был реорганизован в 1770-х годах и стал называться Бахмутским. В нем впоследствии служил Михаил Лермонтов, и этим фактом объясняется появление в рассказе «Фаталист» офицера-серба Вутечича. После первых сложных десятилетий жизни в Новороссии, переселенцы заняли подобающее им место в российском обществе, принося немалую пользу своему новому Отечеству. Например, сын известного Штерича — Петр, выпускник Штутгардского университета, своими исследованиями заложил основы промышленной добычи угля и железа в этих краях.

Окрестности Истаравшана
(www.ctb.ua).

Национальный
костюм
таджички.

Ура-Тюбе. Городище на холме
Муг с резиденцией бывшего
местного правителя.
(www.stb.ua)

*Так Навруз
в Таджикистане
отмечают исстари
и по сию пору.*

*А так —
в тандыре, пекли
и сейчас пекут
лепешки.*

*Плов был и остается
главным блюдом
таджиков.*

Жизнь не требует, чтобы ты был последовательным, жестоким, терпеливым, внимательным, сердитым, рациональным, бездумным, любящим, стремительным. Однако Жизнь требует, чтобы ты осознавал последствия каждого своего выбора.

Ричард Бах

Часть 2. АЛЕКСАНДР (1912 – 1937 гг.)

Переезд в Ташкент

Начало 1912 года. Шурка завершает первую ступень домашней музыкальной подготовки. Ему пошел восьмой год. Порог безграмотности населения до его рождения составлял 98 %, но не сделал резкого рывка с открытием светских русских школ. Их эффективность оставляет желать лучшего и не может устроить претендентов на полноценное освоение общеобразовательной программы, не говоря уже о специальной — музыкальной.

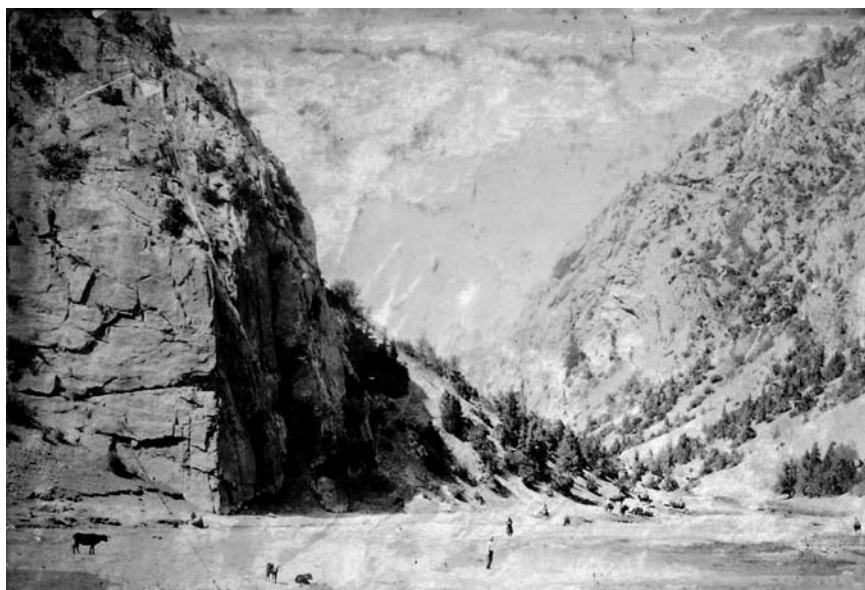
Родители понимают, что с сыном надо что-то делать. Ему необходимо хорошее образование. Здесь, на отшибе, его не получить. Надо перебираться в Ташкент. Такое решение принимается на семейном совете.

Хорваты опять в пути.

Шурке жаль покидать Ура-Тюбе, но хочется мир увидеть, на который не просто взирает, а поглощает, изучает внимательным взором — похожим на «орлиный», как теперь все чаще повторяют окружающие. Мальчишка в восторге от дороги и предвкушения нового.

Хороший подарок на день рождения — ослик. 1910 г.

Ура-Тюбе. Скот на выпасе в ущелье. 1911 г.

Ташкент.

Справка

Ташкент — столица Узбекистана, крупный промышленный транспортный узел, культурный центр. Расположен в северо-восточной части страны, в ташкентском оазисе, в долине р. Чирчик, на высоте 440—480 м. По численности населения — четвертый город после Москвы, Ленинграда и Киева: 314 тысяч в 1926 г., 556 — в 1939 г., 1595 тысяч — в 1975 г.

Учеба

Из воспоминаний отца

«После семи лет я поступил в гимназию. Среднее образование завершал в школе им. Новикова. После школы серьезно увлекался спортом: состоял членом спортивного общества «Сokol», занимался легкой атлетикой и гимнастикой. Преподавал физкультуру в школе, был инструктором физвоспитания. К тому времени имел два рекорда по легкой атлетике на Среднеазиатской олимпиаде — по метанию ядра и прыжкам с места в длину».

Справка

В 1876 г. в Ташкенте открыты русская мужская (8 классов) и женская (7 классов) прогимназии, которые вскоре реорганизованы в гимназии. Для мужской гимназии построены три двухэтажных здания, фасадом выходящие на Константиновский сквер (сквер Революции, сейчас сквер Амира Темура).

Ташкент, мужская гимназия.

Дед с ташкентскими коллегами. 1910 г.

В 1906 г. в Ташкенте организована первая легкоатлетическая группа «Сокол».

Вырос из детских штанишек

Теперь ему больше подходит полное имя — Александр. «Солнце» на турнике (вперед и назад), жонглирование гири, бег. Одновременно серьезные занятия музыкой, — тем, что видится будущей профессией. Родителей близкое соседство несовместимого смущает: музыкант должен беречь руки, и турник, огрубляющий их почти верблюжьими мозолями, не лучший спутник. С другой стороны, признают — спорт лучшее лекарство от вредных привычек (до 25 лет Александр не употреблял спиртные напитки и не курил).

Но есть проблема, и большая. Отец видит сына только в роли врача, тот упирается. Вынужденный уступить настоянию родителей, едет поступать в Москву, якобы в медицинский вуз.

Александр — студент музыкального техникума.

На самом деле поступает и учится в Московской консерватории, носящей имя любимого композитора П.И. Чайковского. Обман раскрылся, когда неожиданно в столицу нагрянули родители.

Тогда-то Хорват-старший показал, что может быть крут:

— Ты лгун.

Сын тверд:

— Мое место в музыке.

В восемнадцать лет фотомастер запечатлеет на снимке уже почти сложившийся характер: выражение глаз и сжатых губ выдают целеустремленность, внутреннюю силу.

Музыка

Из воспоминаний отца

«Начал учебу в Ташкентском музыкальном техникуме, куда был принят после домашней подготовки сразу на второй курс по классу фортепиано. Поступил в Московскую консерваторию. Там познакомился с профессором С.А. Козловским, у которого продолжал занятия, и который много позже появится в моей жизни, правда, уже в роли коллеги по работе.

С другом-студентом.

Спустя год, по личной инициативе, переехал в Ленинград, где и продолжал образование у М.Н. Бариновой — профессора Ленинградской консерватории, воспитанницы И. Гофмана и Ф. Бузони.

В те времена программа фортепианного отдела складывалась из следующих требований. Студентов обучали быть не только исполнителями, а специалистами, которые были нужны новой музыкальной культуре. Каждый из нас овладевал навыками в педагогике, в исполнительстве, умениями провести лекцию или беседу в массовой аудитории — школах, клубах, Домах культуры.

Демократически настроенная молодежь охотно воспринимала новые требования, которые развязывали студенческую инициативу и давали возможность в разных формах быть полезными требованиям нашего времени. Печатался в “Вечерней Москве” и в Ленинградских газетах».

*Профессорско-преподавательский состав Ленинградской консерватории.
М. Баринова в первом ряду.*

Справка

1924 г. — в Ташкенте создан музыкальный техникум, с 1936 г. — музыкальное училище, с 1939 г. — имени Хамзы.

Санкт-Петербургская государственная консерватория Н.А. Римского-Корсакова, Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского — высшие музыкальные учебные заведения СССР. Первая основана в 1862 г. и список выпускников открыл П.И. Чайковский.

Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского основана в 1866 г. Н.Г. Рубинштейном на базе созданных им же музыкальных классов.

Проба пера и романтики

Александра переполняет энергия. Внутри роятся смутные желания, мысли, рифмы. Он пробует свои силы в журналистике. В частности, «Вечерняя Москва» охотно принимают к публикации стихи начинающего литератора, и рецензии на то или иное мероприятие. Знакомство с культурной жизнью столицы для молодого человека занимает важное место — сразу после музыки. Ему довелось слышать Маяковского, Ахматову, Цветаеву, встречаться и беседовать с Куприным.

Театры, спектакли, концерты, выставки, творческие встречи с поэтами и писателями становятся родной средой, дают богатую пищу для размышлений — что есть искусство, в чем сила музыки, живописи, поэзии, какие «пружи-

Александру 18 лет.

ны» они заводят в человеке, за счет чего аккумулируют и высвобождают небывалую внутреннюю энергию, какие «струны» задевают, делая внутренний мир духовнее. И что же все-таки главное в искусстве — «что» или «как».

Наступает период юношеского романтизма. Пробуждается интерес к философии: зачем приходим в этот мир, с какой миссией.

Музыка не в обиде — дружба с ее духовными сестрами — не измена, а подтверждение, что избравший ее умеет любить многогранно, храня верность избранному целому.

Первыми силу хорватовской любви испытали композиторы-романтики — Шуман, Шуберт, Шопен, Лист, Брамс, Рахманинов. Представители отдельного «художественного клана», проповедующие самоценность духовной и творческой жизни личности, сильные страсти и характеры, одухотворенность, целительность природы оказались близки по духу.

М.Н. Баринова. Сборник статей и воспоминаний «Ученица великих».

Справка

Баринова Мария Николаевна (1878—1956 гг) — советская пианистка и педагог. В 1902 г. окончила петербургскую консерваторию по классу фортепиано у С.А. Малоземовой, в 1903 г. по композиции у Н.А. Римского-Корсакова. В 1904 г. совершенствовалась в игре на фортепиано под руководством И. Гофмана, позднее — Ф. Бузони. В 1907—1910 гг. преподаватель, в 1911—1928 гг. профессор Петербургской консерватории. Лекционно-концертную деятельность продолжала до 1940-х годов.

Становление, 1928 год

Александр возвращается в Ташкент после учебы переполненный впечатлениями и в новом состоянии напоминает сгусток энергии. Собирается активно включиться в «строительство новой музыкальной культуры». Полон оптимизма, задумок, планов. Увидев его в деле, многие предрекают — большому кораблю — большое плавание.

Из воспоминаний отца

«После учебы в консерватории вернулся в Ташкент, вооруженный творческой методикой М.Н. Бариновой и искусством марксизма-ленинизма, полученным в Академии искусств. Мне пришлось стать свидетелем нелицеприятного. Как бы я мог, как пианист, как педагог отнестись к преподаванию Н. К., когда она, ставя на запястье ученика пятак, предлагала сыграть в быстром темпе си-мажорную гамму! С естественным возмущением, которое и выразил, не скрывая. Поделившись попутно специальными упражнениями для «постановки» руки, расслабленной, естественной кисти и беглых пальцев — те, что привез из Ленинграда и Москвы. Но понимания у Н.К. не нашел, нажив себе в ее лице врага.

Как я мог относиться к ответу музыкального преподавателя на вопрос «что такое мелодия?» — «это набор звуков, различных по долготе и силе»? Музыкай заниматься целую жизнь, но почему-то не удосужиться поискать внутри себя простой и естественный ответ- что же является сутью музыки? Может музыкально выраженная мысль в одноголосье, многоголосье? Ну, и т. д.

Было мне тогда 24 года. Продолжал корреспондентскую работу, работал рецензентом в газете «Правда Востока». В одной из критических статей по поводу отчетного концерта музыкального техникума Ташкента под названием «Эстеты на трибуне» написал о негативной обстановке в педагогической работе учреждения. В результате произошла смена административной и учебной части — как случайных людей, не имеющих никакого отношения к музыке».

Случайных людей не может и не должно быть в музыке, все правильно. Музыка чахнет от равнодушия, малограмот-

ности, закостенелости мысли. Но также убийственным для нее являются антипедагогические методы, «иезуитские техники», аналогичные «пяточковой», в практике встречающиеся, увы, нередко. У Хорвата формируется своя философия: музыка как ценность, зиждется на трех китах — техника-эмоции-творческая трактовка. Зациклись на одном, и чуда не состоится. Пятак на тыльной стороне ладони... Бузони бы онемел при виде подобных «пытков».

Вы пробовали сыграть Рахманинова, но обронили монету? Bravo: значит ваша кисть «эластична», расслаблена и полностью подчиняется сигналам участков мозга, не имеющих ничего общего с «роботизацией». Вас не терзали монетами? Вам повезло с правильными учителями. Вот таким педагогом и хочет стать Хорват. Еще его живо интересует теоретическая сторона искусства: на какой платформе «произрастает» музыка, ее интонация, характер, из чего состоит, что делает Рахманинова — Рахманиновым, а Бетховена — Бетховеном.

Ольга + Александр, 1927 г.

Еще он, как все молодые люди, хочет любить и быть любимым. Как шел поиск «половинки», что из себя представляла избранница, мне неизвестно. Эту часть жизни отца реконструирую с помощью брата.

Из воспоминаний брата

«В названной паре скрестились две линии: Железняков-Никольских и Хорватов. Это мои родители: Ольга — первая внучка Железняков, Александр — единственный сын Хорвата и Эфалии Яковлевны М.

Ольга (Ляля) Никольская родилась в г. Грозном 7-го августа 1907-го года. Цитирую сохраненное мамой свидетельство о рождении.

«По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Владикавказская Духовная Консистория, подлежащею подписью съ приложением казенной печати удостоверяемъ, что в метрической книге Владикавказской епархii Покровского молитвенного дома города Грозного за тысяча девятьсот седьмой годъ,

въ 1-ой части родившихся, под № 45, жен. пола, значится следующая запись: тысяча девятьсот седьмого (1907) года родилась двадцать пятого июля, крещена пятнадцатого августа — Ольга. Родители ея: кандидат на судебные должности Константин Михайлович Никольский и его законная жена Надежда Михайловна. Восприемниками были: Смотритель Грозного военного госпиталя подполковник Михаил Федорофич Железнякъ и жена подполковника 82 Дагестанского полка Ольга Васи́лева Железнякъ. Тайнство совершалъ...» и т. д.

3-го февраля, 1915-го года. Подписи члена Конституции, секретаря, архивариуса.

Вот такой документ, которому более 100 лет. Синий штамп на свидетельстве указывает, что на его основе мама в 1933-м получила советский паспорт. Уже в Ташкенте.

Сколько фотографий маленькой Ляли хранит старый альбом! На них она в круту семьи — рядом любящие дед и баба, родители. Бабушка Ольга Васильевна явно опекает внучку — тезку. Как же, первая внучка в семье Железныков!

Период 1907—1915 годов: Ляля предстает в немыслимых нарядах, занимая обычные для детей позиции — в подушках, на коленях, на стульях, каких-то тумбочках; Ляля спит, Ляля гуляет с родными и няней, Ляля возит игрушки и т. д., и т. п. С 1910 года рядом с ней появляется белоголовый братик — Юрочка. В 1912 году супруги Никольские фотографируются с двумя детьми на крыльце родного дома, маленькая Ляля улыбается. Эффектный и трогательный снимок! В этой же позиции, видимо в тот же день, сняты три поколения семьи: старые Железныки, Никольские — родители и дети. Последний детский снимок мамы относится к 1915 году: в фотостудии на фоне пейзажа позирует Михаил Федорович, сидящий в кресле; между колен у него разместился Юрий, слева от деда, облокотившись о ручку кресла, стоит Ляля. Все трое серьезны, особенно дед, ведь идет война, где будет размещать вверенный ему госпиталь? А жить ему осталось лишь три года...

В детстве мама более всего похожа на бабушку Ольгу Васильевну. Круглое лицо, темно-русые волосы, чуть опущенные уголки губ. Родительского в ней мало...

Следующий период жизни Ляли Никольской, отраженный на фотографиях, — школьный. Вглядываюсь в другое свидетельство, — выданное 11 июня 1925 года. Советом ташкентской девятилетней школы № 4 им. Песталоцци (на Хорезмской). В документ вклеена мамина фотография — тургеневская скромно-мечтательная 18-летняя девушка, большие грустные глаза, волнистые волосы. Мамины достижения в школе впечатляют; она проработала и усвоила следующие предметы: обществоведение, русский язык и литературу, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, химию, космографию, естествознание, экономгеографию, психологию, узбекский язык (!!), немецкий и французский языки(!!!), рисование, пение, физкультуру. Выражаясь современным языком — не хило!

Мама вошла в пятый выпуск школы им. Песталоцци. Предполагаю, что ее учеба началась в 1920-м, т. е. с начала первого года деятельности школы. Могла ли она за пять лет освоить все эти предметы, которые соответствуют девятилетке? Вряд ли. Значит несколько лет до отъезда в Ташкент она училась в грозненской школе, давшей ей неплохую подготовку.

Молодые люди с выпускной фотографии очень просто одеты, чаще всего — белый верх, черный низ, но такие хорошие, теплые лица! Одно мне хорошо знакомо — вылитая персиянка! Это Зина Шелигран (тетя Зина для меня), верная подруга мамы. Их дружба — длиною в жизнь!

Перебираю немногочисленные оставшиеся мамины документы. Вот синяя тонкая книжечка — студенческое удостоверение. Оно свидетельствует, что в 1925-м осенью Никольская Ольга Константиновна была принята в Средне-Азиатский государственный университет (САГУ) на восточный факультет. На фото в удостоверении мама выглядит просто здорово: модная шляпа-котелок, черная куртка, высокий глухой черный свитер оттеняет матово-бледное лицо с широко распахнутыми глазищами. Впереди счастливая студенческая пора, 5 лет учебы. Мамой было выбрано этнолого-лингвистическое отделение где она специализировалась на этнографии иранских народностей. Ей предстояло прослушать 29 теоретических курсов и посетить восемь семинаров в основном по языкам — персидскому, английскому, таджикскому. Среди теории на

первом месте значился курс исторического материализма, на третьем — истории социализма. В обучение были включены и элементарные сведения о военном деле, оказании первой помощи, учении о ранениях, санитарной службе. Страна бдила и готовилась...

Думаю, что в студенческие годы у мамы было много серьезных интересов и помимо учебы. Это прежде всего чтение и музицирование. Сколько я ее помню, она читала и собирала книги. Что касается музыки... Когда она выучилась играть на пианино, не знаю, в Грозном или Ташкенте. И вот передо мной самодельная афиша — на серой плотной бумаге — программа музыкального вечера 12 ноября 1927 г., оформленная красками и цветными карандашами. Среди музыкантов — Никольская, которая должна исполнить ноктюрн Листа и этюд Годара. И еще: в четыре руки норвежские танцы Грига играют Никольская и Хорват. Значит в жизни студентки-второкурсницы востфака уже в 1927-ом году существовал такой значительный интерес как Александр Александрович Хорват, будущий муж Ляли Никольской и мой отец.

Борьба идей

Культурная революция дается непросто. Зарождение новых тенденций в музыкальной культуре Узбекистана сопровождается противостоянием. Существует серьезная проблема: в общественной среде формируются различные точки зрения на дальнейшее развитие музыкальной культуры. Они вносят раскол в стан искусствоведов, теоретиков, практиков. Между лагерями завязывается борьба идей. По одну сторону баррикад выступают за сохранение национальных музыкальных традиций в чистом виде. Здесь даже теоретически не допускается мысль о «прикосновении» к ней европейской музыки. По другую — рассматривают традиционную классическую и народную музыку как фундамент для усвоения европейских многоголосных форм и жанров, которым, по их мнению, присущи более высокая художественная проба и значение.

В начале 30-х годов спор обостряется: в среде узбекской интеллигенции немало представителей, проповедующих собственную музыкальную культуру и не ведающих о ценности

классической музыки. Само понятие «национальная классическая музыка» ново, потому требует научной проработки и социальной адаптации. В 1926 году научную «подложку» под эти понятия пытается подложить музыкальный исследователь Абдурауф Фитрат, написавший крупную работу «Узбек классик мусикаси ва унинг тарихи» («Узбекская классическая музыка и ее история») на узбекском языке в арабской графике (Самарканд — Ташкент, 1927 г). Методы и принципы музыкознания исследователь ищет в опыте средневековой музыкальной науки мусульманского Востока, некоторых идеях западно-европейского музыкального востоковедения и советского музыкознания, представленного работами русских ученых, таких как В. Беляев и В. Успенский. В середине 30-х книга изымается из научного обращения и становится дополнительным «свидетелем» против автора, обвиняемого в пантюркизме, панисламизме и национализме. (Вернется она в музыкознание в середине 80-х, а новое издание (в кириллице) появится в 1993 г., когда идея возрождения национальной культуры вспыхнет с новой силой). В 1927 году появляется также статья Успенского с названием «Узбекская классическая музыка» с близким упомянутым проблемам содержанием. Как свидетельствуют источники (один из них — статья кандидата искусствоведения Александра Джумаева, «Абдурауф Фитрат и его современники на «музыкальном фронте» Узбекистана (20—30-е годы), 1997 г.), тогдашняя партийно-государственная элита была заинтересована именно в сбалансированном варианте.

Музыка — тоже идеология

Четкая партийная позиция формулируется в начале 30-ых первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Акмалем Икрамовым в статье «Культурное строительство в Узбекистане» (газета «Известия», 24 августа, 1932 г.):

«Сейчас уже даже рядовой колхозник начинает чувствовать, что узбекская старая музыка его не удовлетворяет. Узбекская музыка создана много лет назад, когда узбекский народ, узбекские трудящиеся несли двойной гнет ханов, беков и ига царского империализма. Именно поэтому основным мотивом узбекской музыки является плач, слезы, горе. Эти мотивы не отвечают

требованиям сегодняшнего дня. Такую музыку слушать скучно. Над этим надо призадуматься, но было бы глубоко «левацкой» ошибкой отказаться от этой музыки. Это «левый» загиб, помогающий национализму. И в области музыки мы должны вести борьбу на два фронта — как с правыми, которые хотят консервировать узбекскую музыку, так, как она есть, и помешать ее развитию в направлении, отражающем социалистическое строительство, так и против «левых», стремящихся отказаться от всего музыкального наследства. Нам нужно от нее не отказываться, а идти вперед, совершенствовать ее, добиваться, чтобы наша музыка отражала победоносное шествие узбекских трудящихся масс к социализму, к светлому будущему».

А вот цитата из выступления в 1931 году известного деятеля музыкальной культуры Узбекистана М. Кари-Якубова: «До сих пор ничего не сделано для создания кадров пролетарских композиторов благодаря тому, что в Наркомпросе сидели национал-шовинисты. Узбекская музыка остается на уровне примитива, звучит в унисон. Не ясно, как поднимать культуру национальной новой музыки. В Узбекстанском национальном техникуме учатся чуждые элементы. Москва должна помочь, дать руководителей, которые могли бы поставить на должную высоту музыкальный техникум. Надо создать национальную оперу. Надо, наконец, твердо решить — нужно ли нам перейти на европейский симфонический оркестр или следует по-прежнему ограничиваться унисоном».

Как видим, на первый взгляд чисто искусствоведческие, научные проблемы приобретают ярко выраженную идеологическую окраску. Политикой пропитывается все, и даже «обыкновенный» музыкант становится «творческой единицей», которую можно «делегировать» (или сдвинуть) в какую угодно сторону. Отдельные специалисты-теоретики, ученые, сориентировавшись в обстановке, мимикрируют. Кто-то же — в основном идеалисты, — продолжают плыть и в шторм. Каждый делает выбор сам.

В. Успенский занимается глубоким исследованием национальных истоков музыки: теория, история музыки, музы-

кальная этнография — вот его конек. Он ставит музыку «под лупу» — мелодию, ритм, метр, гармонию, — чтобы выявить специфические средства музыкальной выразительности. Конечная цель — воссоздать целостную картину развития национальной музыкальной культуры в зависимости от изменений условий жизни. Одновременно Успенский занимается композиторской деятельностью и возглавляет музыкально-этнографическую комиссию по записи и изучению музыкального наследия Средней Азии.

Г. Мушелю по душе композиторская деятельность. Он на практике подтверждает мысль, что страна, которую называли «Туркестан» («Страна тюрков»), находящаяся в центре Евразии, давно впитала элементы всех мировых культур — культур народов Запада и Востока, Севера и Юга.

А. Хорват делает ставку на исполнительство, опору национального на лучшие образцы музыкального искусства Европы и Запада, и педагогическую систему подготовки музыкантов новой формации.

Так они понимают свое участие в культурной революции республики. Они свято верят в направление, определенное для музыковедения высказываниями В. И. Ленина об искусстве, руководящими указаниями КПСС по идеологическим вопросам. Тогда в силе была единая «шпаргалка»: советское музыковедение призвано активно помогать строительству новой, социалистической музыкальной культуры, способствовать музыкальному просвещению и воспитанию широких масс трудящихся, бороться за глубокое всестороннее освоение классического наследия, за правдивое реалистическое отражение действительности в творчестве композиторов, разоблачать проявления реакционной упадочной буржуазной идеологии в музыке.

Таким образом молодые музыканты, в том числе и Хорват, становятся «прорабами музыкальной перестройки».

Справка

Виктор Успенский — композитор, Народный артист ТССР (1929) и УзССР (1937). Доктор искусствоведения (1943). С детства жил в Средней Азии. В

В. Успенский.

Дорогому Гаррику здраву
Саше в камере описано
незабываемом и самом
Тяжелодном и маме
всем и маме
Клавье.

Успенский К.
12/12 1968г.
Тяжелод

Подпись на обратной стороне фотокарточки.

1913 г. окончил Петербургскую консерваторию у А. Лядова. С 1918 года жил в Ташкенте, изучал фольклор Средней Азии. В 1923 записал в Бухаре шашмаком. В 1925—1929 годах провел три фольклорные экспедиции в Туркмении, где записал народные песни и инструментальные пьесы. В 1931 году возглавлял музыкально-этнографическую экспедицию в Ферганскую долину, где записывал узбекскую народную музыку. В 1932—1949 годах научный сотрудник института искусствознания в Ташкенте. Один из основателей Ташкентской народной консерватории, где в 1918—1922 годах вел курс гармонии. В 1928—1934 годах преподавал в Ташкентском музтехникуме. С 1934 года профессор Высшей музыкальной школы (с 1936 года Ташкентская консерватория), где преподавал музыкально-теоретические предметы. Автор научных трудов, в т. ч. «Музыка на тексты А. Навои», «Узбекская вокальная музыка». Автор (совместно с Г. Мушелем) музыкальной драмы «Фархад и Ширин» (1936 г.), музыки к драмспектаклям «Муканна» Х. Алимджанова (совместно с Г. Мушелем) и мн. др.

Планов громадьё

Из воспоминаний отца

«Позже глава Наркомпроса по искусству Узбекской ССР Худояров предложил оказать помощь. В кругу единомышленников, молодых музыкантов и новых преподавателей из Москвы, Ленинграда неоднократно ставили вопрос о новых подходах к строительству музыкальной культуры республики.

При поддержке редактора «Правды Востока» Л. Бураса, имевшего музыкальное образование, я опубликовал ряд обзорных, проблемных и критических статей. В них особенно подчеркивался вопрос о том, что нельзя привить искусство народу, не повысив его общий культурный уровень. Эту мысль развивал и в других материалах.

... Меня привлекли к работе в Наркомпросе Узбекской ССР в качестве музыкального инспектора и одновременно в Дом Красной армии — как лектора и аккомпаниатора, а в радиокомитет — в качестве редактора музыкального вещания.

Обстоятельное знакомство с положением дел в части развития музыкальной культуры позволило сделать выводы, среди которых выдвигалось предложение об образовании Ташкентской консерватории, института искусствоведения и привлечения высококвалифицированных специалистов».

Инспектор — это не только методическая помощь, но прежде всего принципиальные проверки. Лектор — это не только просвещение, но и пропаганда новых идей. Редактор — это не только организация нового мышления, но и реорганизация старого. Все это в полной мере присутствует в работе Хорвата. Довольно ответственной и беспокойной, если иметь в виду умянутый выше общий фон на «музыкальном фронте».

Свадьба, 1928 год

Из воспоминаний брата

«Где, когда и как познакомились мои родители, не знаю и упрекаю себя сейчас за свою нелюбопытность к их жизни. Не сохранились и их письма к друг другу. Возможно они были изъяты при аресте отца.

Знакомство, перешедшее в любовь, не помешало маме в 1930 году окончить восточный факультет университета, в связи с чем ей была присвоена квалификация востоковеда-энтомолога. В выданном свидетельстве (дипломе) это "...подписями и приложением печати удостоверяется".

А вот и коллективный снимок востфака 1929—1930-х учебных годов. Рядом с моей мамой — верная подруга Зина Шелигран, чуть выше — Дмитрий Груза, ставший мужем Зины, правее еще одна подруга — Нина Крылова. Все они частенько заходили в наш дом, а дочь Крыловой — Наталья бывала в нашей студенческой компании геологов. Вот она, связь поколений.... И еще о ней же, о связи. В углу этого снимка — фрагмент здания САГУ, где, конечно, располагался востфак. Присмотревшись к нему убедился, что два десятка лет спустя именно там учились мы, студенты геологического факультета. Значит, ходил с мамой одними коридорами, сидел в одних аудиториях...

*Ташкент. С друзьями возле обсерватории.
Отец, Ольга (в центре), супруги Груза — слева. 1936 г.*

Мама с отцом поженились в 1928-м, о чем свидетельствует запись на обороте выше цитируемого свидетельства о рождении. Выполненная красными чернилами, она гласит: «означенная в сем документе Никольская Ольга вступила в брак с Хорват Александром. Акт записан в книгу браков II отдела ЗАГС г. Ташкента. Брачующиеся должны именоваться фамилией Хорват. 1928 г.» Печать, подпись. Мама, однако, осталась Никольской. Почему? Было предчувствие недоброго?

И еще напоминание о 1928-ом. Родители в зимних шляпах, пальто позируют щека к щеке. Лица спокойные, умиротворенные. Важное решение принято.

Здесь я прерываю повествование о маме, чтобы рассказать об отце, который сделал счастливой, а потом глубоко несчастной свою жену и мою мать. Александр Александрович Хорват старше мамы на три года. С фотографий он предстает невысоким, атлетически сложенным человеком. Постоянные занятия

физическими упражнениями придавали его фигуре притягательную рельефность. Смуглое лицо в молодости было очень выразительным, из той категории лиц, которые выказывают породу.

Высокий лоб, мелковолнистые волосы, чуть ли не негритянские, с блестками ранней седины, прямой тесно сжатый нос, крупный полный рот, с несколько выступающей нижней губой, очень выразительные карие глаза. Его фотографии — в детстве, юности, в пору женитьбы — говорят о нем как о человеке живом, недюжинной силы и быстрого ума, притягивающем окружающих. Что-то в нем, молодом, напоминает Пушкина».

Москва.

У истоков рождения консерватории, (1934—35 гг.)

Любовь — хорошее подспорье в любом деле: она зажигает, окрыляет, становится мощным двигателем во всех сферах жизни. Самый яркий отрезок жизни Хорвата и самый плодотворный в творческом плане приходится как раз на пору влюбленности.

Он готов горы свернуть. Он «засучивает рукава», не страшась множественных совмещений, но и не уходя в сторону от цели.

Хорошей опорой в профессиональном становлении и продвижении задуманных целей становятся старшие товарищи по работе, новые московские коллеги, и в первую очередь, С. Козловский, знавший Хорвата со времен его учебы в консерватории. Между ними, отличными по возрасту, опыту и характеру, устанавливаются теплые дружеские отношения. Близки по духу и творчеству также талантливые музыканты и яркие личности Ян Пеккер и Георгий Мушель. Как эта «троица» уживается, одному богу известно. Хорват — вулкан страстей и напористость, Мушель — сама мягкость и обходительность, Пеккер — учтивость и дипломатичность. Полные антиподы! Но дружба крепнет, а совместные дела продвигаются. «Дружественную палитру» завершают Дмитрий Груза и Горшенин. (Последнего, в отличие от других, лично я не знала, но отец много рассказывал о нем маме. К сожалению, она уже забыла имя). Все вместе боготворят уже тогда громко заявившего о себе В. Успенского.

*У истоков рождения Ташкентской консерватории. Ядро педагогического коллектива.
Александр Хорват во 2-м ряду (в центре в светлой кепке).*

Из воспоминаний отца

«Наркомпрос УЗ ССР, согласовав эти вопросы с культурно-пропагандистским отделом (культпропом), доверил мне провозвести набор нужных кадров в Москве. Там за два месяца удалось заключить договоры со специалистами, которые согласились переехать в Ташкент.

Среди них главный дирижер Всесоюзного радиокомитета С.П. Горчаков, профессор Московской консерватории В.Б. Беляев, ведущий хормейстер А. Семенов, профессор С.А. Козловский, ведущий скрипач А. Кнорре и др.

Это было на рубеже 1934—1935 годов. Тогда я исполнял обязанности заместителя директора по научной части в новом институте искусствоведения, который был образован на базе Самаркандского музыкального института.

Среди молодежи, дополнительно привлеченной в разные сферы музыкальной работы, были и такие известные впоследствии имена, как: И.И. Мартынов — член редколлегии журнала «Музыкальная жизнь», музыковед Я.Б. Пеккер, впоследствии возглавивший музыкально-историческую кафедру консерватории. Известный композитор Г. Мушель — автор оперной, симфонической и камерной музыки.

Наиболее заметными фигурами были С.А. Козловский (автор нескольких опер, симфонических произведений. Он стал руководителем симфонического оркестра филармонии) и А. Лепин — композитор, известный в Союзе своими крупными музыкальными формами, чья музыка звучит и в фильме «Карнавальная ночь».

В эти годы Хорват, получивший отличную теоретическую базу композиции в консерватории, становится одним из организаторов Союза композиторов, пробует свои силы в фортепианном сочинительстве. К сожалению, его произведения не сохранились в нотной записи, но составить представление об индивидуальном художественном стиле я смогла по трехчастной пьесе, написанной в соавторстве с А. Лепиным, и часто звучавшей в нашем доме. Меня она поражала схожестью с характером отца: лирика, драматизм, серебристые переливы,

бурные аккорды, и оптимистическая кода — как мне все это понятно...

Есть!

Хорват умеет быть убедительным. Заинтересовать собеседника предметом разговора, увлечь идеей не сложно, когда знаешь сам, чего хочешь, к чему стремишься, какой силой обладаешь, чтобы нечто воплотить в жизнь. Его Слушают, Слышат, Проникаются. Музыкант с музыкантом, без оглядки на разницу в возрасте, опыте всегда найдут общий язык. Силу страсти всегда разделят поровну. Целеполагание всегда приведут к общему знаменателю. И, сложив свои энергии, обязательно дойдут до поставленной цели. А цель была только с виду проста: создать кузницу музыкальных кадров.

Открытие первого вуза искусств стало значительным событием в культурной жизни не только Узбекистана, но Центральной Азии и Казахстана, так как долгое время именно Ташкентская консерватория готовила кадры музыкантов высшей квалификации для всего Центрально-азиатского региона.

Первенцем становится фортепианный факультет. Его педагогические и исполнительские принципы складываются под влиянием лучших традиций Московской и Ленинградской фортепианных школ. Фортепианную кафедру возглавляет известный московский педагог, доцент С.А. Козловский.

Старт — путь к стабилизации учебного процесса — самый трудный. Идет поиск, апробирование оптимальных учебных планов, программ. Активно привлекаются к фортепианному искусству новые учащиеся. Пионером в области методических изысканий становится профессор Т.М. Котляровская. Своим опытом она делится в статьях, посвященных совершенствованию технического мастерства: «Техника как одно из важнейших условий исполнительства», «К вопросу о пальцевой беглости».

Проблема подготовки кадров на первое место выдвигает вопросы совершенствования процесса обучения. Вводятся обязательные программы, предусматривающие обязательное исполнение произведений Баха, Бетховена, кантилены, а также современных виртуозных произведений.

Закладываются традиции и правила. Вводятся и такие формы работы, как проведение классных вечеров. На кафедре начинают практиковаться циклы лекций и докладов с «музыкальными иллюстрациями». Пока еще робко, но бьет «ключ» концертно-просветительской деятельности, призванной поднять общую музыкальную культуру. Из всего этого через годы «вырастут» фестивали музыки композиторов Узбекистана.

В период становления для музыкантов главными вопросами становятся проблемы музыкальной педагогики (как учить правильно?), исполнительства (техника, психо-эмоциональный настрой). Изучается также проблема воспитания подходов к интерпретации. Противники имеются, но превалирует «правильный» взгляд на музыку — поют не клавиши — душа, техники — подручные, индивидуальное толкование музыкального материала — мозг.

Справка

Ташкентская государственная консерватория основана в 1936 г. Большое влияние на активизацию учебного процесса, повышение педагогического мастерства педагогов Ташкентской консерватории оказало творческое общение с крупными специалистами — музыкантами Московской и Ленинградской консерваторий.

Ташкентская консерватория. (www.photofile.ru).

Из приехавших в 1936 году специалистов выделяются С.А. Козловский (Москва), Ю.Н. Венкова (Москва). С 1937 года начинает работать Т.М. Котляровская (Ленинград), с 1938 г. — Н.М. Яблоновский (Москва). Творческие связи начинают расширяться: тесные контакты сложились у кафедр с ведущими профессорами Московской консерватории. С сольными концертами, консультациями, выступлениями учеников своих классов приезжали профессор Т. Николаева, В. Горностаева, М. Воскресенский, С. Доренский, Л. Власенко, Д. Башкиров.

Это были пианисты большого масштаба, высшего профессионализма мастера, художники яркой творческой индивидуальности. Первый выпуск состоится в 1940 году, второй — 22 июня 1941 года — в день начала Великой Отечественной войны.

Часть 3.

ВРАГ НАРОДА (1937 — 1939 гг.)

Их приучали к быстрым расставаньям,
их приучили к дальним расстояниям,
их научили «чиркать» отреченья,
работать, бить и пить по воскресеньям.

Страшны те годы были, что тут скажешь,
в кино всю правду, в книжке, не покажешь,
не отомстишь, и правдой не накажешь,
но «кривдой» жить сердечку не прикажешь.

Увы, давно не прочно, — не стальное,
оно давно совсем почти больное,
и с каждым звуком своего биенья,
все тише каплет в чашу нетерпенья.

Не верят дети: «Надо ж? В самом деле?»
«про жизнь росказни» едва ль задели.
Все по-другому выстроить хотели б:
кто в господу, ну, а кто и в мамзели...

Чтоб упорядочить доход и шопинг,
Шопена вольно обзывая — «Кнопинг»,
плюя в китайское, молясь на имидж,
зубря основы бизнеса и англиш.

Мечтая поскорей «свалить» за море,
и слышать лишь во сне о «Рапа-горе».
Им чудо-рай мерещится все ближе,
а каша русская на блюде — жиже.

На кой им черт про чьи-то расставанья!
На кой им ляд про чьи-то расстоянья!
Самим бы живу быть — и до свиданья!
И на ромашке ни к чему гаданья.

Нет, не гадают уж, а точно знают,
что под рассказы «предков» засыпают,
еще немного — и тоже отречение,
и выше мира — только САМОнение.

Не приучать их к быстрым расставаньям.
Давно привыкли к дальним расстоянья.
И уж их дети скажут: «Мы слышали...
Что — «ни за что» когда-то там сажали?»

Те не ответят, ничего не зная,
лишь лоб наморщат «Че-т, припоминаю...
а лучше б вы устроили бы шопинг,
иль поиграли, вот и ноты — Кнопинг...»

Не помнящих родства иванов много,
кто поспешит России на подмогу,
если уперлись в доллар все как рогом,
Тельца златого слепо сделав богом?

Страшные годы стали, что тут скажешь...
Что неправы «те-эти» — не докажешь...
Своим иконкам молятся, да ладно...
Хотя, по честности, — и больно, и досадно...
23.04.09 г., 15.50 час.

Заточка ножей, 1935 год

По закону жизни каждый печется о своем благополучии, отстаивает и обустроивает свое место под солнцем. Литераторы пишут, музыканты — играют и учат, рабочие — стоят у станков, крестьяне — сеют и собирают урожай. Все вместе мечтают о лучшем будущем и делают свое дело с уверенностью, что приближают его. Мещане — поглядывая в свое бытовое корыто, выстраивая на комоды слоников в ряд, прогрессивная часть общества — с тревогой всматриваясь в горизонт — небо затягивает свинцовыми тучами. Раньше и тоньше других это ощущают люди, стоящие на передовых позициях, думающие люди. В том числе представители мира культуры и искусства.

Кулуарно обсуждаются убийство Кирова, так называемые московские процессы. По ночам спуют «воронки». А наутро недосчитываются еще одного, и еще одного, и еще одного товарища, сослуживца, соседа, гражданина страны. Настала пора бессонных ночей: когда при любом шорохе — к окну, когда от ночного стука — мороз по коже...

Власть придержащие живут по своим законам: грызня с оппонентами, травля, приумножение «жестких решений», расчистка окружающего пространства от неудобных, сбережение личного драгоценного благополучия под лозунгом строительства государства рабочих и крестьян, где «вся власть — Советам».

Читают в «Правде Востока» речь Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 года в Большом театре. Фото Макс Пенсон.

Подозрительность, шпиономания, репрессии расцвели маховым цветом. Кажется, скоро весь горизонт покроется «растрельным» дымом, но адская машина набирает все новые обороты. Сталин собственноручно готовит постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти»:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10 дней.

2. Обвинительное заключение вручать за 1 сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

27 мая 1935 г. приказом НКВД СССР в республиках, краях и областях организуются «тройки» НКВД, в состав которых входят начальники управления НКВД, управления милиции и областной прокурор. «Тройки» принимают решение о высылке, ссылке или заключении в лагерь сроком до 5 лет.

Страна замерла. Страна затаила дыхание. Страна зашептала по кухням: «Кто следующий? Что дальше? Как уберечься?»

В газетах запестрели так называемые «отказные письма», попросту — отречения.

Образец «отказного» письма

(текст подлинный, стилистика и орфография сохранены):

*Прокурору Красноярского края
от Г. Н. Л.*

Заявление

Я, Г. Н. Л., родилась в Чите в 1905 г. Отец малограмотный, работал сторожем и умер, когда мне было 2 года. Воспитывалась у брата, который живет в Чите, рабочий депо. Мать домохозяйка. В 1934 г. приехала в Красноярск, поступила работать в военный

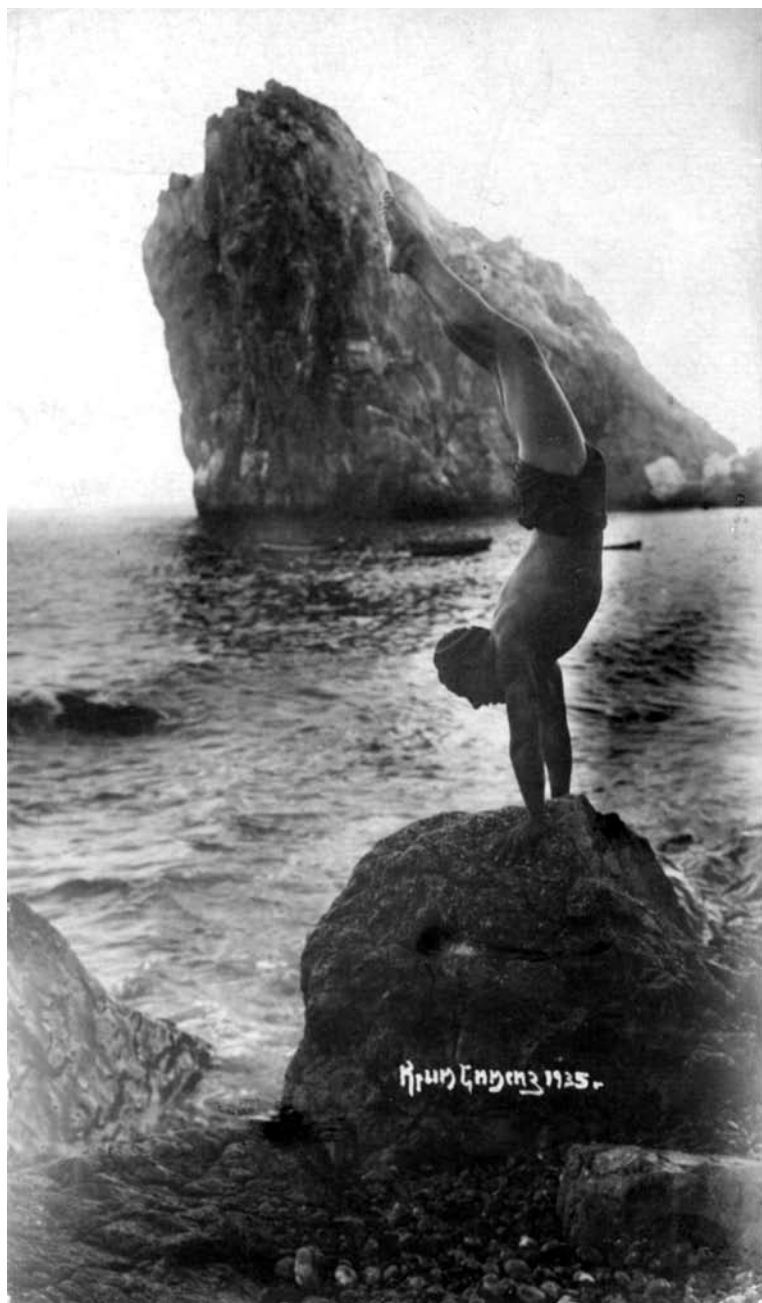
госпиталь медсестрой. Здесь познакомилась с Р. и вышла за него замуж. Не предвидела того, что он состоял в контрреволюционной террористической банде. Считаю его поступок недостойным для гражданина СССР. Я, как его бывшая жена, клеймлю позором совместно со всем человечеством и не нахожу слов выразить свое негодование столь преступным и подлым деянием, каковые совершал и участвовал в совершении их «мой бывший муж» Р. Я, как честная гражданка великого народа СССР, считаю себя до некоторой степени виновной в том, что не проявила достаточной чуткости и не выявила агента испано, проживая с ним в течении 3х лет. Теперь я поняла что насколько подло гнусно все эти отщепенцы троцкистско-бухаринской банды только маскировали проводимую свою гнусную работу. Ничуть мне не жаль, но жаль себя что этот мерзавец своим поступком заклятого врага народа положил на меня это грязное пятно, как на бывшую жену. Прошу Вас не считать меня такой же подлой по отношению к окружающим меня честным гражданам ибо сама из рабочей семьи и с гордостью приветствую нашу социалистическую родину борющуюся за создание тех же благ для униженных игом фашизма рабочих всех стран. Пусть враги народа, какими угодно замыслами не стараются поколебать мощь нашей родины, они неизбежно придут к тому же концу к какому пришел подлец и мерзавец «бывший муж» Р.

Г. А. Н.

Красноярск 13 авг. 37 г.

Страх волнами бьет в окраины СССР. В Средней Азии все понимается так, как и в Москве: собираться больше трех опасно. Еще опасней говорить о политике, обсуждать решения «верхов», текущую ситуацию. Даже среди своих, даже на корпоративных вечеринках, где пьют-шутят поровну и вместе, отвечают за последствия порознь и за всех. Наступила эра снятия голов не только с неосторожных, вольнодумцев, — со всех, кто кажется «не так посмотрел, не то сказал».

Под «не так» легко «подгоняются» колхозник, учитель, рабочий, техническая и творческая интеллигенция. Музыканты, составляющие ядро будущего Союза композиторов Узбекистана, также под прицелом. Они «слишком» на передовой культурного фронта, «слишком» размашисто возво-

Крым, Симеиз. 1935 г. С дальней скалы отец нырял ласточкой.

Коллектив Ташкентской консерватории. А. Хорват крайний слева.

дят «музыкальное здание» республики. Слишком напористо и смело реализуют планы, думают, говорят, мечтают. К тому же, смеют на все иметь свое суждение.

Хорват тоже «слишком» на виду: руководитель республиканского радиокомитета, один из руководителей консерватории, лектор Дома Красной Армии — идеолог, хоть и музыкально-культурной, но политики. — Жить в обществе и быть вне его нельзя, — частенько повторяет. И своими идеями, в том числе критическими мнениями на то, что тормозит развитие классического музыкального образования в республике, делится публично: как лектор и рецензент — через газеты, в частности, в «Правде Востока».

Это не добавляет друзей человеку, и без того имеющего неприятелей в стане «узколобых» и двуликих — проповедующих гибкость, закулисные игры, страдающих аллергией на правду и новации. На реальные и мнимые «минусы» Хорвата пальцев рук не хватит: не обладает «высокой проходимостью», дипломат «никакой» — резок, вспыльчив, свободолюбив, независим, самоуверен. И совсем уж Ахиллесова пята — вера в людей. К тому же — фамилия «подозрительная», «родословная» так и приглашает «покопаться». Чем не мишень?

Арест, 1938 год

Из воспоминаний отца

«Непоправимое случилось в разгар моей работы в консерватории и как организатора творческой ячейки будущего Союза композиторов Узбекской ССР. И руководителя республиканского радиокомитета. После арестов многих моих единомышленников-музыкантов, следующим оказался я. Это произошло 29 апреля 1938 года.

Ночь. Когда повелительно и требовательно постучали в окно моей квартиры, я занимался со своим товарищем Бочкаревым подготовкой материалов к узбекской декаде искусств в Москве.

— Кто там? — спросила Ольга, проснувшись от внезапного стука. — Саша, открой дверь, это наверное Женя — вечный бо-годельщик.

Дверь распахнулась без нашего спроса. На пороге появился пожилой мужчина. За ним — двое, вооруженных винтовками.

Первый — в гражданской форме, сбросив с себя шапку и обнаружив на голове взбухшие сетки морщин, спросил:

— Кто хозяин дома? Отодвиньтесь за стол. Поднимите руки и отвечайте — где оружие?

Дальше все шло по шаблону. Разбросали вещи, книги, смахнули с полки ноты. Ольга, широко распахнув глаза, молча наблюдала за церемониалом обыска в квартире.

Лысый нагнулся, поднял сборник, озадаченно посмотрел на надпись «Chopin».

— Кто это — «Кнопинг»?

Так он, в меру своей безграмотности, прочитал на обложке нот имя знаменитого романтика Шопена.

Обыск продолжался. Были обысканы все домочадцы. Конечно, без ожидаемого результата. Затем лысый, подвинувшись к стене, стал стучать по ней своими костлявыми пальцами:

— Почему скрываете оружие в простенках дома?

Не ожидая ответа, вооружился нашим молотком и стал долбить беззащитную стену, стремясь найти то, что хотел. Стена поддавалась, образовался проем. Лысый, засучив рукав, с дьявольской улыбкой нашедшего искомое, засунул свою руку в дыру. Кроме засаженной и черной руки в обычном дымоходе для отапливания дома, там ничего не оказалось.

— Собирайтесь! — бросил лысый, собрав свой портфель и швырнув молоток в угол комнаты.

Это относилось ко мне. Трехлетний Вова мирно спал, открыв алый рот и, видимо, видел самую середину радужной, безмятежной сказки. Я наклонился, поцеловал сына и пошел к выходу.

— О времени и встрече с вашим мужем узнаете завтра в Ташкентской тюрьме, в комнате № 37.

Это было сказано моей жене.

Из воспоминаний брата

«Видимо напитки постоянно присутствовали на встречах музыкантов, развязывали языки умным, но недостаточно осторожным людям, а порой толкали на необдуманные и даже противоречивые поступки.

Вот как мне представляется дальнейшее. Постоянные встречи группы лиц (в данном случае работников культуры; отец, в

частности, работал директором радиовещания радиокомитета Ташкента), застолья, острые разговоры, анекдоты, критика властей во второй половине 1930-х (годы активного доноительства) почти наверняка должны были иметь печальный конец. Последовал и сигнал в органы НКВД и арест группы деятелей культуры во главе с известным музыкантом Успенским, быстро превратившейся в контрреволюционную организацию. В ходе следствия отцу инкриминировали прямые родственные связи с генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом — бывшим управляющим КВЖД, имевшим связи с А.В. Колчаком. Генерал признавался отцом моего отца! И это при живых родителях... Такие были времена: разнарядки для арестов, судов, расстрелов».

Справка

Период 1936—1938 гг. когда наркомвнудел был Николай Ежов, руками которого Сталин проводил избие-ние старой ленинской гвардии, парт. и гос. аппарата, военных, полицейских, хозяйственных, научных, культурных и др. деятелей. Сигналом послужило убийство Кирова. Несколько десятков ближайших сподвижников Ленина было осуждено на открытых процессах. Миллионы прочих — в пяти, — или десятиминутных закрытых судебных заседаниях или во внесудебном порядке (ОСО).

Виза Сталина. 1937 г.
(www.ru.wikipedia.org).

Из воспоминаний брата

«Итак, по нелепому обвинению отец в конце 1938-го был арестован, судим, признан виновным и постановлением Особого Совецания НКВД СССР от 5 февраля 1940 года проговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Примерно через год его этапировали в один из лагерей Сибири. Как реагировали в семье на арест зятя, мужа и отца? Вслед за шоком пришел

страх. Боялись за маму и меня — ведь формально мы были членами семьи изменника Родины. На историю с отцом дома было наложено табу. Мама, несмотря на опасность, вела себя достойно. Со слов бабушки знаю, что она при свиданиях с отцом во время следствия предлагала ему поехать с ним и поселиться поблизости. Что-то помешало: несогласие отца, протесты бабушки из-за боязни за меня, отказ власть предержащих? Так или иначе, но мама осталась в Ташкенте».

Что нам стоит врага «сляпать»

...Припаяли, так припаяли, с размахом — виновен в проведении контрреволюционной пропаганды и агитации. Вот как суть термина «контрреволюция» в законодательстве РСФСР и позже праве СССР определил УК РСФСР от 1926 года в ст. 58.1:

«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п.

Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для

Передовица в газете «Правда», 1938 г.

совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

Применительно к музыканту, организатору и пропагандисту подобная формулировка «творчески» раздувается: будучи враждебно настроенным к советской власти, систематически вел среди своего окружения антисоветскую агитацию. ...Клевета на Красную армию и ее командный состав ...Клевета на вождя народов и экономическую жизнь трудящихся СССР... Участник контрреволюционной организации... Восхвалял мощь и непобедимость германской армии... Сын «немецкого белого генерала Хорвата»...

Тюрьмы страны пополнились еще одной жертвой. Свой 34-й день рождения отец встретил в камере в звании «врага народа» и «изменника Родины».

Камера, 1938 год

Из воспоминаний отца

«Втолкнули в камеру, на двери которой, как показалось, было написано “преступники”. Я попал в невообразимое общество людей, лиц, фигур — обнаженных, потных. На всех лицах немой вопрос: “Что же новенький, может сказать этому сонмищу?”

Обадело оглянулся. Иного состояния и не могло быть. Вокруг сушились голые, потные тела. Люди толпой обступили меня, в их глазах горел вопрос: “Что делается ТАМ? Может ли быть, что вступим в войну? За что ты здесь? Кто ты? Уголовник? Враг народа?»

Трудно передать чувства, что охватили меня при виде этой обстановки. Постепенно я, держа свои штаны руками (пуговицы были срезаны надсмотрщиком) стал понимать, где я. Зловонное, непостижимое уму вместилище 200 — вместо 30 полагающихся — человек. Я стал одним из тех, кого в силу произвола сделали искалеченным существом.

— Откуда? Кто? Белобандит? Убийца? Взломщик? — спросил бородатый мужчина.

— Ни то, ни другое. Просто музыкант.

— А на каком фронте идеологического вредительства вы проявили себя в своей профессии?

Я глядел на бородатого и почему-то очень медленно вникал в тонкую иронию вопроса...

Что дальше? Я был спортсмен. У меня в организме жили сила, нервы и здоровье. Верил, что выдержу, смогу противостоять...

Камерная жизнь... Что это такое?

Это клопы, вши, давно не мытые тела.

Это “баланда”, вносимая в урочное время.

Это “гребешки» на окнах, предохраняющие нас от взоров людей, которых нам было не положено видеть даже во время дневных прогулок.

Это команды “налево”, “направо”, поворачивание с боку на бок, потому что на нарах не хватало места спать на спине.

Это непристойная картина, когда “болеющие желудком”, с третьего “этажа” нар опрокидывались тюремщиками, принимающими на себя издержки...

Это “расселение» людей около дверных нар или на крышке тюремного туалета, именуемого здесь “парашей”.

Это унижительная необходимость прилюдного испражнения.

Это силовое выбивание принципов, самого духа жизни.

В то время я почему-то вспомнил о “Записках из “Мертвого дома” Достоевского. Я понял, что его мертвые дома не единственные.

Так началось мое знакомство с закулисной жизнью общества эпохи культа личности Сталина».

Янгышлак (Ташкент), 1938 год

Из воспоминаний отца

«Я в толпе невероятно любопытных личностей, характеров и натур. Это под Ташкентом, в 8—12 км от него.

Кого только не довелось видеть в этом необъятном мире искусственных врагов народа.

Скажем, Зейдман, отличный ученый-психолог и педагог. Он же — знаток теории Зигмунда Фрейда. Почему ему инкри-

минировалось преступление по имени “вера в справедливость теории Фрейда”?

А Астраханский? Почему он был повинен в том, что верит в теорию 11-летнего солнечного стояния, которое влияет на психологический климат в людском сообществе?

Почему люди, исповедовавшие теорию знаменитого чешского ученого Менделя, были повинны в том, что они не исповедовали теории академика Лысенко?

Разве это являлось основанием для обвинения мировоззрения и самих этих людей?

Разве это не было произволом — вмешательство в мир представлений и чувств, в которых живет каждый человек?»

Дыба, 1939 год

Из воспоминаний отца

«Стук в дверь. Это меня зовут на допрос. Следователь сидит за столом, ворошит бумаги, словно он один в комнате. Потом неожиданно спрашивает:

— Вы знаете, что рядом в комнате находится ваш отец? Вы знаете, что он отрекся от вас как от сына? Вы знаете, что он проклял вас за измену Родине?

Я молчу. Молчит и он. Приходят помощники. Вам когда-нибудь приходилось ощущать тушение горячей папиросы в своем ухе? И это было. И побои были: в живот, по почкам, голове. И многое другое, чтобы человека вынудить сказать приписываемое, или уничтожить его хотя бы морально. Например, “конвейер”: когда не дают спать, днем допрашивает один следователь, ночью — другой.

Следователь включает настольную лампу, направляет в глаза:

— Прекратите запирательство! Глаза не опускать! Смотреть на меня! Подписывайте бумагу! Признавайте вину...

И так до бесконечности. Там я потерял первые зубы: били метко, не смущаясь вида крови. Пытки были изощренными. Ведут в зацементированную комнату. Сажают на высокий стул. И, взяв за пятки, неожиданно и резко сдергивают на цементный пол. У такого “подопытного животного” открывается несварение желудка.

Был и “каменный мешок”. Камера размером с гроб, поставленный на “попа”: по щиколотку вода, не то что присесть, невозможно плечи развернуть, руками пошевелить. Полная тьма. Каждые пять минут пинки в дверь: “Не спать!”

Минуты кажутся вечностью. Через час тело немеет, ощущаешь себя полутрупом. Через два перестаешь осознавать реальность. Количество “пинков” и приоткрываний двери — не подох ли еще, не свихнулся? — начинающим путаться сознанием уже не фиксируется».

Справка

В ходе репрессий для выбивания признательных показаний в широких масштабах применялись пытки. Во времена хрущёвской «оттепели» советская прокуратура осуществила проверку ряда политических процессов и групповых судебных дел. Во всех случаях проверка вскрыла грубую фальсификацию, когда «признательные показания» были получены под пытками. Специальная комиссия ЦК КПСС под руководством секретаря ЦК П.Н. Поспелова выявила *«факты незаконных репрессий, фальсификации следственных дел, применения пыток и истязаний заключенных»*. Например, в ходе допросов кандидата в члены Политбюро Р. Эйхе ему был сломан позвоночник, а маршал В. Блюхер умер в Лефортовской тюрьме от последствий побоев. Согласно записке комиссии Президиума ЦК КПСС в президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий (комиссия Н.М. Шверника), арестованные, которые старались доказать свою невиновность и не давали требуемых показаний, как правило, подвергались мучительным пыткам и истязаниям. К ним применялись так называемые «стойки», «конвейерные допросы», заключение в карцер, содержание в специально оборудованных сырых, холодных или очень жарких помещениях, лишение сна, пищи, воды, избияния и различного рода пытки. В записке приводится выдержка из письма заместителя командующего Забайкальским военным округом комкора Лисовского: *«...Били жестоко, со злобой. Десять суток не дали*

минуты сна, не прекращая истязаний. После этого послали в карцер... По 7—8 часов держали на коленях с поднятыми вверх руками или сгибали головой под стол и в таком положении я стоял также по 7—8 часов. Кожа на коленях вся слезла, и я стоял на живом мясе. Эти пытки сопровождались ударами по голове, спине». В докладе комиссии Поспелова были приведены документы, свидетельствующие о том, что пытки и истязания заключенных были санкционированы лично Сталиным.

В письменных свидетельствах родственников заключенных, выложенных на сайтах организации «Мемориал» встречаются описания и таких способов «дознания», как запускание игл под ногти. В годы Большого Террора пытки были узаконенной нормой. Во время Великой Отечественной войны то же самое активно будет применяться фашистами в отношении к советским заключенным.

Языком документов

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, следовательно, продол-

жают борьбу с Советской властью даже и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. ... Почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартии, чтобы они при проверке работников УНКВД руководствовались настоящим разъяснением.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

20.01.1939 г.

Одиночка

Из воспоминаний отца

«Я в одиночке. Подо мной вода. Зачем? Наверное для скорейшего осознания своей «виновности».

Когда в утреннюю оправку отправляется моя камера, мне суют кусочек масла в бумаге, или кусочек сахара.

В камере нахожусь, потому что объявил голодовку. Но меня поддерживают друзья-заключенные и благодаря им я все еще держусь.

Говорят, приехал Калинин. И по сведениям, таким же как масло и сахар, освободил половину Ташкентской тюрьмы. Я в это число не попал. И потому 15-е сутки голодаю.

Ко мне пришел Агеев, тюремный врач. Он знает моего отца — вместе работали в горсовете.

— Саша, — говорит, — не трать здоровье. Через два дня я тебя буду кормить через нос, замотав в смирительную рубаху. Тебе это нравится? Нельзя прошибить стену лбом. И не стремись к этому... Береги нервы и здоровье, это главное.

И тем не менее, я стал подопытным животным, которому на 18-е сутки голодовки засунули в нос трубки, чтобы заставить глотать норму молока с сахаром и маслом. Кормили, как насильовали, приговаривая: “Ты у нас не сдохнешь сразу, еще помучаешься за свою вину”.

Как видишь — не сдох, но в чем была моя вина, до сих пор не знаю».

Но главные «круги ада» отца ждали впереди.

Справка

Сов. власть совершенно немыслима без лагерей принудительного труда. Начиная с 1918 г. она их создает и реорганизует на протяжении 35 лет, называя разными именами (ГУЛАГ вошел во все языки мира).

Сначала сов. власть, кажется, верит, что лагеря — временная необходимость. Она их откровенно называет концентрационными или принудительных работ. Их временно устраивают близ городов. Но скоро оказывается, что сов. власти кажутся опасными все более широкие слои населения. Нет речи о ликвидации л. Наоборот, «Во всех губернских городах должны быть открыты лагеря принудительных работ, рассчитанные не менее, чем на 300 чел. каждый» (СУ-1919, ст. 3).

В 1921 г. ВЦИК постановляет «Сосредоточить все концентрационные лагеря в ведении НКЮ... Окончательное слияние всех лагерей произойдет в 1934 г.

Еще до этого затихает пропагандистская шумиха вокруг перевоспитания и перековки эков. Слово лагерь исчезает даже из адреса, по к-рому родные шлют письма заключенному.

До нападения гитлеровской Германии на СССР специальная комиссия НКВД изучает пенитенциарную систему в дружественной Германии. Война помешала перенять пенитенциарные усовершенствования гитлеровцев. Успели только ввести (в 1940 г.) специальную форму для заключенных в политизоляторах.

В августе 1939 г. Бертран де Жувеналь встретил в Москве высокого нацистского чиновника, командированного в Москву для изучения сов. лагерей.

В течение первых 35 лет сов. власти главной задачей л. было воздвижение подневольным трудом «великих строек социализма» (Днепрогэс, Магнитогорск, Беломорканал и т.

д.), причем недостаток механизации подменяла мускульная сила ээков.

Пароход в Магадан, ориентировочно 1939 год

Из воспоминаний отца

«Пароход носил звание Ленина, для нас это ирония судьбы. В нем помещалось 4 тысячи коров и 5 тысяч заключенных. Они находились в трюме, мы — по соседству, чувствуя себя хуже животных. Были постоянно обезвоженные, доходило до того, что сопли в верхних нарах слизывались для утоления жажды.

Конечно, вспыхнул бунт. Люди потребовали воду. Мятеж был быстро подавлен дубинками, кулаками, ногами в сапогах.

Оставшихся в живых привезли в Магадан. Раздели до нитки. Согнали в банник. Вышли уже в обмундировании третьего класса.

В тазах для омовения веников подали вареную пшеницу.

Пошли этапом.

Потом погрузили на машины и отправили на прииск со звучным названием «Ударник».

Распределили по баракам. Начальник лагеря Карпухин.

Некий Казаков, бывший капитан Балтийского флота предложил: — Саш, если что-то есть ценного и дорогого для тебя, ты дай мне, а то отберут.

Что у меня было ценного? Только то, что собрали родные.

Казаков был прав. Ровно через два дня после приезда нашего этапа в барак, грянул повальный обыск — так называемый «шмон».

Нас заставили сдать «частное имущество».

Через три дня увидел свою лохматую шапку (в нее родные вшили 500 рублей) на голове начальника участка.

Началось колымское выживание...»

Справка

Дальстрой — крупное предприятие по освоению и эксплуатации руками ээков крайнего северо-востока Сибири, прежде всего, по добыче золота (бассейн р. Колымы). Дальстрой и УСВИТлаг известны под общим названием Колыма.

Главная хоз. задача Д. — добыча золота. Местные леса, уголь и др. эксплуатируются лишь для собственных нужд Д. Все работы производятся эсками. В том числе строительство городов и поселков для вольнонаемных, шоссейных дорог и т. д.

К началу 40-х гг. Д. простирается от Охотского моря на юге до Восточно-Сибирского моря на севере примерно на 1300 км и более 1700 км с востока на запад, охватывая зап. Камчатку и вост. Якутию. Д. не подчиняется местной администрации.

Теплоходы собственного флота Д. Совершают по 12—15 рейсов в навигацию, привозя в трюмах по 6—9 тыс. заключенных. С конца 30-х и до начала 50-х ежегодно привозили по 400—500 тыс. заключенных, но из-за высокой смертности пенитенциарное население Д. никогда не превышало 2—3 миллионов.

Колымские лагеря (1932—1956 гг.) приобрели самую мрачную славу. Колымский климат очень суровый: -50°C — обычная температура. В Якутске стоит стела с зафиксированной в этих краях самой низкой температуры на планете -71°C .

Из всех лагерей сталинского периода Колыма отличалась не только жестокостью режима, но и самой высокой смертностью. Норма выработки на заключенного горняка — 1,5 т в сутки (на каторге царских времен в Нерчинске — 50 кг/сут.).

*Арест — тюрьма —
этап — лагерь.
Жизнь под конвоем.*

Жизнь — это одиночество... В эту минуту перед каждым стоит своя, только своя задача, и каждый должен сам ее решить. Ты совсем один, пойми это раз и навсегда.

Рэй Бредбери

Часть 4.

КАТОРГА (1939—1954 гг.)

Золото

Дальстрой. Отец признается физически здоровым заключенным, «на лоб» ставится «штамп» — первая категория трудоспособности. Это допуск для использования на тяжелых физических работах.

Каторжный лагерь... Сюда стоняют добывать «главный металл», необходимый стране для усиления экономической и военной мощи. На носу — война. Отсюда — характер внутреннего режима — движение только по приказу, шаг влево, шаг вправо расцениваются как побег.

Каторга, добыча золота — одна из наиболее болезненных тем для отца была и осталась навечно. Он никогда не озвучивал ни имен, ни названий (кроме незначительных), не вдавался в подробности. Я видела, что ему было больно, не настаивала и потому честно выполняю его просьбу: «Читай дочь, Солженицына, Шаламова (других — целый перечень), и все поймешь, каково всем тогда было».

Прочитала, прониклась, тошно стало. Проникнитесь и вы, еще не заглянувшие (или за давностью лет уже посчитавшие это неактуальным) хотя бы в Шаламовское «Татарский мулла и чистый воздух».

*Магадан, вид с сопки.
(www.portal.avtoradio.ru).*

*Магаданские просторы.
Фото А. Буторина
(www.portal.avtoradio.ru).*

*Сталинские лагеря. Такие бараки
предназначались для строителей по-
лярной железной дороги
Игарка — Салехард.
(www.voevodin.narod.ru).*

*Барак внутри.
(www.voevodin.narod.ru).*

Нары. (www.voevodin.narod.ru)

«В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя.

Эти сроки многократно проверены. Бригады, начинающие золотой сезон и носящие имена своих бригадиров, не сохраняют к концу сезона ни одного человека из тех, кто этот сезон начал... Остальной состав бригады меняется за лето несколько раз. Золотой забой непрерывно выбрасывает отходы производства в больницы, в так называемые оздоровительные команды, в инвалидные городки и на братские кладбища.

Золотой сезон начинается 15 мая и кончается 15 сентября — четыре месяца.

... Через пять суток их выгрузили на сыром и мрачном таежном берегу, и автомашины развезли по тем местам, где им предстояло жить — и выжить.

Здоровый деревенский воздух они оставили за морем. Здесь их окружал напитанный испарениями болот разреженный воздух тайги. Сопки были покрыты болотным покровом, и только лысины безлесых сопок сверкали голым известняком, отполированным бурями и ветрами. Нога тонула в топком мхе, и редко за день ноги были сухими. Зимой все леденело. И горы, и реки, и болота зимой казались каким-то одним существом, зловещим и недружелюбным.

Летом воздух был слишком тяжел для сердечников, зимой невыносим. В большие морозы люди прерывисто дышали. Никто здесь не бегал бегом, разве только самые молодые, и то не бегом, а как-то вприпрыжку.

Тучи комаров облепляли лицо — без сетки было нельзя сделать шага. А на работе сетка душила, мешала дышать. Поднять же ее было нельзя из-за комаров.

Работали тогда по шестнадцать часов, и нормы были рассчитаны на шестнадцать часов. Если считать, что подъем, завтрак, и развод на работу, и ходьба на место ее занимают полтора часа минимум, обед — час и ужин вместе со сбором ко

*Остатки сталинских лагерей.
Мраморное ущелье, урановый рудник.
Фото Д. Мусатова.
([www.musaty ch.livejournal](http://www.musaty.ch.livejournal)).*

*Вышка.
Фото Д. Мусатова.*

Мраморное ущелье, зона. Фото Д. Мусатова.

*Канистра.
Фото Д. Мусатова.*

*Табуретка.
Фото Д. Мусатова.*

Бараки. Фото Д. Мусатова.

сну полтора часа, то на сон после тяжелой физической работы на воздухе оставалось всего четыре часа. Человек засыпал в ту самую минуту, когда переставал двигаться, умудрялся спать на ходу или стоя. Недостаток сна отнимал больше силы, чем голод. Невыполнение нормы грозило штрафным пайком — триста граммов хлеба в день и без баланды...

...Раз в месяц лагерный почтальон увозил накопившую почту в цензуру. Письма с материка и на материк шли по полгода, если вообще шли. Посылки выдавались только тем, кто выполняет норму, остальные подвергались конфискации. Все это не носило характера произвола, отнюдь. Об этом читались приказы, в особо важных случаях заставляли всех поголовно расписываться. Это не было дикой фантазией какого-то дегенерата начальника, это был приказ высшего начальства...

...Если ко всему этому прибавить чуть не поголовную цингу, выраставшую, как во времена Беринга, в грозную и опасную эпидемию, уносящую тысячи жизней; дизентерию, ибо ели что попало, стремясь только наполнить ноющий желудок, собирая кухонные остатки с мусорных куч, густо покрытых мухами; пеллагру — эту болезнь бедняков, истощение, после которого кожа на ладонях и стопах слезала с человека, как перчатка, а по всему телу шелушилась круглым лепестком, похожим на дактилоскопические оттиски, и, наконец, знаменитую алиментарную дистрофию — болезнь голодных, которую только после ленинградской блокады стали называть своим настоящим именем.

...Если вспомнить неотопливаемые, сырые бараки, где во всех щелях изнутри намерзал толстый лед... Плохая одежда и голодный паек, отморожения... Если представить, сколько при этом должно было появиться и появлялось гриппа, воспаления легких, всяческих простуд и туберкулеза в болотистых этих горах... Если вспомнить эпидемии саморубов-членовредителей... Если принять во внимание и огромную моральную подавленность, и безнадежность, то легко увидеть, насколько чистый воздух был опаснее для здоровья человека, чем тюрьма».

Обратимся также к выдержкам из письма В. Шаламова к А. Солженицыну, датированному 29 мая 1965 г.

«...В тридцать восьмом году убивали людей в забоях, в бараках. Для помощи в уничтожении пятьдесят восьмой статьи были привлечены уголовники-рецидивисты. ... На градусники в 1938 году глядели, когда он достигал 56 градусов, в 1939—1947 — 52 градуса, а после 1947 года — 46 градусов.

«Людские отходы» извергались — палками, прикладами, тычками, голодом, холодом — из забоя — в больницу, под сопку, в инвалидные лагеря. ...Выполнение плана по золоту обеспечивалось любой ценой. ...Золото, золотые прииски — это главное, ради чего Колыма существует. Ведь то, что на Колыме есть золото, — известно триста лет. Но никогда и никто не решался использовать труд заключенных в таких суровых условиях. В этих вопросах есть какой-то моральный предел, рубеж. Оказывается, этот рубеж можно перейти очень легко и не только «выбивать» из заключенных план, но и заставить арестантов подписываться на займы (это делалось регулярно). И не только на займы, но было предложение собирать подписи под Стокгольмским воззванием.

Попасть на золото — значило попасть в могилу. ...Большей частью — это случайность.

...Страшнее всего, зловещее всего это — золото, золотые прииски. Ничто другое в сравнение не идет. ... На золоте каждый самый благополучный прииск кажется труднее и страшнее любой штрафной зоны, любого другого управления. Загнать на золото — вот чем грозят везде, во всех управлениях. ... Каждый бывший заключенный, желающий говорить от имени лагерной Колымы, не имеет права забыть о том, что творилось на золоте. ... Нет ничего циничнее надписи, которая висит на фронтонах всех лагерных зон: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

Муж холодный и не пишет

Из воспоминаний брата

«Несомненно, в предарестные месяцы, а может быть и годы, между родителями происходили объяснения, оттолкнувшие их друг от друга. Не последнюю роль сыграли застолья. В письме деда, написанном через 6 лет после ареста сына, он уверяет его, что “Ляля тебя любит”, упоминается и о Вовочке, который

“стал совсем большим”. Таким образом, мама, несмотря на ссоры и затем шестилетнюю разлуку, хотела сохранить семью. Но ощутила холодность отца, выразившуюся в отсутствии писем к ней, к нам. Впрочем, родителям отец также писал редко (причин у него могло быть много — лагерь, война). И все-таки на смертельно опасных работах — проходка шурфов на оловянных копях, сбор пихтового бальзама в тайге — он пробыл сравнительно недолго. По его словам, начальники, от которых отец не мог скрыть своей профессии музыканта, вскоре освободили его от каторжного труда. Он стал давать уроки музыки детям лагерного начальства, а несколько позже — руководить музыкальным кружком в Киренске — городке на слиянии Лены и Киренги, к северу-востоку от Усть-Кута. Сохранилось фото отца с кружковцами у пианино. На ней он выглядит совсем не по-лагерному, все тот же живой взгляд, копна курчавых волос, хотя пережить пришлось немало. Отец позднее рассказывал, что уже в первый год лагерей потерял от цинги большую часть зубов».

Завтра была война, 1941 год

Из воспоминаний отца

«Вкальваем в шахте. Вызывают наверх. Везут. Меня и еще одного. Немец, за что и “подвесили” 10 лет. Куда — в разгар смены? Мы грязные, одурманенные нехваткой кислорода, лицо в угольной пыли — видны лишь белки глаз. Едем по ухабам полтора часа в закрытой бортовой машине. Один конвоир возле шофера, другой возле нас. Нас трясет не из-за бездорожья. Немец подползает, спрашивает: — На расстрел?»

Что я мог ответить? Всякое может быть. Наконец нас выгрузили. Появляется военный в чине офицера, обращается по отчеству, ведет в здание напротив. Усаживает на стул, сам в кресле напротив, звонит, интересуется мимолетом:

— Что курите?

— Все.

Тот угощает — «Герцег Герцеговина» (что у Сталина обычно в трубке).

— Ну, как самочувствие?

— Я вас не понимаю.

— Речь идет о вашей реабилитации. За вами по этапу шло дело, которое опоздало. Ваше дело рассмотрено. Вы оправданы. И Успенский, и Груза, и Пеккер — они уже на свободе. На очереди вы. Осталось оформить протокол. Вы, уж извините, пройдите в соседнюю комнату, там есть кран — смойте угольную пыль, приведите себя в порядок.

Я вернулся в лагерь на крыльях. Стал вдвойне старательно работать, чтобы заслужить хорошую характеристику.

Неожиданно ночной обыск. Перерывают вещи, документы, бумаги. А утром на переключке объявление: «Началась война».

В связи с началом войны уже 22 июня 1941 года была издана директива о запрете освобождения уголовников и «контрреволюционных элементов». Так колымчанам продлили «прописку»...

Справка

В первые недели после нападения Германии на СССР положение заключенных резко ухудшается. Затем, по мере продвижения немцев вглубь сов. территории отношение к политзаключенным становится заметно человечнее (за исключением Колымы, в 10 тыс. км от фронта). С момента, когда положение на фронтах изменяется в пользу СССР, режим сразу становится круче и вводятся дальнейшие нацистские новшества.

КТР: каторжные работы или каторжные лагеря. Сокращение к. т. р. означало «осужденный/ая на каторжные работы» и в каторжных лагерях применялись вместо «з/к». Царская каторга была отменена Временным правительством в марте 1917 г. По указу от 19 апреля 1943 г. Сов. власть восстановила каторгу специально для осужденных «за измену родине», которые «из-за смягчающих обстоятельств» избежали виселицы и получили 15 или 20 КТР.

Все к. т. р. используются лишь на самых тяжелых физических работах. Медпомощь оказывается им только в экстренных случаях, например, поломки костей. Беременной катээрвке дела-

ют аборт в принудительном порядке. Невероятно высокая смертность к. т. р. легко заметна благодаря их номерам, которые за каждым закрепляются навечно и в случае смерти не передаются новичкам. Номера состояли из буквы и чисел по порядку от 001 до 999.

Каторжные лагеря были размещены на территории гулаговских ИТЛ, в отдаленных местностях (Воркута, Казахстан, Колыма, Норильск, Тайшет), но контакты между к. т. р. и з/к были практически невозможны.

Каторжные работали на специально выделенных для них участках под усиленным конвоем. На работу и с работы водили колоннами по 5 человек в ряд, причем все правые руки всех правых крайних и левые — левых крайних соединялись цепью. В лаготделениях их содержали в запертых бараках.

Обида

Из воспоминаний брата

«Дед продолжал активно работать в ветлечебницах и ждал сына из ссылки. Он, как мог, боролся с несправедливостью. К кому только не шли его письма! Даже «к великому вождю и учителю». Дед надеялся и ждал, порой теряя надежду. Писем не было, в стране военное положение».

Из воспоминаний отца

«Две тысячи заключенных готовят куда-то. Выдают паек — подгоревшие сухари и гонят в Дарпир («Проклятое место») — на олово. Бредем через болота, холмы кровавой брусники, которой и питаемся. Наконец, достигаем территории. Вдали лес, вокруг нас сопки, голь, только свищет ветер. Здесь мы должны работать, строить себе жилье, перевоспитываться».

Из воспоминаний брата

«Родители получили от сына телеграмму в октябре 1944-го (вряд ли рядовой лагерник имел доступ к телеграфу — это подтверждает, что отец, возможно, уже имел право на переписку и вольное хождение в пределах определенной территории). Телеграмма пришла вовремя, при смерти была

мать отца, моя бабушка Фаля, известие от сына поддержало ее, но ненадолго. Следующая весть — заказное письмо — последовало из Сусумана (СУСУМАН — Магаданская область. *Прим. автора*), это уже не Красноярский край, а Приморье. Вот слова из письма деда: "...ты пишешь, что срок твоего наказания (5 лет) уже прошел, что руководишь худпросветработами в западной части Приморской области — это письмо меня очень порадовало, т. к. показало, что ты не только жив, но и энергично работаешь". Дед в ответ послал 10 писем и бандеролей, а также перевел просимую отцом сумму в 1000 рублей и стал ждать приезда сына. Увы... Последовал опять период долгого молчания».

Записка, 1941 год

«Как видно, родителям отец все же сообщал кое-что о себе, жена же не получала от него ничего, во всяком случае я не слышал ни слова о каком бы то ни было послании. Что же все-таки произошло перед арестом отца между моими родителями? Чем объяснить явное отчуждение отца по отношению к Никольским и особенно к маме? Возможно обострением его отношений с тестем и тещей? Думаю, не это была главная причина.

Прояснение нашел на клочке бумаги среди документов, оставшихся после смерти мамы. Это была записка, гласившая: "Я тебя, моя дорогая Лялюська, не отдам никому и никогда. Мишка. 28/12.41 г., Ташкент". Согласитесь, что так пишут только близкому человеку.

По почерку я сразу узнал руку автора. Им был Михаил Михайлович Коновалов, мой будущий отчим. А как же уверение деда Хорвата в гораздо позднем письме к сыну, что "Ляля тебя любит?" Вопрос...

В дальнейшем я выяснил, что в июле 1937-го еще до ареста отца, мама была на отдыхе в Крыму вместе с Елизаветой Андреевной Коноваловой, женой Михаила Михайловича. Существуют их многочисленные совместные фото, причем отношения между женщинами кажутся вполне дружелюбными. Возможно, что после возвращения в Ташкент мама познакомилась и с мужем Е.А. Коноваловой.

Не исключено, что Михаил Михайлович стал симпатизировать маме, которая была моложе его жены, не исключено также, что это вызвало ревность отца и какие-то его реакции. Логично далее предположить, что М.М. Коновалов, будучи человеком добрым, принял участие в постигшей маму беде, и это способствовало возникновению чувства, так ярко выразившегося в упомянутой записке. Сначала оно было односторонним (что-то мне об этом говорила бабушка), но сыграли роль продолжительные периоды молчания, когда из Сибири не приходило ни строчки. Такое равнодушие к жене и сыну больно ранили маму.

И после того как отец, не объясняя причин, не приехал домой после отбытия срока наказания в конце 1943 года, мама, вероятно, уже смирилась с тем, что сохранить семью не удастся. Не сомневаюсь, что на маму влияла и ее мать. Вот такую я выстроил версию разрыва родителей. Возможно, они не могли поступить иначе, и я им не судья...»

Проклятое место. 1941 — 1946 гг.

Из воспоминаний отца

«... Да, две тысячи заключенных готовят куда-то. Выдают паек — подгоревшие сухари и гонят в Дарпир («Проклятое место») — на олово. ...Здесь мы должны работать, строить себе жилье, перевоспитываться.

Первая ночь после тяжелого дня...

Копались в промойных ручьях, ворочали валуны, отыскивая голыши в ледяной запруде. Ползем, выгребаем, ползем, выгребаем. На вес выбираем олово. Смена — 12 часов. Погода за день успевает смениться 2—3 раза. Тропы заносило. В любую погоду норма намывки — ведро, больше пуда.

Вместо отдыха загружались оловом-камнями, доставляли мешки на площадку, где ждал вертолет. Оттуда возвращались в тайгу, «домой». За право на огонь — принеси бревно. Ночной отдых начинался с того, что более опытные устраивались прямо в робе на наиболее сухое место земляного пола. Ложились рядами, — второй, третий, десятый. Образовывался человеческий круг. Тот, кто в середине, счастливчик — ему теплее остальных.

Утром, до развода таскаем дрова для печи. И — на работу. Более слабых оставляют строить нары. Моим соседом по койке оказался бывший оперуполномоченный МГБ Макс Лейб, очень страдающий от своей новой «роли». Его глаза всегда лихорадочно блестели, и постоянно ходил туда-сюда как маятник. Таких тут называли «блуждающими огоньками». Как-то подошел, и шепчет:

— Саш, у меня есть драгоценная вещь, но боюсь что узнают уркачи и прирежут.

— Какая вещь?

— Платиновые фамильные (родовые) часы с боем. Я при обыске сказал, что это твои часы, возьми их на хранение.

— Но тогда я тоже рискую быть зарезанным.

— Возьми! К тебе другое отношение, тебя не тронут.

Я отказался. На том разговор и закончился. Но «огонек» еще раз объявится в моей жизни».

Мимолетная встреча 1944 год

Из воспоминаний брата

«В 1944-м, спустя год после кончины Эфалии Яковлевны, ветеринарная общественность торжественно и тепло отметила 70-летие дедушки и 45-летие его борьбы за жизнь животных.

Герой труда А. Хорват так и не дождался сына. Последний снимок деда в газете со статьей о нем.

Он был награжден именными часами и нагрудной медалью. И в тот же год пришло письмо: сын освобожден. Но приехать в Ташкент он смог лишь через три с лишним года. Долгожданная встреча сына и отца, видимо, состоялась, но радость была недолгой. Режим проживания сына — минус сто городов заставила его очень скоро уехать в одно из горных селений Таджикистана.

Дед А. Хорват (2-ой ряд, в центре) с группой слушателей курсов повышения квалификации ветеринаров при Наркомземе Уз. ССР, где делился опытом. Ташкент.

Волны «Ленинградского дела» 1948-го года, докатившаяся до таджикского захолустья, снова занесли младшего Хорвата в неволю. Освободился он уже после смерти Сталина и вернулся в Среднюю Азию. Но дедушка холодный встретить и обнять сына уже не смог... Он умер в 1951-м, до полной реабилитации сына оставалось еще пять лет».

...До полной реабилитации Александра Хорвата — восстановления в правах, восстановления утраченного доброго имени оставалось гораздо больше: драгоценную «бумажку» о реабилитации отец получит в 1966 году.

Рытье траншей, 1944—1946 гг.

Из воспоминаний отца

«Как-то, когда мне очень нездоровилось, меня перевели за 7 километров от Дарпира. Рыли траншеи. Зачем, никто не знал. Вечная мерзлота. Молот. Шурф. Взрыв. Работа, тяжелая своей бесцельностью. Часовые, прошедшие школу обращения с заключенными, измываются. Обычно по утрам начальник участка — молодой, симпатичный парень, давая задания, задавал нам нейтральные вопросы, перекинувшись несколькими фразами, давал задания. И вдруг резко изменился в общении даже с бригадиром. Сунулся тот к Окостину (лекарь наш, подкармливающий оголодавших рыбим жиром), стучится условно — тишина. Идет в хлеборезку к Ивану (заключен за попытку побега в Америку через Аляску) — тот дверь захлопывает перед носом. Что такое? Так — три недели. Потом нам всем устраивают обыск, раздев догола. В чем дело? Как я узнал позже, Макс тот, «огонек блуждающий», все это время торговал от имени «товарищей» часами. Точнее, брал покушать под будущие часы, которых у него на самом деле и не было. Таким образом он обошел всех, начиная от начальника участка и заканчивая поваром. Не хотел умирать «огонек» от голода, вот и врал.

А через год встретились с ним в другом руднике.

В тюремном больничном бараке лежу среди двадцати умирающих. Слева офицер, справа — цыган. Неожиданно офицер громко запел, цыган встрепнулся, пополз к нему, а тот уже

мертв. Пайка в сторону. Неожиданно входит неандерталец, еле на ногах держится, двое под руки держат его. Его парикмахер начал обрабатывать, вши летят в стороны. Боже! Это же Макс — владелец и торговец «фамильными» часами! Ничто его не спасло — помер от сквозной дистрофии...»

Замуж за другого, 1946 год

Из воспоминаний брата

«В 1946 году, не выдержав ожидания, неизвестности, оскорбленная молчанием отца, уже три года как получившего свободу, мама оформила развод и стала гражданской женой Михаила Михайловича Коновалова».

Языком документов

Куда: Таджикская ССР, г. Ленинабад, ул. МОПР, д. 57, кв. 8.

Откуда: Почтовый ящик № АВ-261,

14 мая 1968 года,

№ X-26,

г. Магадан.

СПРАВКА

Дана гражданину ХОРВАТ Александру Александровичу, 1904 года рождения, уроженцу г. Ура-Тюбе, Таджикской ССР, в том, что он, будучи осужденным 5 февраля 1940 года, находился в местах заключения МВД с **29 апреля 1938 года по 28 сентября 1946 года.**

В период с 24 апреля 1940 года по 22 сентября 1946 года гр. ХОРВАТ А.А. находился в местах заключения в районах Крайнего Севера на территории Магаданской области и Якутской АССР в Дальстрое МВД.

Начальник отделения п/я АВ-261 Журавлев (Подпись, гербовая печать).

По второму кругу, ссылка, 1948 год

Из воспоминаний брата

«Отец же приехал домой год или два спустя (в 1945—47 гг.). Конечно, он встретился со старым Хорватом, а матери — Эфалии Яковлевны — уже давно не было в живых. В Ташкенте, думаю, он улаживал дела по разводу с мамой.

Долго оставаться в этом городе он не мог, для него существовал ограниченный статус проживания. Вскоре отец уехал в Таджикистан, в горный поселок Ура-Тюбе, предварительно повидавшись со мной. Помнится, мы ходили по городу, о чем-то говорили. Отец повел меня в Союз композиторов Узбекистана, с кем-то там встретился. На прощанье подарил мне часы.

Но безжалостная советская действительность вскоре снова его “достала”. Волны ленинградского дела 1948 года кругами расходились по стране. Они достигли и Ташкента, и таджикского среднегорья (Сталин чистил страну основательно), и отец снова был арестован. Он снова получил (за что?) 5 лет — постановлением Особого совещания при МГБ СССР от октября 1950 года был осужден к ссылке на поселение в Красноярский край».

Как напишет «якутский авторитет» Владимир Туриянский:

Здесь десять Франций лягут на планшете,
Яна, Индигирка, Колыма.

Но обитателям Колымы, поселенных туда против воли, было не до песен. Белые ледяные ночи, тучи комарья, порывистые ветры, проходка дарпиров — ограждений, перегораживающих долины, подножный корм (если повезет) — черника, голубика, клюква. Жратва хуже чем у самых дальних эвенов — ни толково круп, каш, супов. Коренные жители казались настоящими счастливчиками — они ведь время от времени могли расживиться мясом, рыбой. А суровые климатические условия требуют огромного количества белков, углеводов, жиров. Из воздуха их не добудешь...

Холод, холод — после унижений и голода стоит на третьем месте эковской жизни. Якутия, Оймяконский район, поселок Усть-Нера — надолго стали «второй родиной» отца. Я скрупулезно добывала крупицы информации о крае, чтобы с помощью реконструированного сюжета иметь представление о тех местах.

Космические просторы — более 92 тысяч квадратных километров. Мрачно известные реки Нера, Индигирка, чьи берега

еще до XVII века были «заняты» эвенками, юкагирами, якутами. Здесь, в устье рек в 1937 году высадились экспедиция Дальстроя, и начала промышленное освоение. К золоту подобрались в 1942 году. История края широко отражена в экспозициях краеведческих музеев поселков Усть-Нера

Носилки. Фото Д. Мусатова.

и села Томтор. Сейчас известно, что на территории Оймяконья располагалось более 30 сталинских лагерей. В 1938 году на базе трех приисков «Мальдяк», «Стахановец», «Ударник» было создано Западное горно-промышленное управление, позже преобразованное в горно-обогатительный комбинат.

Прииск «Ударник»! Это его отец упоминал в своих немногословных воспоминаниях. Индигирка! Та самая! А Усть-Нера, где отец в конце срока организовал музыкальную школу и обучал местных детишек! Все тут, все рядом, все есть в воспоминаниях очевидцев и нынешних жителей поселка. Хочу лучше представить место, где «горбатился» отец и мечтал о свободе. Узнаю с

Прииск Победа. 2007 г.

сайта Историко-просветительского общества «Мемориал», что они восстанавливают имена безвинно репрессированных. Что на месте массовых захоронений возведен памятный знак. Есть в Оймяконе и еще один знак: -74 градуса.

Омсу́кчанский район, здесь добывалось серебро и олово.

«Самым холодным обитаемым местом в мире считается сибирский поселок Оймякон в России, расположенный на высоте 700 м над уровнем моря. В 1933 году минимальная температура здесь достигла 68 градусов. А не так давно, по официальным данным, этот рекорд был побит, температура опустилась до 72 градусов»¹. Так вот где выживал отец. В «Северной заре» в 1974 году опубликованы воспоминания Григория Ларионова. Он возглавлял цех вспомогательного производства Индигирского горно-промышленного управления, позже переимено-

¹ Из книги рекордов Гиннеса. Ридерз Дайджест. Барселона, 1997 год.

ванного в КИЗ. Описал историю поселка Усть-Нера. Вот как он выглядел в 1944 году:

«445 человек (подсчитано по числу выдаваемых ежемесячно продовольственным карточек). Поселок начинался от дома № 29 по улице Индигирской и заканчивался домом № 63 по той же улице. По улице Полярной стояло несколько домиков. За ними — густой лес. В июле 1944 года сюда из Магадана прибыла комиссия — для выбора площадки центрального поселка горняков и геологов Индигирки. Осмотрели площадки, решили поселок сооружать по правой террасе ключа Эбир-Хая, на левом берегу Индигирки, в 13 километрах от нынешнего поселка Индигирский. Преследовалась цель скорейшего строительства автодороги до Эбир-Хая и далеко на прииски, а также моста через Индигирку. Руководство «Дальстроя» место не устроило. Была выслана вторая комиссия для обследования левого берега реки: на террасе, где сейчас находится пионерский лагерь. Для подсобных предприятий присмотрели место в пойменной части Индигирки. Там, где сейчас находится столовая лагеря, в конце сентября 1944 года началось строительство пекарни, барака, склада. Через месяц прибывший начальник признал это место совершенно не подходящим для строительства. Утвердили другое место. С началом зимней автодороги сооружения и палатки, в которых жили рабочие, из пионерлагеря перевезли в район агробазы. Это была уже третья по счету площадка. Там и стали строить гараж, ремонтный цех, жилой дом, пилорамы, нефтесклад и другие объекты. Весной прибывший начальник «Дальстроя» сделал вывод, что площадка под поселок выбрана совершенно неудачно. Решили сооружать его непосредственно на берегу Индигирки. В мае 1945 года в Усть-Неру прибыла изыскательно-топографическая партия и положила начало планировке Усть-Неры. Уже отстроенные в районе агробазы здания разобрали и перевезли в Усть-Неру. Летом 1945 года был организован масштабный сплав леса по Индигирке. Началось строительство трех двухэтажных домов (№ 4, 6, 8 по ул. Индигирской), средней школы, здания горного управления (Полярная, 50), автобазы, ЦРММ и тепловой электростанции. Первым возвели

здание электростанции — из шлакоблоков. Вторым — гараж на 25 автомашин. Потом все остальное...»

Не менее подробно излагается история рождения поселка материалами городского и школьного музеев.

Чтобы избежать повторений, начну со школы. В 1945—1946 годах построено первое здание школы. Первый выпуск школы № 1 состоялся в 1951—1952 годах. В 1947 году построено двухэтажное здание новой школы. Территория стройки была обнесена колючей проволокой, так как ее строили заключенные. В числе заключенных было много талантливых людей: артистов, писателей, художников и т. д. Усть-Нера знаменита тем, что здесь заключенные строили Магаданскую трассу, прииски, дома, добывали золото. До 1950—1960 года Усть-Нера была их «второй» родиной.

Место, где сейчас находится стадион, называлось «Брусника». Усть-нерцы тех годов ходили сюда за ягодой. Нынешняя улица Мацкепладзе называлась «гусиным болотом» — здесь раньше было большое озеро, охотились на дичь. В краеведческом музее поселка хранятся фотографии, свидетельствующие о наводнениях, которые произошли в мае 1951 года, в июле 1959 года и позднее. Очевидцы первого наводнения рассказывают, что вода поднялась до второго этажа старой школы. Людей эвакуировали на сопку. Почти все продовольственные склады оказались под водой. После второго наводнения руководство района решило укрепить берег реки Индигирка. Все работники предприятий вышли на субботник, за неделю справились с работой.

В 1945 году в Усть-Нере начато строительство ИНЭК — Индигирского энергокомбината, в 1946 году дали первый промышленный ток, началась телефонизация поселка. 3 июня 1954 года Усть-Нера становится районным центром Оймьяконья. Руководящий состав района переехал из села Оймьякон в поселок. Граница поселка заканчивалась нынешней территорией районной больницы, далее начинались непроходимые болота. На месте нынешней аптеки стоял питомник собак, которые сторожили заключенных. Со здания старой милиции начинались территория лагерей заключенных. На «четвертой» располагалась районная больница для заключенных.

Вот так, незамысловато, но оттого проникновенно, звучит из уст юных краеведов и их наставников история места, где не один день провел и мой отец.

Прииск «Ударник»

**Из воспоминаний Петра Ивановича Белых, 1917 г. р.,
зам. начальника ст. Новокузнецк-сортировочный,
арестованного в 1937 году.**

«... В конце октября нас привезли на прииск «Ударник». В зоне, огражденной в два ряда колючей проволокой, с вышками по углам, были натянуты большие брезентовые палатки, заваленные снегом. В палатках установлены двухъярусные нары и по две железных печки. На работу выходили под конвоем. Работали на полигонах, где вручную бурили шурфы в грунте почти сплошных камней и вечной мерзлоты. 12-часовая работа выматывала все силы. Подъем был установлен за два часа до развода. За это время каждый должен был принести по бревну из тайги для отопления лагеря. Для этого выпускали всех без конвоя. С каждым днем тайга уходила все дальше, и заготавливать дрова становилось все труднее. Трудно было найти сушняк. Доставку дров на проходной контролировала лагерная обслуга. Избивали всех, кто приносил мало. В состав обслуги входили воры, жулики, убийцы, наделенные большими правами. Они были беспощадны к «контрикам», т. е. к нам, политическим. Если кто-нибудь из них проявлял человеческие чувства, их немедленно отстраняли и отправляли на подсобные работы в зону.

В ноябре появились сплошные туманы, начались морозы до 50 градусов. Солнце показывалось в обеденный перерыв, поднималось из-за сопки на минуту и мгновенно скрывалось. По закону на открытом воздухе разрешалось работать при температуре до -50 градусов. Этот закон никогда не соблюдался. На полигонах не было тепляков для обогрева, но не запрещалось разжигать костры. Хотя стоило только подойти к костру, слышался окрик: «Хватит греться!»

Однажды в период самых сильных морозов при возвращении с работы вдруг раздалась команда: «В связи с эпидемией всю одежду сменить!» В зоне запылал огромный костер. Все,

что получили в Магадане, было предано огню. ...Выдали бушлаты, бурки на подошве из транспортерной ленты, шапки из байкового полотна и брезентовые верхонки. Одновременно с заменой обмундирования заметно ухудшилось питание. Щи готовились из соленой неочищенной капусты вместе с кочерыжками, вместо каши получали овсяный кулеш без жирилки. Непропеченный хлеб выделяли на бригаду булками. Их разрезали на пайки и раздавали по жребью. Каждый мечтал получить пайку первого отреза от края булки, с верхней и боковыми корками. Это время стало для нас началом чудовищных злодеяний. В зоне стоял стон, крик охраны и лагерной обслуги.

На работу выводили голодных, полураздетых. На глазах увеличивалось число доходяг, на некоторых смотреть было страшно — это были живые

Обыск при входе в лагерь на рисунке Ефросиньи Керсновской. (www.wikipedia.org).

скелеты, обтянутые кожей. Из лагпункта в среднем вывозили за сутки по десять трупов. Умирили обычно под утро. До развода трупы скрывали, чтобы получить за них лишнюю пайку хлеба и ложку баланды. Перед выводом на развод трупы стаскивали и укладывали на пол у нар. Затем сообщали администрации. Дальше скрывать было невозможно, так как по окончании развода лагерные пираты проверяли все палатки.

Я очень боялся покойников, а тут в порядке вещей: перешагиваешь через трупы, идешь за баландой и с котелком возвращаешься той же дорогой на свои нары.

В нашем лагпункте было 600 человек, и я про себя хладнокровно подсчитывал: за десять дней умрет сто человек, за двадцать дней двести. Больше двух месяцев мне не выжить. Придет и мой черед.

...Однажды мы вышли за дровами и кто-то сказал: «Вы знаете сколько сушняка за противоположной зоной лагеря?»

И мы несколько человек рванули туда. При виде такого сушняка я покрылся холодным потом: это были трупы, сложенные в штабеля. Так мы узнали, что зимой никого не хоронили. Летом привязывали бирку на ногу, сбрасывали в общую яму и зарывали. Незадолго до этого случая один из любопытных, рассматривая трупы в штабелях, нашел живого человека. Тот смотрел на него молча живыми глазами. В зоне началось возмущение, и его вынуждены были вернуть в лагерь. В лапукте его отогрели, и он чудом остался в живых. Фамилия его Алешин.

Нормально хоронить и подписывать могилы было некогда. Фото Д. Мусатова.

В мае земля была еще покрыта снегом. Ночью морозы доходили до -30 градусов. Шли подготовительные работы к промывочному сезону. На полигонах производили мощные взрывы. От места взрыва всех эвакуировали за 2—3 километра.

...Однажды, когда закончился монтаж промывочных приборов, в сопровождении большой свиты на полигоне появился начальник Дальстроя Павлов.

Наш бригадир Константинов официально обратился к нему и отрапортовал о том, что питание плохое, что добротную одежду заменили холодной и что в лагере очень большая смертность. В ответ Павлов заявил, что меры будут приняты.

В этот же день Константинов был водворен в изолятор и там заживо заморожен. О смерти Константинова в лагере шли разные толки. Одни говорили, что тут расстаралась лагерная администрация, другие, — что это сделано по указанию Павлова. Мне думается, последнее предположение более соответствовало действительности. Павлов был грозой Дальстроя. На прииски он приезжал в сопровождении чекистов. Кортёж из 4—5 черных блестящих машин распадался при подходе к по-

селкам. На каждом прииске (Чкалов, Гай-Урья, «Большевик», «Комсомолец») останавливалось по одной машине, и каждая нагоняла страх. Никому не было известно, из какой машины выйдет начальник Дальстроя. При его появлении дрожали не только заключенные, но и все вольнонаемные. Обычно он появлялся на приисках в период окончания строительства промысловых приборов и в разгар промыслового сезона по добыче золота.

Весной обрушивалась цинга, которая уносила сотни жизней. Погибших заменял новый приток заключенных.

Осенью 1939 года на Колыму привезли много узбеков. Обмундирования в Магадане им не выдали и они были одеты в ватные полосатые халаты. С наступлением холодов они гибли, как мухи, и к весне не осталось ни одного узбека.

В сороковом нас стали выводить без конвоя. Однако мы находились под постоянным наблюдением лагерной обслуги: десятника, учетчика, проводившего замер выполненной работы и вольнонаемного горного мастера.

...Мы были совершенно изолированы от мира: были лишены переписки, забыли запах газет. Работая в бане, я познакомился с геологом через заведующего. Через геолога я направил две жалобы и несколько писем домой и даже получил письмо от брата, который писал: «Дорогой братишка, поверь мне, что в советской стране никто невинно не страдал и страдать не будет. Жди скорого освобождения».

Летом на меня обрушилась цинга. На икрах ног появились черные пятна.

О начале войны нам никто не сообщил, но по усилению режима догадались, что в стране происходит что-то страшное. На работу стали водить под конвоем. Запретили выходить на подсобные работы доходягам. Всех без исключения направляли в бригады. В зоне, особенно по утрам, слышался стон, лай собак, крики. Некоторых заключенных вызывали из лагеря с вещами и отправляли неизвестно куда.

...Как-то ...подошел ко мне и сообщил, что Гитлер объявил войну и предупредил: «Смотри, никому об этом ни слова». От такого сообщения я обомлел и подумал, что теперь нашему брату будет хана.

Первая ночь прошла в кошмаре. При малейшем стуке, шорохе или скрипе дверей мне казалось, что пришли за мной. Жизнь в лагере тем не менее шла своим чередом.

...Осенью сорок второго была объявлена перепись. Всех без исключения заключенных водворили в лагерь и согноли в одну сторону зоны. Лагерный пункт разделили на две части и поставили охрану. По окончании опроса и сверки с формуляром в сопровождении охраны переводили в палатку другой половины зоны.

...Летом 1943 года, когда начальником Дальстроя стал И.Ф. Некишев, который по своей жестокости не уступал Павлову, в Чай-Урьинскую долину прибыл вице-президент Америки Уэльс. К его приезду лагерные пункты со стороны трассы были замаскированы. В его присутствии производили съемку золота с промывочного прибора. На промывочных приборах появились лозунги: «Сколько металла ты дал Родине?», «Помни, что каждый грамм золота — это удар по врагу». Конечно, эти лозунги были не для нас. Нас не призывали, а принуждали.

Настал и долгожданный день 19 ноября 1945 г. Прошло ровно 8 лет с момента моего ареста. В этот день от волнения я не находил себе места. Ночь не мог уснуть, она показалась мне бесконечной. Утром ждал вызова на освобождение. Вызова не было, и я решил до развода зайти в УРЧ. На мой вопрос об освобождении получил грубый и короткий ответ: «Освободим, когда придет время». Я вышел, и меня охватило отчаяние. В забое я встретил В.С. Коренец и не мог сдержать слез. Успокаивая меня, он сообщил неприятное известие. Поступило указание: осужденных тройками НКВД не освобождать до получения особого распоряжения. Распоряжение поступило 26 февраля 1946 г. Даже после этого работники Чай-Урьинского СВИТЛ сомневались, и только 1 марта 1946 г. вызвали меня на освобождение».

(Источник: www.kuzbass.ru)

Единственное письмо, 1950—1953 гг.

Из воспоминаний брата

«Кажется, в самом начале 50-х получил я от отца единственное письмо. Кроме рассуждений о жизни там содержалось не-

плохое, на мой взгляд, стихотворение. Жаль, что не сохранил этого послания. Отец нерегулярно переписывался с бабушкой, больше писать ему было некому, старый Хорват не выдержал второго ареста сына... В скудных письмах отец просил денег на лечение скорбута и последствий давней лесной травмы. В конце 1953 года, уже после смерти Сталина, бабушка получила весточку из Абакана, села на притоке Бирюсы, к северу от Канска. Отец сообщал, что ему предстоит операция с возможной ампутацией голени и просил денег, не менее 1000 руб. Бабушка действовала по принципу: *доверяй, но проверяй*. Направив запрос в здравотдел Абанского района, она получила ответ, не подтверждающий болезнь отца».

Духовное завещание деда: Не обманывать... 1944 год

Из воспоминаний брата

«Много лет спустя я разбирал архив мамы, вскоре после ее смерти. Привлек мое внимание сильно потертый самодельный конверт, запечатанный двухкопеечной маркой военных лет. Если различимая надпись карандашом: «Вскрыть после моей смерти». Надорвал марку, волнуясь. В конверте оказались два письма, помеченные маем и ноябрем 1944-го года. Витиеватый незнакомый почерк. Обращение и подпись подсказали: дедушка холодный пишет сыну, моему отцу в ссылке: «Дорогой и милый сын! Так нам и не пришлось увидеться. Что подделаешь? От тебя больше года нет вестей, жив ли ты? Если жив где находишься? Тяжелую старость мне приходится переживать после смерти мамы. Не буду вспоминать старое, во многом ты по молодости лет ошибался. Если вернешься, внушай сыну тоже, что я советую тебе: никогда не обманывать.

Да, дружок, тяжелая у нас сложилась жизнь, война отразилась на нас всех... Прожил я семьдесят лет, пора и честь знать. Вспоминаю все свою жизнь. Конечно, были ошибки, но оглядываюсь на прошлое без горечи. Пора и на вечный покой. Рукودствуйся этими письмами в дальнейшей жизни.

Дорогой сын, шлю тебе последний привет, целую и остаюсь горячо любящим отцом, вспоминай своих маму и папу. А я пока живу надеждой на то, что и ты жив...»

*Отец до ареста.
Крым, Симеиз.*

Отец после освобождения.

Бережно храню четыре листка с едва заметными карандашными строками как духовные завещания деда не только отцу, но и мне, внуку. Никогда не обманывать. Эти строки пополнили мои воспоминания о деде, высветили его образ, навеянный детскими впечатлениями и рассказами мамы и бабушки. В письмах пожилого человека, измученного вынужденным расставанием с единственным сыном, смертью жены, трудностями военного времени, нет ни упреков, ни проклятий, а только лишь забота о будущем близких и любовь к ним. «...оглядываюсь на прошлое без горечи». После пережитого и переживаемого так мог написать душевно богатый человек. Интеллигентный с большой буквы, каким всегда был мой дед. Холодный .

Кроме двух писем, в моей семье издавна хранятся две картины деда — пейзаж и натюрморт. А могила А.А. Хорвата на Боткинском кладбище Ташкента оказалась затерянной. После смерти бабушки Нади, постоянно навещавшей могилу старика Хорвата, мы с мамой не смогли найти место упокоения родного человека, который очень любил Вовочку и Лялю. Непростительно мое бывшее пренебрежение к его памяти.

Думаю, что отец окончательно освобожден и приехал в Среднюю Азию после расстрела Берии в конце 1954 или начале 1955-го. С мамой, насколько мне известно, он не встретился,

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
— ПО —
КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ

№ _____ 1956 г.

№ _____
г. Красноярск

Выдана

_____ года рождения, уроженцу _____

гр-н _____, по национальности _____

осужденному _____

по ст. _____ к

лет и находящегося в ссылке в Красноярском крае в том, что он на основании указа-
ния МВД и Прокуратуры Союза СР от 24 апреля 1954 года из ссылки освобожден
" " " " 1954 года со снятием судимости и соответствии Указа Прези-
диума Верховного Совета СССР от 17 марта 1953 года.

Следует к месту жительства _____

Начальник Отдела
Начальник Отделения

Выдом на жительство не служит.
При утере не возобновляется.

СПРАВКА ✓ 7

365-0-20

Справка о снятии судимости.

а до моей с ним второй встречи оставалось еще ох как много лет!»

Языком документов

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
по Красноярскому краю
30 июля 1954 года
№ 22446
г. Красноярск

СПРАВКА № 7

Видом на жительство не служит. При утере не возобновляется.

Выдана Хорват Александру Александровичу
1904 года рождения, уроженцу г. Ура-Тюбе Таджикской ССР

гр-н СССР осужденному в 1940 г. Особым Совещанием при (стерлось)

по ст. 66 ч. 1, ст. 67 УК Узб. ССР к лишению свободы на пять лет и находившегося в ссылке в Красноярском крае в том, что он на основании указания МВД и прокуратуры Союза ССР от 24 апреля 1954 года **из ссылки освобожден 9 июля 1954 года** со снятием судимости в соответствии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года.

Следует к месту жительства г. Ташкент
Штамп: паспорт выдан 9 июля 1954 года.

В современной России относительно политических репрессий существует заявление Председателя Правительства Российской Федерации В. Путина:

«Все мы хорошо знаем, что хоть 1937 год и считается пиком репрессий, этот год был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости — достаточно вспомнить расстрелы заложников в годы гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьян, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. Это случалось тогда, когда привлекательные на пер-

вый взгляд, но пустые идеалы становились выше основной ценности, ценности человеческой жизни, прав и свобод человека... Уничтожены были и сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем, это были люди со своим собственным мнением, люди, которые не боялись его высказывать. Это цвет нации... И мы, конечно, долгие годы, до сих пор ощущали эту трагедию на себе».

Как показала практика — не все.

*Золото Колымы.
(www.magadan.ru).*

Магадан. Монумент «Маска скорби» — памятник жертвам сталинских лагерей.

*За кого выдать свободу, чтобы она
не была бесплодна?*

Станислав Ежи Лец

Часть 5. С ЧИСТОГО ЛИСТА (1954 — 1960 гг.)

Назад ходу нет

Страх, стукачество, тюрьмы, этапы. Крайний Север, Колыма, Магадан.

Лесоповал, рудники, намыв и добыча золота.

Нары, камеры, грязь, вши, баланда.

Унижения, пытки, болезни, травмы, психологическая мясорубка, завтра во мраке.

Минус сто городов. Жена — чужая. У сына — другой отец. Родители ушли в мир иной. Друзья «рассосались».

С математикой — сплошное вранье. «Органы», а вслед за ними и остальные, разучились считать: в справке пишут «пять», за решеткой держат восемь лет, «припаивают» две «пятилетки» — фактически по-живому «вырезают» из жизни почти 20 лет.

У государства проблемы с совестью и соблюдением законов: судебные решения выносятся в отношении невиновных после пары лет фактической отсидки.

У граждан нравственная импотенция: накатать анонимную «телегу», написать в газету «отказ» от родного человека — раз плюнуть, лишь бы самим выжить, дожить, в идеале — спокойно. Спокойствия хотелось навсегда: вплоть до времен развитого социализма как от прокаженных шарахались от эзков — будь то сосед, коллега, родственник.

У страны большие моральные проблемы — ее поразил недуг, не уступающий чуме — человеконенавистничество. Но «врачей» нет: их мордой об стол, к стенке, стерли в порошок и близким не передали урну с пеплом — втоптали в землю.

Проблемы с мышлением, деторождением (какие «цветы жизни» в аду или трудлагерях?), воспитанием, сохранением самого вида: как в джунглях торжествует закон Дарвина, закон самосохранения — выживает сильнейший.

Ключевые слова... Ключевые понятия того времени... Между ними узенькая щелочка для глотка свободы — между отсидаками (чтобы съездить в Ташкент и узнать, что в жизни дорогого человека существует другой значительный интерес), явно недостаточного хотя бы для общего понимания, что же произошло на самом деле и почему, кто ты теперь, почему оболган, отвержен, растоптан, как с этим жить, а главное, — что впереди.

1954 год. За почти двадцать лет полностью потеряна связь с «большим миром». По какому праву «изъяты» из жизни «золотой кусок», исковеркано настоящее, перечеркнуто будущее, — ответа нет. Есть сиюминутный факт: Колыма — за плечами, мало напоминающими знатного физкультурника. Есть седые пакли на голове, изборожденное морщинами лицо, впалые щеки, беззубый рот. Есть глаза, которые научились не верить тому, что видят — «орлиный» взор сменился взором недобитого зверя.

Разум уяснил и расставил по полочкам реалии: потеряна связь не только с окружающим, но и с частью себя — милым Шуриком, идеалистичным Александром, пышущим здоровьем, энергией, переполненным планами, и уверенно шагающим вперед.

Теперь куда ни смотри, всюду мерцает решетка, по ночам терзают сцены из лагерной жизни. «Да, — скажет отец много-много позже, — спасли от гибели только отличная физическая закалка и вера...»

Только вот во что — в разум, высшую справедливость, которые безнадежно заплутали в бескрайней лжи?

Афиши времен гастролей после освобождения.

1955 год. «Минус» — сохраняется. Отметки в комендатуре — в силе. Родителей Давно нет. Спутницы жизни — еще нет. Друзей Пока нет. Работы — тоже. Так, временная «халтура». Нет и главного — доброго имени, душевного спокойствия, веры в людей.

Может и такие мысли звучали бы в книге отца, сумей он сохранить свои рукописи. Но не сложилось: на гастролях в Улан-Удэ фанерный чемоданчик с бумагами был выкрад.

Ворам не повезло: правда неликвидна, ее не продашь, ею не прокормишься. А значит, скорее всего, употребили «бумажную историю страны» по прямому назначению — в сортире. Это было бы символично — то, что творилось тогда в государстве, нашло бы родную, гармоничную среду...

Лена, 1956 год

После всего пережитого отец категорически отказался возвращаться в Ташкент. Гастролирует с артистической группой по захолустью Сибири. Выучился играть на аккордеоне: с компактным инструментом без проблем выступить даже в самой маленькой аудитории, какими и являлись клубы поселков и «малых» городов.

В одной из таких поездок по Забайкалью (Борзинский район) встретился с моей будущей мамой. Увидел сероглазую девушку с иссиня черными волосами, удивился — Лена уже встречалась на его жизненном пути.

Аккордеон, освоенный после лагерей, стал главным инструментом на гастролях, и вторым — в преподавательской деятельности.

Лена на руках у бабушки. Слева отец Алексей — офицер Балтийского флота, справа Ирина Тимофеевна. 1931 г., Сретенск.

*Лена — сотрудница гарнизона
(сидит на стуле). Пока еще при погонах...*

Три года назад, будучи в ссылке, отец тайно передал девушке важный пакет с просьбой опустить письмо в надежный почтовый ящик. То было обращение к тогдашнему правительству. Девушка оказалась доброй и понятливой — сделала, как просили. Но отец только сейчас узнал, чего ей это стоило. Внутри ее рабочего периметра, как и вовне — по всей стране — исправно работал механизм стукачества. Стало известно, что сотрудница помогла ээку. Хотели судить, но приняв во внимание авторитет, покладистый характер, и наличие малолетнего ребенка, пожалели — «ограничились» внутренним показательным судилищем

и, содрав погоны, «выперли». Но вопрос — имеет ли право «такая аморальная особа» на воспитание ребенка, — поставили. Двухлетний мальчик был передан в приют. Родная мать его больше никогда не увидит: через год ей скажут, что малышка усыновила «приличная чета» — с достатком и «военным положением» и адрес неизвестен. Многолетние поиски ребенка потерпели фиаско: ни один архив, ни одна социальная служба не предоставляли конфиденциальную информацию. След мальчика затерялся...

Вся эта история, сильно повлиявшая на маму, в дальнейшем положит начало неизлечимой болезни и в итоге приведет к инвалидности.

Первое совместное фото родителей. 18 сентября 1956 г.

Лена, на 26 лет моложе Хорвата, еще очень долго обращалась к нему по имени-отчеству. Александр Александрович стал для нее отцом, другом, любимым человеком, на которого можно положиться, которому можно рассказать все без утайки. Отец-морзяк погиб. Мать Ирина Тимофеевна отказалась воспитывать, девчонка батрачила у родственников: мыла полы, обстирывала большую семью, утирала сопливые носы малышам. Основной родней стала бабушка и тетка с дядей. Позже выучилась, стала зарабатывать, вышла замуж. Муж умер. Работала в гарнизоне, в секретной части — обучали на радистку со знанием китайского языка. Носила красивую форму с погонями... Вот и вся жизнь, да вроде и не жизнь вовсе, так — мучение сплошное...

Встретились два одиночества, два горя, две искалеченные судьбы, два добрых человека. Встретились — прикипели, и остались вместе. Чувствуя свою вину за сломанную судьбу Лены («Жизнью ей обязан!), отец предложил свою руку. Про сердце, в «той жизни» отданное другой, однолюб умолчал. Но про жизнь «до», теперь уже «потустороннюю» рассказал. Отношения оформили официально. Так потихоньку и стали «срастаться» две беды, зализывать раны, на обломках себя строить новую жизнь.

Средняя Азия, 1957 год

Сибирь, Средняя Азия... — города и поселки мелькают с бешеной скоростью. Нигде подолгу не задерживаются — «Не положено», «Не разрешено». Между справкой о снятии судимости и реабилитацией — огромная пропасть, а отец все еще стоит на «непрощенном берегу». Костылей никто, и государство в том числе, не подставляет — «хромают», как могут.

Возненавидев на всю жизнь холода, которые, казалось, ввелись в каждый атом тела, отец предлагает маме отправиться в Азию. Влекут туда не только тепло, но и тоска по родине. Так оказались в Таджикистане.

На короткое время прибежищем становится поселок Адраман (Кайракумская область), где отец работает в клубе. Там, в горном поселке 19 октября 1957 года родилась я — дочь «врага народа» Александра Хорвата.

Справочники не листали, имя отец придумал сам — Новита. — Составное слово из латинских *novus* и *vita*, — пояснил маме. — А все вместе — Новая жизнь.

В нем отец «закодировал» прошлое (*Новая Сербия, Аскания Нова, любовь деда-врача к латыни*) и надежду на будущее.

Маме «новое слово» показалось слишком мудреным:

— Звучит запутанно, а имя — это судьба.

— Новое — оно и предполагает новое, — возразил отец. — Другое, лучшее. Начало есть, все остальное сама надстроит.

Не сыном, конечно, вышла я, но тоже желанна. Девчонке, по мнению папки, было даже легче стать музыкантом. Непременно — музыкантом...

Ош

Очередным «перевалочным пунктом» для родителей становится Ош.

Справка

Ош — центр Ошской области Киргизии. Расположен у выхода р. Акбура из предгорий Алайского хребта в Ферганскую долину на высоте от 870 до 1110 м. 143 тыс. жителей (1974 г.), (33 тыс. в 1939 г., 65 тыс. в 1959 г.,

120 тыс. в 1970 г.) Один из древних городов Средней Азии. Уже в 10 в. считался третьим по величине городом Ферганы, через него проходили торговые пути из Средней Азии в Китай и Индию. В 1876 году присоединен к России (после завоевания Кокандского ханства).

Ош.

Из этого периода помнятся четко лишь фрагменты: мама работает библиотекарем, отец преподает в училище. Живем на окраине города, на шумном и дымном перекрестке грузовых дорог. Второй этаж, кухня, небольшая светлая комната («условия» во дворе — в деревянном пристрое). Впервые у родителей появилось сносное жилье, не свое, ведомственное, но тем не менее. Отец вкалывает дотемна, родители стараются придать комнате жилой вид: появляется оттоманка, за фанерной перегородкой моя железная кровать, симпатичный настенный коврик — горный пейзаж в кофейных тонах. Первая полка, первые (свои!) книги. Первая копилка — огромное красное яблоко, куда отец и мать поочередно кидают в основном «медь».

В окно видна гора Сулейманка (по имени святого Сулеймана). Ее мы с отцом несколько раз покоряли. Сборы были короткими: отец завязывал на большом носовом платке четыре узелка (по углам) — получался головной убор от солнца, прихватывал карагачевую палку (на «всякий», и в качестве посоха для «восхождения»). Походы были длинными: от рассвета до заката. Папка любил природу (пожалуй, то немного, что он своим разбитым вдребезги сердцем мог еще любить настоящему), уединение (и эта привычка осталась при нем навсегда).

Сулейманка

Скалистая гора чудесна: на подходе груды причудливых камней с невообразимыми выемками. Каждый из нас облюбо-

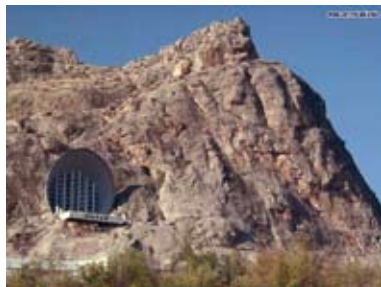

*Ош. Курс отца в музучилище.
Отец в центре, мама во втором ряду с левого края, я рядом.*

ывает свой: я — «ванну», отец — «кресло» и молча загораем. «Кресло» отца напоминает то, из детства, уратюбинское. Может «о том» и думает, прикрыв глаза.

Через час — покорение Сулейманки. С камня на камень, метров через двадцать неожиданная площадка, на ней тутовник в цветных ленточках и крохотная мечеть. Здесь обычно устраиваем второй «перекур». Еще выше — прохладная пещера с темным дном, правда, туда отец запрещает спускаться.

Карабкаемся к вершине «козыми» тропками — узкими, крутыми, сыпучими, окаймленным выжженной травой. Еще одна остановка — у камня-горки: природа отшлифовала и наклонила кусок «прямоугольника» в виде детской «горки». Отец тоже превращается в ребенка — съезжаем с визгом и хохотом.

*Ош. Гора Сулейманка. Музей.
(www.jartour.ru).*

Неподалеку обнаруживаем «нору»: гладкие своды, в конце тоннеля яркая точка — выход на другую сторону горы. Взыграл исследовательский азарт. Решаем лезть. Зажигаем прихваченные свечки. Отец становится на четвереньки (высота «норы» по другому не позволяет), лезет первым, я следом. На полпути проход расширяется, становится чуть выше и мы видим останки животных, птиц. Вправо и влево зияют еще два «лаза».

Перешептываемся:

- Пап, давай туда!
- Нет, они слишком узкие.
- Ну пап...
- Значит так: только назад или вперед.

Шепот распадается на кусочки громкого эха. Сквозняк из «черных» дыр задувает свечки. Слышно какое-то копошение, и звуки, похожие на шелест чешуи. Становится жутко, и я уже совсем тихо и покорно:

— Вперед, пап...

На финише чуть не застряли, не на шутку пугаюсь. В «круге» перед нами уже синее небо, в лабиринт задувает вольный

ветер. Выкорабкиваемся «на свободу» возбужденные, довольные.

Ящер и золото

Какой вид... Город как на ладони, вон и наш дом, превратившийся в спичечный коробок. Слышно только пение птиц и свист ветра.

— Вот примерно так я и «ползал» в шахтах, — вспоминает отец, прикуривая «Беломор» и махнув в сторону «дыры», из которой только что выползли. — Горбатился, «мантулил» не один день. Чего только не насмотрелся... А в тайге слышал такой-же «чешуйчатый» шорох... Это было в последние годы в лагерях... Нас загнали в «сердцевину» хвойного леса добывать древесную смолу и шишки — ценный витаминный сбор... Так вот, оторвался от товарищей, сам не заметил как, смотрю — озерцо небольшое, а на берегу бревно. Вспомнил любимую байку местного населения: якобы, обитает в здешних лесах чудище, потому сюда лучше не соваться. Решил проверить: скидываю туесок со смолой, мешок с шишками, и решительно в «запрещенный» квадрат. До бревна оставалось метров двадцать, посмотрел и волосы на голове дыбом встали — оно зашевелилось, «зашуршало»!

— Дракон?!

— Дракон не дракон, но похоже на чудище: длинное, искрится на солнце, сужается к концу, начинает двигаться... Невкогда мне было разглядывать, пустился наутек. Бегу и ору нашим: «Ребята! Ребята!»

— И что дальше?

— Что-что... Не поверил никто, посмеялись — привиделось, мол. А за потерю туеска и мешка с «продуктом» наказание получил: не выполнил норму — остался без «жратвы»... Больше я в то место ни ногой...

С экспедиции на Сулейманку возвращаемся с трофеем : пластинами слюды — от золотистой до дымчатой. Стена там была целая из «золота», как я поначалу подумала. Долго отец смеялся, наблюдая как пытаюсь отломить куски, а они крошатся прямо в руках. — Золото, дочь, совсем другое. Золотой песок, он и есть песок — мелко- или крупнозернистый. Пока

намоешь горстку — очокуриться легче. А самородки... Вот подрастешь, читай Джека Лондона, он и про золото пишет, и про то, как оно добывается. Только ихнему Клондайку до Колымы по нравам, понятиям, масштабам и последствиям далеко...

— Пап, а можно было припрятать кусочки, а потом разбогатеть...

— Пробовали некоторые, хотя знали, что бесполезное это дело: после работы всех заставляли раздеваться догола, прощупывали до нутра: повернись! Рот! Уши! Нос! Пах! Ноги расставить! Присесть... До кишок почти добирались... Кое-кто мечтал сделать «зачапки» в тайге, говорили, что после освобождения вернутся сюда, выкопают и заживут по-человечески. Я об этом не думал. Чем закончилось, не знаю. Неписанное правило гласило: и не думай, если «напали» на самородок в присутствии трех-четырех человек, предложить «припрятать» мог только провокатор. Закон был суров — покусился на «государственное добро», прощайся с жизнью. Некоторые здорово погрели руки, только не ээки ...

Конечно же, маленькой девчонке было мало что понятно из того, что говорил отец, все воспринималось какой-то сказкой, которая по случайности не попала в томик «Сказки народов мира». Конечно же, несмышленищу, которым я была тогда, ни в жизнь бы не запомнить «колымские сюжеты», не говоря уже о подробностях. Эти и другие «картинки» отложились в памяти только потому, что отец неоднократно делился воспоминаниями, к сожалению, с годами все неохотней.

Фрунзе, до 1964 года

На несколько следующих лет «родным» городом становится Фрунзе.

Справка

Бишкек (кирг. Бишкек, прежде Фрунзе) — столица Киргизии и крупнейший город страны. Население 1022 тысяч жителей (2009 г.) Расположен на севере страны, в Чуйской долине, у предгорьев Тянь-Шаня, в 40 км севернее Киргизского хребта, в

25 км от границы с Казахстаном, на высоте 750—900 м. Средняя температура января — 5,4 градуса, июля 24,4 градуса. Ведущая отрасль промышленности — машиностроение, металлообработка.

Фрунзе.

Я хожу в детский сад, мама работает помощником главы министерства водного хозяйства. Часто берет к себе на работу, так как задерживается допоздна. Усаживает за стол, выкладывает книжки, журналы, цветные карандаши, бумагу и просит не мешать. Стараюсь, но не получается:

Фрунзе. Дом правительства.

— Мам, это кто? — Тычу пальцем в журнальную цветную фотографию.

Фрунзе. Здание академического драматического театра.

— Хрущев...

— А кто он?

— Будешь мешать, задержусь и мы поздно вернемся домой.

В поле стоит, трактор, кругом кукуруза...

— Он что — колхозник? — повторяю часто слышанное слово, не зная его смысла.

Трах! Журнал закрыт, журнал об стол, мама наклоняется к моему лицу:

— Если ты еще хоть слово произнесешь, накажу.

Я знаю, здесь, при людях — не накажет. С деланно обиженным видом ухожу к стене: там висит картина, заворожившая меня — женщина с огромными глазами, в белом одеянии, похожем на крылья лебедя.

— А это кто?

«Царевна-лебедь». Нарисовал художник Врубель... Репродукция.

Фрунзе. В кругу друзей. Мама в центре (в белом), отец за ее спиной.

— Почему глаза грустные, как у папы? Почему — лебедь, ведь она — человек?

Не дожидаясь второго «траха», возвращаюсь за стол — досматривать журналы и детские книжки. Тогда так и осталось тайной, кто тот «колхозник», чему радуется в поле, и почему вокруг него сгрудились веселые девочки в украинских нарядах, с красивыми венками из живых цветов и атласных ленточек. Непостижимой тайной тогда для меня было многое... Повсюду только и говорили, что о Никите, который желает перенять опыт американцев и всех закормить кукурузой. Вскоре прилавки магазинов ломились от кукурузного хлеба — золотистого, сладковатого. Мне было совершенно непонятно, почему человека, решившего накормить страну таким вкусным хлебом, по углам называют «кукурузником». Впрочем, дома говорили

не столько о кукурузе, сколько о другом: съезд, культ личности, оттепель. Оттепель? На маму, однажды раз и навсегда запуганную, и оттого полностью отстранившуюся от политики, «грязнее которой не может быть ничего», она не произвела впечатления. Насколько теперь понимаю, отца оттепель не коснулась, не «отогрела» ни на «градус». Он в нее просто не поверил. Он давно верит только своему отображению в зеркале, которое называл лучшим другом.

Суслики столбиком

Мы живем в бараке, в угловой комнате. Почти — в двух. Прихожая быстро превращается в «гостиную»: у одной стены пианино, купленное отцом на работе (из числа списанных), у другой — русская печка и кровать. Вторая койка — для меня, — в соседней комнатухе. Под новый год там ставится живая елка, мы ее украшаем вместе с мамой, папа, не признающий никаких праздников, занимается своим делом — мастерит набойки на ботинки. Сапожное ремесло освоил в последние годы заключения.

В ночь под новый год мама потихоньку подкладывает под мою подушку подарок (огромное красное яблоко, пакет с конфетами), которому я утром громко радуюсь. Гостей у нас почти не бывает, и это меня удивляет — у соседей частенько шумно-пьяно, у нас — когда не играет фоно — стоит тишина.

Мама стирает белье на ребристой доске в металлическом корыте, сушит на морозе, досушивает в комнате на веревках, гладит на полу чугуном утюгом, разогретым на печке. Печка — наша палочка-выручалочка — тепло дает и горячий обед. Отец ценит простоту: — Щи, да каша — пища наша...

Ест в меру (для мужчины его комплекции — мало), исключительно с черным или серым хлебом, частенько деревянной ложкой — все это уже неистребимые привычки лагерной жизни. Хотя в компаниях демонстрирует отличное владение столовыми приборами.

Бытовой аскетизм — также привычка родом из лагерей. Страсть к уединению — оттуда же. Одно пристрастие отца остается неизменным — тяга к чистоте. Наипервейшее правило — гигиена, коротко остриженные, вычищенные ногти (для

культурного человека «черная канва» — позор, для музыканта — вдвойне!), чистая рубашка, галстук, обязательные пиджак и шляпа, вычищенные с ваксой туфли.

К тому времени у отца наконец появилась возможность воспользоваться услугами протезиста, который и сделал «белозубую улыбку в два ряда». Правда, десны, отвыкшие от зубов, долго не желали «сотрудничать» с пластмассой (терло, давило, слетало, заставляя шепелявить, картавить, присвистывать), но после нескольких подгонок все встало на свои места.

«Бабушка» объявилась

Некогда роскошная темнокаштановая шевелюра отца сейчас производит впечатление поля, засыпанного пеплом вулкана. Это по мнению некоторых студентов и ококультурных начальников выглядит «не респектабельно». Отец вынужден пойти на радикальную меру — красить волосы. В свою очередь и это нравилось не всем (мужчина... красится?!), но оставим подобные вывихи недовоспитания без комментариев.

Как бы там ни было, превратившись в жгучего брюнета (тогда не существовало красителей, позволяющих регулировать интенсивность окраски) и обретя белозубую улыбку, отец стал выглядеть лучше. Конечно, себя самого в молодости — красавца в смокинге (из «той» жизни) он уже не смог повторить никогда, но и на доходягу, которым был пять лет назад, уже не походил.

Смотреть на него было приятно. И смотрели. Женщины. Они всегда заглядывались на отца: юные, дамы бальзаковского и послебальзаковского возраста, наивненькие и прожженные, смазливенькие и строгие разумницы-красавицы. Одному ему известным способом (врожденное?) отец умел «держаться дистанцию» не рана женское самолюбие. Но с одной дамой вышел казус. Дамой этой оказалась... мать моей мамы. «Знаменитая» Ирина Тимофеевна, тень которой витала в нашей семье постоянно в виде мрачной памяти, появилась в жизни родителей как гром среди ясного неба. Сначала пришла телеграмма: «Случайно обнаружила твои следы. Хочу навестить. Твоя мама». Получив дочернее согласие (мама была готова даже воссоединиться!), заявляется сама: шикарно одетая эле-

гантная дама, тонкие поджатые губы — сама «мисс высокомерие». Оценивающе рассматривает обстановку (нищета!), маму, отца и...

Атмосфера в доме становится невыносимой: Ирина Тимофеевна заставляет меня обращаться к ней только по имени-отчеству («Никаких «бабушек!»), мучает тайными шипками (с вывертами), терроризирует мать «советами», отца — женскими «уловками». И вот кульминация ее «любви» к дочери: «Лена, Саша старый, в отцы тебе годится...», к отцу: «Ленка — необразованная дура, какой вы, интеллигентный человек, находите в ней интерес?» И разгромная речь отца. Оскорбленная родственница пакует кожаный чемодан и возвращается туда, откуда прибыла.

Мама плачет:

— Как она могла....

Отец курит, хмурится, морщит лоб:

— Лена, не было у тебя матери, и нет. Ты просто хотела выдумать ее... Век живи — век учись...

Ирина Тимофеевна исчезла из нашей жизни навсегда — ни адреса, ни словечка. Как она закончила свой жизненный путь, посещали ли ее «родственные» мысли, неизвестно. А вот с теткой и дядей мама переписывалась до последнего: те, кто стал когда-то хоть суровыми, но мамой и папой, в последние годы жили в Белоруссии.

«Жить надо проще!»

Живем уединенно. У отца единственный друг — Шубладзе, спасший ему жизнь на Колыме. Способом, известным только ему, лагерный врач вылечил распухшие до размеров ствола ноги зэка, избавив тем самым Хорвата от операции, которая в тогдашних условиях привела бы к безусловной инвалидности.

Неожиданная встреча с «одноколымчанином» вылилась в дружбу, которая помогала отцу не так остро ощущать свое одиночество: в семье он находил отдохновение, мог расслабиться, с лагерным побратимом — предаться воспоминаниям, поискать ответы на многие вопросы. Шубладзе работает терапевтом и заботливо подсказывает отцу способы быстрого и эффективного физического и духовного восстановления. Впрочем, отец

не очень-то и прислушивается, имея свой, давно проверенный рецепт — физкультура, природа, труд, простое питание.

У мамы — единственная подруга — тетя Шура, дом неподалеку. Сын у нее Вовка — хулиган! Когда наши мамы, наговорившись вдоволь, молча пьют на веранде чай, мы с ним играем в соседней, полупустой комнате. И как играем! До звона разбитой чашки, до разодранной книжки. А еще у Вовки есть сестра Лариска — постарше лет на десять, а потому нами непонимаемая.

— Выбразуля! — орет Вовка и дает деру.

Разнимают их недолго. Вовка ругается, держась за искорябанную щеку. Лариска шипит, я лезу под кровать — знаю, накажут. Все обошлось, и Вовка ведет меня в сад — рвать хризантемы.

Что роднит Вовкину и мою мать? Думаю, схожесть судеб. Неудавшихся, несладких. Тетю Шуру оставил муж, у нее затяжное горе, но находит душевные силы сочувствовать маме:

— Леночка, когда же счастье-то вас с Сашей посетит?

Но даже имея юридическое образование, ничем не может помочь: решение о реабилитации отца, как и тысяч ему подобных еще не созрело в тогдашнем политическом горниле. Начавшиеся было «реабилитационные процессы» спущены на тормозах...

Не могут подруги наговориться: болтают даже в бане, под шум душа, куда раз в неделю мы все вместе ходим. Мы с Вовкой в здоровенной ванне визжим, брызгаемся, потом, тепло укутанные, идем домой — на чай и знаменитый теть Шурин борщ. Тетя Шура — судья. — Других всю жизнь судит, а свою жизнь никак не рассудит, — так думаю и удивляюсь:

— Как же это?

Рядом с нашим бараком сарай с углем, во дворе растет дикая картошка — выше головы. Как весна — суслики столбом на пригорках. Шагнешь — их и след простыл.

А под праздники в столице Киргизии — салют. Сижу, укутанная одеялом на папиных плечах, ловлю цветные искры. Ни одной не поймала — далеко. Зато Клавка, соседская дочка, возвращается из городского парка в испорченном наряде — с подпалинами.

У соседки тети Маши, рыжеволосой красавицы всегда нарядно и уютно. От кружевных накидок, японских халатов и мраморных слоников в ряд на комод. Она красит губы и изрекает:

— Жить надо проще. Вот так-то...

И повернувшись к зеркалу задом, изящно одергивает платье на ладной фигуре...

Отец иронично улыбается, мама смущается, я смотрю с восхищением: у нас нет слоников, японских зонтов, трюмо, у мамы нет таких нарядов, родители «не умеют» быть веселыми, а главное «жить проще».

Иссык-Куль, парад

В центре города большая площадь, театр оперы и балета. Знакомый актер выходит к нам на встречу с черного хода, на лице остатки грима. У отца деловой разговор, подальше от моих ушей.

В центре города — фонтан. Там же институт. Там работает папа и студентки его очень любят. Называют уважительно «агай» (наставник, старший друг), а мне дарят игрушки, каких теперь не выпускают.

Речка не речка — горный сай. Летом холодный и прозрачный, зимой застывший голубым льдом. Разобьешь — тысячи льдинок зазвенят.

Озеро-море Иссык-Куль. Заснеженные хребты гор. Синь воды. Алые поля опийного мака. Кусты черной смородины. Песчаный берег. Искусственный заливчик, сде-

*Иссык-Куль. Девиз лета:
Солнце, воздух и вода, —
наши лучшие друзья.*

ланный отцом для моего безопасного купания. К утру запруда забита пеной и клубками змей — выползли на мелководье погреться.

На берегу палатки — от ночного холода. Навесы — от дневной жары. Ночной шторм, утренние дивные находки — водоросли, ракушки, камешки... От щедрого солнца тело отца приобретает бронзовый оттенок. Я не отстаю, и папка называет меня шоколадкой. Фотография на память, которую отец подпишет так: Девиз лета: солнце, воздух и вода, наши лучшие друзья!

На отдыхе отец «отходит» — рыбачит, совершает дальние заплывы. Мама с берега взволнованно кричит:

— Саша, возвращайся!

Отец слышит, но берет курс на берег только выполнив установленный собой же норматив. Вылазки на природу совершаются часто. Маршруты выбираются отцом и согласовываются со мной: карагачевая, березовая рощи, городской парк, дубовая роща, городской пруд, поездки на Иссык-Куль — через горные перевалы с белыми шапками ледников. После такого отдыха отец спит лучше, но по-прежнему поднимается очень рано — в 4—5 утра. Жаворонок....

... 9 Мая. Отец никогда не говорит, любит ли этот праздник. Только однажды: — В день Победы 1945 года нам, энкам, дали по пирожку, но рабочую норму не отменили.

На парад не ходит. Соседки зовут — бесполезно, я терплю — ноль эмоций. Хотя нет, хмурится. Если долго донимаю, — злится, начинает курить. Откуда мне тогда было знать, что отец, как перешептывались соседки — «не воевал, а почему»? Победный салют смотрим из своего двора.

Иное дело — 1 Мая. Поправляю перед зеркалом «хвостики» и новую юбочку-солнце: это первый парад в моей сознательной жизни. Папка тщательнее обычного бреется, одевает лучший пиджак, одеколонится, приглаживает волосы, подмигивает:

— Готова, дочь?

Мои воздушные шары вливаются в цветастое море транспарантов, флагов, портретов вождей. В одном из них с удивлением узнаю «колхозника» из журнала. Людское море всколыхивается и плывет к центральной площади. Все смешивается:

голубое небо, красные знамена, костюмы народов СССР, смех, песни, звуки духового оркестра. Становится весело и как-то «всеобъемно». Новенькие босоножки, успевшие натереть ноги, не в состоянии испортить настроение. Вместе с колонной института идем: папа в сторонке, переговариваясь о чем-то с сослуживцем. Я — вприпрыжку, не вникая в обрывки неинтересной для меня беседы — «новая кафедра», «требование дня», «кадры»...

Студентки называли отца «Агай».

*Свобода — это право выбирать,
с душою лишь советуясь о плате,
что нам любить, за что нам умирать,
на что свою свечу нещадно тратить.*

Игорь Губерман.

Часть 6. К ВЕРШИНАМ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА (1960—1965 гг.)

Музыкальная кафедра

Отлично помню тогдашнюю отцовскую бессоницу: просыпаясь в поту от очередного кошмара, он так уже не мог сомкнуть глаз, но старался не шуметь, чтобы не мешать нам. Четыре утра — обычное время подъема. До шести уже умыт, сделана зарядка — с гириями, эспандером, накачкой прессы. Облился водой, выпил крепкого чая. До работы полтора часа. Начинается «утренняя музыкальная разминка» (Бывает еще и «вечерняя»). Звуки не могут нарушить покой соседей: на чугунную раму, под удары молоточков, предусмотрительно приспособливается демпфер. «Глушитель» — полотенце в два слоя прикрепленное к крайним колкам прищепками, изрядно съедает звуки, но я их все равно знаю наизусть. Мне нравится просыпаться под звуки вальсов, мазурок, сонат. Нравятся «разминки-упражнения» — необычные, красивые, длительные — отец восстанавливает технику.

Какой бы сносной не представлялась жизнь отца в последние годы лагерей (Учил детей начальников, ребяташек в соз-

данной им же в Усть-Нере музыкальной школе), — она была губительна для рук и душевного состояния музыканта. (Это объясняет и тот факт, что к композиторской деятельности отец так и не вернулся — душа уже не пела). А без гармоничного психологического настроения и хорошей техники преподавателю фортепиано нечего даже близко подходить к студенческой аудитории. Отец работал не с детьми, которые могли бы простить (да просто не заметить) исполнительские огрехи учителя, он учил взрослых и наблюдательных людей.

Вуз за глаза звали «женским монастырем» — в аудиториях одни девочки. Оглядываясь на прошлое, думаю, что невзирая на бытовые трудности, еще кровоточащие душевные раны, для отца как музыканта и организатора то было лучшее время, время расцвета (нового? продолжением?) его многогранных способностей. То был признак постепенного «оттаивания», росток интереса к жизни начал пробиваться через асфальт...

Отец как будто спешит реализовать то, что не успел довести до логического конца в Ташкенте — придумывает, пред-

Со студентками фото на память в дубовой роще.

лагает, разъясняет, убеждает — со страниц газет, трибуны, в высоких кабинетах, в личных беседах, на собраниях. Ситуация в какой-то степени напоминает время «ташкентского становления»: другая республика, но проблемы схожие — нехватка местных кадров, нет соответствующей базы для их подготовки, адаптированных к местным условиям методик, учебных программ. Благодаря своей настырности и дару убеждения отец все-таки находит понимание и поддержку на республиканском уровне — в министерстве народного образования Киргизской ССР.

Помню, частенько брал меня с собой в институт. Я тихонько сидела на стуле в концертном зале, а чаще в спортзале, где проходили репетиции. На моих глазах происходило таинство рождения первого в Киргизии женского ансамбля аккордеонисток при «новорожденной» музыкальной кафедре. Удивительно, но отцу удалось реализовать оба проекта — невиданных по значимости и масштабам в стране, где базовым инструментом испокон веков считался комуз.

После интенсивных занятий по новой программе (авторской, составленной отцом) состоялась и презентация ансамбля. Помню, как сейчас: 20 девушек в красивых национальных костюмах, с аккордеонами размещаются полукругом на сцене концертного зала, и в сопровождении рояля исполняют...

Репетиция ансамбля аккордеонисток в спортзале пединститута.

классику и импровизации на темы киргизских песен и песен народов мира.

Это был шок — для отдельной части населения.

Это была победа — для отца и первых студенток-музыкантш.

Это было торжество новаторства.

Это было доказательство правоты отца, всегда верящего в интернациональную силу музыки и в возможность ее обогащения за счет совмещения на первый взгляд несовместимого.

Очень быстро ансамбль приобретает популярность и выступает со специальными концертными программами уже вне стен вуза.

Это и личный профессиональный рывок: отца, не имевшего никаких документов и справок, поначалу приняли... лаборантом. На практике оценив потенциал нового «кадра» руководство рискнуло обойти «формальности» — младший лаборант становится старшим, педагогом, и.о. завкафедры музыки и пения, а потом и возглавляет ее. Музыкальная кафедра состоялась, задышала полной грудью.

Языком документов

ХАРАКТЕРИСТИКА

на и. о. зав. кафедры музыки и пения
Киргизского женского педагогического
института им. В.В. Маяковского

ХОРВАТ Александра Александровича

Тов. ХОРВАТ Александр Александрович 1904 года рождения, имеет высшее образование (окончил в 1930 году Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано). Тов. Хорват А.А. С 1930 г. по 1932 г. работал зав. учебной частью Ташкентского музыкального техникума, одновременно ведя класс фортепиано в том же техникуме.

С 1932 г. по 1937 г. работал зам. директора по научной части в Институте искусствоведения Узбекской ССР (г. Ташкент).

С 1937 г. по апрель 1938 г. — зав. музыкальным отделом управления по делам искусств Узбекской ССР и директор Ташкентской консерватории.

В апреле 1937 года т. Хорват А.А. был репрессирован Особым совещанием с высылкой на 5 лет в ИТЛ Дальстроя. В июне 1954 года был освобожден от ссылки со снятием судимости в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года (справка за № 22446 от 30 июня 1954 года).

С 1-го января 1955 года т. Хорват А.А. работал в качестве зав. муз частью Украинской концертной бригады, по обслуживанию районов и городов Восточной Сибири.

С 1956 г. — художественным руководителем и концертмейстером группкомов №№ 2, 7. Перед приездом во Фрунзе — концертмейстер Чимкентского Дома учителя и Дворца пионеров.

В качестве старшего преподавателя (класс фортепиано) А.А. Хорват работает в Киргизском женском педагогическом институте с 1-го сентября 1959 года.

За короткое время им создан аккордеонный ансамбль, выступавший уже по телевидению, в радиостудии, на 3-й профсоюзной конференции и т. д.

Являясь инициатором и специалистом широкого профиля, т. Хорват А.А. проводит большую работу по укреплению учебно-методической работы новой музыкальной кафедры, постоянно участвует в общественных мероприятиях института. Регулярно выступает как автор музыкальных статей в республиканской печати.

Временно исполняя обязанности зав. кафедрой музыки и пения, т. Хорват А.А. деловым образом оправдал свое назначение, в связи с чем считаем целесообразным допустить его в этой же должности на предстоящий 1960—1961 учебный год.

Директор института К. Токтоманбетова.

Допустили. Потом еще и еще.

Справка

Киргизский женский педагогический институт им. В. Маяковского основан в 1945 году во Фрунзе как Киргизское жен-

ское педагогическое училище, с 1950 года — учительский институт, с 1952 года — им. Маяковского. В 1972 году в институте действовали факультеты — физико-математический, биологический, филологический, иностранных языков, музыкальный, педагогики и методики начального обучения, дошкольной педагогики и психологии; 19 кафедр, 11 учебных лабораторий. С 1955 года в институте издаются «Ученые записки», с 1972 года — межвузовские сборники.

Декада русской советской музыки, 1—10 июня 1963 год

Город расцвечен флагами и лозунгами «Кош келиниздер!» Добро пожаловать, творцы советского музыкального искусства. Еще не остыла память от встреч с виднейшими русскими писателями в дни литературной декады, а общественность уже встречает творцов советского музыкального искусства. Пресса пестрит сообщениями о декаде русской советской музыки: «впитывая в себя художественные сокровища братских народов», «многонациональная советская культура достигла небывалого расцвета во всех областях художественного творчества». Звучит банально, скорее, «партийно». И все же, и все же... Надо ли доказывать, что творчество А. Шостаковича, А. Хачатуряна, С. Прокофьева, Кужамьярова и Мухатова, Жиганова и Бурханова, Маддыбаева и Молдобасяна и других композиторов республик Союза в эту пору составляли драгоценные звенья на пути к становлению грядущей «культуры коммунизма»?

Радости «жданного» коммунизма еще только в мозгах идеологов, но настоящая культура уже грядет: малыми шагами, но добирается до горной республики. Туда, где впервые за много лет население столицы будет слушать симфонический оркестр.

Открытием для слушателей стали и 12-я симфония Д. Шостаковича, и фортепианный концерт Галынина, и скрипичный концерт Т. Хренникова, и во-

Бишкек. Академический театр оперы и балета, где работали друзья отца. (advantour.com).

кальный цикл Свиридова на слова Бернса, и отрывки из оперы Д. Кабалевского «Кола Брюньон».

А. Хорват тесно дружит с М. Абдраевым: и. о. заведующего кафедрой и композитор через прессу высвечивают значимость декады, не упустив случая в очередной раз напомнить о набравших проблемах.

Языком документов

«Коммунист Киргизии», 31 мая 1963 год. Дается в сокращении.

«Декада русской музыки в нашей республике скрепит узам дружбы русский и киргизский народы. В этом — огромная общественная значимость декады.

Найдется ли ныне человек, не знакомый со знаменитой «Ленинградской симфонией» и ее творцом лауреатом Ленинской премии Д. Шостаковичем? Кому же неизвестны «Марш молодежи мира», «Бухенвальдский набат» и другие произведения Ваню Мурадели? Кто не знает популярных имен В. Власова, В. Фере, М. Раухвергера, теснейшим образом связавших свое творчество с Киргизией, внесших в развитие ее музыкальной культуры огромный вклад? Не вторым ли А. Затаевичем является В. Виноградов — пытливый историк и исследователь киргизской музыки, собиратель музыкальных сокровищ киргизского народа? Участниками декады являются и широко известный ленинградские композиторы М. Чулаки и В. Сорокин, свердловчанин Е. Родыгин (автор популярных песен «Рябинушка», «Едут новоселы»), известный музыковед И. Мартынов — автор книг, брошюр и статей по музыке.

Среди гостей мы встретим и Горьковский государственный симфонический оркестр, квартет имени Бородина, лауреатов международных конкурсов: пианиста Башкирова, скрипача Грача, солистов-певцов Сиротинину, Дементьева, Рыбу, Добрина, солиста Большого театра И. Петрова.

Многие буржуазные общественные деятели удивятся тому, что задачи художественного творчества в Советском Союзе приравнены к общепартийным, общегосударственным задачам. Но может ли иначе быть в стране, где искусство пронизывает всю жизнь народа; где кино, художественная проза и поэзия,

Иссык-Куль. (www.centralasia-travel.com).

*Я с родителями
на Иссык-Куле.1963 г.*

*Летом мы пропадали
на Иссык-Куле.*

Горы Киргизии и маковые поля. (www.centralasia-travel.com).

театр и живопись, скульптура и архитектура, лирическая песня и героическая кантата стали достоянием многомиллионных масс строителей нового общества?

Впервые за много лет жители Фрунзе услышат, соприкоснутся к мировым шедеврам. Разве это не говорит о явном отставании пропаганды музыки от растущих эстетических запросов киргизского народа? Вот почему, радуясь предстоящему празднику, мы должны откровенно поговорить о наших недостатках, чтобы получить деловую дружескую помощь от наших гостей — участников декады.

Нам уже доводилось говорить с трибуны третьего Всесоюзного съезда композиторов о плюсах и минусах музыкальной работы в Киргизской республике. Сегодня хочется вкратце напомнить о них.

В последние годы киргизские авторы стали чаще обращаться к темам современности. Безусловно, вырос уровень профессионального мастерства. ... Только за последние шесть лет киргизский оперный театр поставил оперу С. Рязова “Ак-Шумкар”, В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере — “Токтогул”, М. Раухвергера — “Джамиля”, балет К. Молдобасанова и Г. Окунева “Куйручук”, музыкальную комедию А. Аманбаева “Бойдоктор”.

Отрадно, что стали осваиваться сложные симфонические жанры: наряду с четырехчастными сюитами “Воспоминание об аиле” Т. Эрматова, “Праздничная сюита” А. Маддыбаева и М. Абдраева появилась симфоническая поэма молодого А. Джаныбекова, посвященная памяти Героя Советского Союза Д. Шопокова, Первая и Вторая симфонии А. Тулеева.

В Киргизии, ранее не знавшей многоголосного исполнительства, нынче есть своя национальная опера, симфония, кантаты, хоровая инструментальная музыка, массовая песня, а популярность киргизского балета перешагнула границы республики. В последнее время Т. Эрматовым написан ряд фортепианных прелюдий, удачно сочетающих профессиональное мастерство с самобытным национальным колоритом.

И все же по-прежнему нет хороших оперных либретто, продолжают бесплодные споры об использовании в опере народной мелодии. Слабо работают композиторы в области

камерно-инструментального жанра, над созданием детского репертуара для коллективов художественной самодеятельности.

Творческие встречи со слушателями на предприятиях и в колхозах — по-прежнему редкое событие. С многотысячной армией школьной детворы Союз композиторов тоже не имеет нужных контактов. Из рук вон плохо поставлено хоровое воспитание среди молодежи. Совершенно непонятна ликвидация хора Киргосфилармонии. А ведь он являлся единственным профессиональным коллективом, пропагандировавшим хоровое искусство в районах и колхозах.

Управление по делам искусств Министерства культуры не в силах удовлетворить многочисленные заявки на квалифицированных руководителей. Оставляет желать лучшего и подготовка учительских кадров. Киргизский женский педагогический институт имени В. Маяковского готовит их до сих пор по так называемому «широкому профилю», явно не оправдывающему себя.

До сих пор в республике негде печатать ноты. Нет нужды говорить, как это сказывается на пропаганде советского музыкального творчества, издании репертуарных сборников, нот и учебных пособий для музыкальных и общеобразовательных школ.

Единственное музыкальное училище республики не может охватить и половины желающих получить музыкальное образование, а единственная музыкальная школа в столице не в состоянии удовлетворить и десятой доли растущей потребности в музыкальном воспитании детей.

В республике не издан ни один сборник народного творчества, хотя рукописный фонд Союза композиторов Киргизии имеет немало записанных хороших песен».

М. Абраев, А. Хорват.

А как звучит глас народный? В унисон. Впечатлениями делится народная артистка СССР Сайра Киизбаева.

«Вспоминаю один из дней 1937 года. Страна отмечала 100-летний юбилей А. Пушкина. Тогда я пела “Ворон к ворону летит”, “Старый муж, грозный муж”. Это была моя первая

встреча с русской музыкой. С тех пор я уже не расставалась с ней, училась у нее, черпала силы.

Потом наш театр осуществил постановку “Евгения Онегина” на киргизском языке. Трудная это была работа. Много сил и времени потребовалось, чтобы изучить быт, нравы той эпохи, манеры пушкинских героев. Долго вынашивала я образ русской татьяны и сделала все возможное, чтобы донести до киргизского зрителя этот поэтический, полный красоты образ.

Затем в театре нашли свое воплощение другие русские оперы: «Пиковая дама», “Князь Игорь”, “Борис Годунов”, “Русалка”, трудная опера Чайковского “Опричник”. В концертных залах тоже звучало все больше произведений русских композиторов. И мы, выходцы из народа, не получившие специального музыкального образования, жадно учились, впитывали все их богатство образного языка.

Мы не всегда глубоко вдумываемся в существо великого переворота в духовной жизни киргизов. У нас никогда не было хора, ансамблевого пения, не знали киргизы, что такое трио, квартет, квинтет. Развились у нас они под влиянием русской музыки.

А потом республика сама стала готовить музыкальные кадры, их теперь уже много — квалифицированных, грамотных, с высокой культурой. И у всех один учитель — русская классическая и советская музыка.

Хочется в связи с этим пожелать молодым музыкантам, всем, кто связал свою жизнь с музыкой, постоянно учиться у наших русских братьев, стремиться достичь в своем творчестве таких же высот.

Последняя большая встреча с русскими композиторами была у нас более 20 лет назад. Тогда, в 1941 году, многому научили они нас, многое дали понять, полюбить, познать в искусстве. И мы уверены, что нынешняя встреча будет еще более полезной, значимой для нас, артистов Киргизии».

Пресса — мощный «толкач»

Решив две задачи — создание музыкальной кафедры и ансамбля аккордеонисток, отец тут же выдвигает следующую

— подготовка кадров, методика подготовки учителей музыки, кардинальное обновление учебных планов и всей музыкально-образовательной системы.

Используя визит во Фрунзе бывших коллег по Ташкентской консерватории, советских композиторов, в частности, Дмитрия Шостаковича, проводит с ними целевые встречи, делится соображениями, планами.

Завязывается интересный диалог, в ходе которого высвечиваются новые творческие задачи. В частности, исключительное значение придается вопросам воспитания коммунистической сознательности трудящихся. Более чем когда-либо художники становятся участниками истории, воспитателями сознания нового человека, а советское искусство — голосом народа. Еще одна характерная примета этого времени — широкое общение различных национальных музыкальных культур. Очень важной формой этого общения и стали декады национального искусства, проводимые как в республиках, так и в Москве. По словам композиторов, декада вновь подтвердила, что в стране нет изолированных культур, что в Союзе общими усилиями создается единая советская музыкальная культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

То были важные диалоги. И поскольку они ни на сантиметр не расходятся с тем, что предлагает Хорват, поддерживаются музыкантами по всем пунктам. В ходе жарких дискуссий вырабатываются предложения, которые должны будут прозвучать во время встреч с высшим музыкальным и партийным руководством Киргизии, — в виде «подсказки».

Но сначала гостей вовлекли в обширную культурную программу — поездки по окрестностям. Гости удивляются бездорожью. Шостакович спрашивает, куда идти и где дорога. Удивляется ответу — по траве. — Как же можно идти по такому прекрасному ковру?

Ковер действительно, прекрасен — вдоль горных хребтов с белыми шапками, поля алых маков. Гости восхищаются природой, горами, Иссык-Кулем.

Потом проходят деловые встречи. Первый секретарь ЦК компартии Киргизии Турдакун Усубалиев устраивает для участников декады аудиенцию. Идет разговор о развитии куль-

туры в республике, каждая сторона излагает свое видение.

Шостакович выполняет параллельную миссию — занимается поиском юных дарований из простого населения, нуждающихся в учебе на уровне, которого Киргизия пока не достигла. На встречу с композитором приглашается Алтынбек Джаныбеков — музыкально одаренный ребенок, чьи произведения мэтр слышал и оценил по достоинству. Паренек приглашен на учебу в Москву, его учителем становится Шостакович. Сейчас известный композитор Алтынбек Джаныбеков активно занимается возрождением культурных ценностей в уже Кыргызстане.

Как бы кто не злословил о желании погреться в лучах музыкальных светил «младших братьев», и те, и другие способствовали диффузорному процессу национальных культур, что только обогатило их.

На первый взгляд мой тематический «зигзаг в сторону» продиктован желанием воссоздать ту атмосферу, акцентировать на этом внимание, а также придать большую выпуклость своему повествованию.

Воодушевленный моральной поддержкой, Хорват активно использует самую эффективную трибуну — республиканскую и областную прессу, публикуя цикл острых статей в газетах «Советская Киргизия», «Мугалимдер газетасы», «Комсомолец Киргизии». Материалы взрывают общественность, посыпались отклики, завязалась жаркая дискуссия.

В частности, оживленный обмен мнениями вызвала статья «За чувство прекрасного», опубликованная в газете «Мугалимдер газетасы». Последовали выступления учителей, студентов, работников высшей школы, музыкантов на страницах газет «Советской Киргизии», «Мугалимдер газетасы», «Комсомолец Киргизии», подавших немало ценных предложений, замечаний. Все они были продиктованы заботой о школе, о путях дальнейшего развития и улучшения воспитания подрастающего поколения, заботой о всестороннем развитии личности ребенка, как того требовала новая программа партии.

Для более глубокого изучения этого вопроса Министерство народного образования Киргизской ССР провело совещание.

В нем приняли участие представители учебных заведений, где в настоящее время готовят учителей музыки и пения, композитор Абдраев, главный хормейстер театра оперы и балета С. Юсупов, зав. кафедрой музыки и пения Кирженпединститута А. Хорват, декан музыкально-педагогического факультета Ошского пединститута Д. Лондон, руководители управлений и отделов Министерства народного образования, представители печати.

Обсудив опубликованные материалы в газетах «Мугалимдер газетасы», «Советская Киргизия», «Комсомолец Киргизии», единодушно высказались за необходимость определенной перестройки в подготовке музыкально-педагогических кадров.

Фактически, это было публичное «добро», зеленый свет для практического решения вопросов, поднятых отцом.

Итоги масштабной дискуссии были подведены в прессе.

Языком документов

Газета «Советская Киргизия»

«Давно назрел и требует практического разрешения вопрос о состоянии эстетического воспитания в республике и наряду с ним вопрос о подготовке специалистов для этой работы в педагогических вузах Киргизии.

Тов. Хорват в статье “За чувство прекрасного” совершенно правильно отмечает крайне низкий, не соответствующий требованиям сегодняшнего дня уровень преподавания музыки и пения, и всей системы художественно-воспитательной работы в школах. Причина такого положения, по мнению т. Хорвата, в самой системе подготовки кадров педагогов по этой специальности. С этим нельзя не согласиться. Потребность в кадрах огромная, а готовят эти кадры только Фрунзенское музыкальное училище. Непосредственно для школы, не музыканта, а учителя пения школы не готовили нигде в нашей республике. Поэтому в школах на должности учителей пения зачастую подбираются случайные, не имеющие необходимой подготовки люди. Об одном из таких фактов в заметке “О чем рассказывает дочка”, опубликованной в газете “Советская Киргизия” за 11 ноября и шел разговор.

Индивидуальные занятия с участницами ансамбля аккордеонисток.

Для того, чтобы ликвидировать такое положение, в 1959 году в вузах республики были открыты при педагогических факультетах музыкально-педагогические отделения. Они должны готовить учителя начальной школы с высшим образованием и давать выпускнику вторую специальность — учителя музыки и пения средней школы.

Имеется попытка в одном лице в ходе одного учебного года совместить подготовку учителя общеобразовательных предметов и учителя музыки и пения. Против такой под-

готовки возражает в своей статье т. Хорват. И его точку зрения поддерживают все без исключения участники обсуждения.

Трехлетний опыт работы этих факультетов по ранее утвержденным планам (планам широкого профиля), факты, приведенные авторами статей в ходе обсуждения, материалы проверки педагогического факультета Ошского пединститута, проведенной в 1961—1962 учебном году, замечания по изменению учебного плана кафедры музыки и пения этого же института, позволяют с достаточным основанием сказать, что вопрос этот очень важный, поставлен вполне своевременно.

Студенты, занимающиеся по широкому профилю (методика начального образования и музыка) действительно чрезвычайно перегружены, причем, сам характер занятий зачастую исключает возможность совмещения двух специальностей. Подготовка к семинарским и практическим занятиям, да еще

по большому кругу предметов (арифметика, биология, язык, история и др.) требуют большого количества времени для работы в библиотеке, читальном зале. В это время студент, который к моменту поступления, кроме природных данных, ничего не имеет, должен овладеть хотя бы одним музыкальным инструментом, ибо без этого он не мыслим как школьный работник музыки и пения.

Овладение инструментом требует большого количества времени ежедневных самостоятельных упражнений. Готовясь стать учителем музыки, студент должен изучить многие предметы музыкального цикла. Если же студент сосредоточит свое внимание только на изучении музыкальных дисциплин, он не сможет овладеть методикой начального образования. Следовательно, ныне существующий учебный план по специальности «Учитель начальных классов и музыки» содержит серьезные недостатки, исключающие возможность подготовки полноценного специалиста.

Некоторые товарищи предлагают расширить прием в музыкальное училище, расширить их сеть и т. д. Дело в том, что музыкальных училищ в республике пока еще мало. Но если даже число их увеличится, то они будут выпускать исполнителей, музыкантов-теоретиков, дирижеров хора, но не учителей школы. Учителем музыки и пения должен быть человек, хорошо знающий теорию и историю музыки, знающий методику работы с детьми, в течение всей учебы связанный со школой, и безусловно, владеющий одним из инструментов (фортепиано, баян, скрипка, аккордеон), может, двумя из них. Следовательно, настало время пересмотреть учебные планы.

В свете рекомендаций, принятых на этом совещании, нам кажется целесообразным готовить отдельно учителя по специальности «Музыки и пения» и начального образования. Однако подготовка учителей названных специальностей должна осуществляться на одном факультете, так как учитель начальных классов, в соответствии с планом, изучает элементы музыки. Это очевидно, соответствует взглядам всех участников дискуссии.

При соблюдении этих условий мы ликвидируем перегрузку студентов и создадим возможность подготовить за пять лет учебы в вузе квалифицированного специалиста по музыке для

школ и даже детского сада. Следовательно, музыкальные отделения педагогических факультетов вузов нужно расширять и укреплять».

У. Илебаев, руководитель Управления высших и средних специальных учебных заведений
Министерства народного образования Киргизской ССР.

«Мавр» свободен...

Министерство не бросает слов на ветер и издает приказы, в корне меняющие систему музыкальной подготовки кадров.

Поскольку в момент создания музыкальных отделений их было три — во Фрунзе, Пржевальске и Оше, что привело к распылению и без того небольшого количества имеющихся кадров музыкальных работников, министерство сконцентрировало подготовку специалистов этого профиля в двух местах — Фрунзе и Оше, слив Пржевальское отделение с Ошским, имеющим хорошую материальную базу и более квалифицированных преподавателей. В дальнейшем эти, уже сложившиеся центры развивались и усиливались. Не ожидая первых выпусков музыкального учительства, министерство предлагает институту усовершенствования учителей организовать курсы по повышению квалификации учителей по музыке и пению без отрыва от производства. Получили свои «серьги» и министерство культуры, Учпедгиз и Союз композиторов — безотлагательно решить вопрос о развитии изучения музыки, печатании нот. Такой вот неожиданный поворот в музыкальной культуре случился с подачи «заезжего музыканта». Развитие музыкальной жизни, в частности, на периферии Киргизии получило мощный стимул.

Небывалая энергичность, напористость и бескомпромиссность отца приводят в замешательство оппонентов.

Отдельные «товарищи», «нафаршированные правильной идеологической начинкой», с прохладцей принимают неожиданные реформы. В частности, «друг», приглашенный годом ранее отцом на работу. Как водится, «отблагодарил»: выступил с «программной» речью. Громко — на партсобрании, «напомнив» чиновникам, что недальновидно и даже преступно держать на ключевых постах «неблагонадежных» людей, и уж тем более, давать им «такую волю в действиях».

Отец не был коммунистом, не собирался им становиться, и это был главный козырь против него. Он был «просто» музыкантом и... бывшим лагерником. Которого государство до сих пор не восстановило в правах.

С «коммунистической силой» трудно спорить, можно лишь кресла. Те, кто планировали придавить его тяжеловесным от чинов седалищным нервом надолго, вынуждены были «учесть мнение» и «сделать оргвыводы».

«Сопливая оттепель»

Как не было никакого «ботинка» Хрущева (просто туфель), как не было размашистого стука им по трибуне (негромко о стул, чтобы «вытряхнуть» камешек, как признался сын Никиты Сергеевича иностранным журналистам), так не было и оттепели. Было нечто... «скользящее», скорее даже «сопливое», притом, — с «отступным» налетом. Придумали, испугались и... размазали по стеклу действительности.

Советская история считает начальной точкой «хрущевской оттепели» смерть Сталина в 1953 году. К «оттепели» также относят недолгий период, когда у руководства страны находился Г. Маленков и были закрыты крупные уголовные дела — «Ленинградское дело», «Дело врачей», когда прошла амнистия осужденных за незначительные преступления. С укреплением у власти Хрущева «оттепель» стала ассоциироваться с осуждением культа личности Сталина. На XX съезде КПСС в 1956 году Никита Хрущев произнес речь, в которой подверг критике культ личности Сталина и сталинские репрессии, а во внешней политике СССР был провозглашен курс на «мирное сосуществование» с капиталистическим миром. В целом, новый курс был поддержан в верхах партии, что неудивительно: он соответствовал ее интересам, ведь ранее видным партийным деятелям, попавшим в опалу, приходилось очень бояться за свою жизнь.

Принято акцентировать внимание и на том, что во время десталинизации заметно ослабла цензура, прежде всего в литературе, кино и других видах искусства, где стало возможным более открытое освещение действительности. Главной «базой» сторонников «оттепели» стал литературный журнал «Новый

мир». Некоторые произведения этого периода получили известность и на Западе, в том числе роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» и повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Как они «проскочили», до сих пор непонятно.

Принято также особо подчеркивать, что многие политические заключенные в СССР и странах социалистического лагеря были выпущены на свободу и реабилитированы, большинству народов, депортированных в 1930—1940 годы, было разрешено вернуться на родину.

Упоминает история, но уже довольно скромно, и о том, что период оттепели продлился недолго: с подавлением Венгерского восстания 1956 года проведена четкая граница политики открытости. Этой границей стала хрущевская травля Бориса Пастернака, которому в 1958 году была присуждена Нобелевская премия по литературе. Принято также считать, что окончательным завершением «оттепели» является отстранение Хрущева и приход к руководству Леонида Брежнева в 1964 году.

Критика советской действительности стала распространяться лишь по неофициальным каналам, таким, как Самиздат. Это объясняет, почему отец так и не смог пристроить свою новую рукопись ни в одно издательство.

Свидетели той эпохи, пропущенные через политическую мясорубку, имели собственное мнение, отличное от официального. В том числе и отец.

Оттепель? Да о чем собственно речь? Кто пригрел? Что оттаяло? Куда потекло? Или испарилось? Так, красивый миф...

Как не было масштабности речи Никиты Сергеевича (секретный доклад о развенчивании культа личности Сталина и его последствиях — только на закрытом заседании XX съезда КПСС), так не было веры в ее бескорыстную разоблачительность (рамки «порицания» больно узки).

Зашифрованная, секретными депешами доставленная в самые дальние «партуголки» страны, они долго еще оставалась «тайной» для широкой общественности, пока многие годы спустя «Известия» вынуждены были опубликовать (и опять неполный) текст, давным-давно ставший достоянием гласности за рубежом. До той поры общество вынуждено было доволь-

ствоваться обедами с политического стола в виде постановляющей части.

И еще один «нюанс», мешающий поверить в «покаяние», — реабилитационные процессы, казалось, были придуманы только для высшего политического эшелона, тогда как миллионы пострадавших простых граждан остались в тени.

Полуизобличение, с многоточием вместо полагающегося в таких случаях обвинительного заключения с приговором.

Блюсти честь «идеологического цеха» — традиция с глубокими корнями. Мотивы просты: отдашь на съедение «короля», потянется ниточка к другим фигурам, а там и до самого обличителя недолго добраться. Самоубийц в политическом бомонде страны не наблюдалось.

Поэтому кампания по реабилитации бывших политзаключенных быстро превратилась в паровоз со ржавыми колесами, которому пришлось скрипеть с длительными остановками вплоть до миллениума.

Справка

1954—1961 гг. — за отсутствием состава преступления реабилитированы 737 182 человека.

В 1962—1983 гг. — 157 055 человек.

Процесс реабилитации был возобновлен в конце 1980-х гг. при М. Горбачеве.

1988—1989 гг. реабилитировано 844 740 человек.

Отец, с его чутьем, «отполированным» каторгой, смотрит на происходящее как на спектакль — очередной акт большого политического действия: с размалеванными актерами, лихо закрученным сюжетом, отвратительным декорационным и музыкальным оформлением.

Но зрители внимают — в первых рядах, и на галерке. С замираньем сердца (как и члены того закрытого заседания) вслушиваются в реплики «актеров», реагируют сообразно реакции «впередисидящих» — поеживаются, елозят по стулу, утирают потный лоб, оглядываются по сторонам, кивают. И в нужные моменты дружно аплодируют таланту лицедеев.

*Нашим дням суждено миг за мигом пройти —
Веселись, наслаждайся и зря не грусти!
Драгоценнее жизни — сама только жизнь,
Как ее проживешь ты — так ей и пройти.*

Омар Хайям

(перевод Валерия Ярмака).

Часть 7. НИ ИЗВИНЕНИЙ, НИ РЕВАНША (1966—1970 гг.)

Первая пластинка

Мы живем в Ленинабаде.

Справка

Худжанд (др.греч. Александрия Эсхата, Ходжент, Ленинабад) — крупнейший индустриально-промышленный и культурный центр Северного Таджикистана, административный центр Согдийской области. Второй по значимости город Таджикистана.

Население 149 тыс. жителей (2007 г.)

Один из древнейших городов Центральной Азии: в конце 80-х исполнилось 2500 лет. Через него проходил «великий шелковый путь», связывающий Древнюю Грецию, Рим, Малую Азию и Египет с Китаем, Персией и Индией. Родина и место деятельности известных астрономов, математиков, врачей, историков, поэтов, музыкантов. В городе сохранились остатки стен IV века до нашей эры, возведенных войском Александра Македонского.

На третьем этаже в однокомнатной квартире на улице МОПР (позже ее переименовали в Лермонтова). Учусь в школе по соседству. Отец работает в музучилище. Печатается в областной газете «Ленинабадская правда».

Комната полупуста. Как и в Оше, мой угол огражден от родительского громоздким шкафом, капитально сработанным плотником-немцем со второго этажа. Главная «достопримечательность», не считая набитого книжного шкафа (от того же мастера) — новенький проигрыватель. Технический прогресс наконец-то добирается и до нашей семьи.

Кружит свой хоровод первая виниловая пластинка, которую отец прикупил вместе с «музыкальным ящиком». Лирическая «Гуцулочка», юмористическая «На птицефабрике», «Парижское танго». Я в восторге, эксплуатирую проигрыватель до запаха разогретой пластмассы. Отец радуется за меня.

Фоно у нас нет — не по карману: отец занимается в училище, я все еще числюсь в «определяющихся», то есть не пристроенной в музыкалку. Постоянные переезды сбили мой образовательный график, лишив возможности получать наравне со сверстниками базовые знания на регулярной основе. Я, «замотанный» по городам и весям ребенок, на год позже определена в школу, и будучи старше всех на год с хвостиком, чувствую себя дискомфортно.

Реабилитация, 1966 год

Девять лет. Большая девочка. Разве нет? «Познакомилась» тайком от родителей с Уленшпигелем, мистером и миссис Эллиот с озера Мичиган Хэмингуэя, другой недетской литературой. Вроде что-то дошло и осело, хотя, скорее, на эмоциональном, а не разумном уровне. Но совсем не понимаю, отчего после визита вежливого мужчины в строгом костюме и холодными глазами отец с полчаса сидит за столом, тупо уставившись в какие-то бумажки. Заторможенно берет стакан с недопитым вином, морщится и вдруг резко запускает его в стену. Грохается картина «Золотая осень» Исаака Левитана. Веером блеснули «брызги кварца».

УССР
 Общественно-педагогический институт консерватории
 Ташкентская Государственная консерватория
 10. IX 1947 г.
 г. Ташкент, Ишимская, 21
 тел. 36 35274

СПРАВКА

Дана т. Хорват А.А. в том, что он действительно работал в качестве зам. директора по учебной части Ташкентской Государственной консерватории с 1-го сентября 1936 г. по апрель месяц 1938 года.

Ректор Ташкентской Гос. консерватории *Уммурадзе*
 зав. архивом *Хайрулов*
ТЗК *Желищев*

Копия.

СПРАВКА

А.А. Хорват
зам. дир.
Института
искусствознания
21/XI 1947
85/21

Дана тов. ХОРВАТ Александру Александровичу в том, что он действительно работал в Институте искусствознания с 1-й половины 1932 года по июль месяц 1937 года в качестве заместителя директора по научной части.

Основание: Письменное подтверждение трех бывших директоров Института (г.г. Рахманова Х.Р. Акбарова И.А. и Бочкарева А.М.) и заявление т. Хорвата А.А.

Директор института- *Кароматов / Ф.М.*
 Секретарь- *Домандона / В.А.*
М.П. неч. акт

Справки, подтверждающие работу отца в Ташкентской консерватории и институте искусствознания.

МОП РСФСР

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

№ АВ-261

14. мая 1968 г.

№ Х-26:

гор. Магадан

Таджикская ССР, г. Ленинабад, ул. МОПР,
дом № 57^а, кв. № 8.

СПРАВКА

Дана гражданину (ке) ХОРВАТ Александру
Александровичу, 1 904 г. рождения,
уроженцу (ке) г. Ура-Тюбе, Таджикской ССР
в том, что он (она), будучи осужденным (ой) « 5 » февраля 1940 года,
находился (лась) в местах заключения МВД с « 29 » апреля 1938 года
по « 22 » сентября 1946 года.

Время нахождения в местах заключения засчитывается в общий трудовой стаж и в стаж работы по специальности только по предъявлении документа о реабилитации.

На основании разъяснения Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы за № 26 от 14 августа 1957 года время нахождения в местах заключения по выбору реабилитированного может быть приравнено либо к работе, которая предшествовала аресту, либо к работе, которая следовала за освобождением из мест заключения в период с 24 апреля 1940 года по 22 сентября 1946 года гр. ХОРВАТ А.А. находился в местах заключения в районах Крайнего Севера на территории Магаданской области и Якутской АССР в Дальстрое МВД.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ П/Я АВ-261
/КУРАВЛЕВ/

Шушину

Первая справка о том, что с апреля 1938 г. по 22 сентября 1946 г. отец находился в местах заключения в районах Крайнего Севера на территории Магаданской области и Якутской АССР.

— Осколки вдребезги разбитого счастья, — говорит отец и идет за веником.

Светлая грусть увядания природы аккуратно собрана в совок и выброшена в ведро.

Так папка «отпраздновал» получение справки о реабилитации, которую подчеркнуто вежливый сотрудник органов вручил без комментариев. Без полагающегося в таких случаях извинения от имени государства. Или — не полагающегося?

Всматриваюсь опять и опять в бумажки: «Дана в том, что уголовное дело по обвинению... пересмотрено и определением судебной коллегии... отменено и дело производством прекращено за недоказанностью (на второй справке — за необоснованностью) предъявленного обвинения, т. е. Хорват реабилитирован... Первый заместитель председателя Версуда УзССР М. Биркин, гербовая печать».

Из-за отсутствия этого «клочка», недостаточного даже для... отец подвергался унижениям, где бы ни жил-работал? И этот «клочок бумаги», недостаточный даже для... дарует ему «прощение»? И этот вот «клочок» делает его «полноценным» гражданином, восстановленным во всех правах?

Бумажка ценою в жизнь...

Сукины дети!

...

Через какое-то время приходит весточка из Ташкента: сын делится своим фотоснимком и просит выслать справку о реабилитации, без которой коммунистическая партия помашет ручкой желающему в нее вступить.

Через пару лет, в 1968 году в письме с обратным адресом «Почтовый ящик АВ-261, Магадан» некий Журавлев лаконично растолкует отцу его права: время нахождения в местах заключения засчитывается в стаж работы по специальности.

Какими льготами пользуется «лицо, необоснованно привлеченное к уголовной ответственности и затем реабилитированное («оно» — вона как! Точно — ... дети!), объяснит в 1981 году уже юрист. «Реабилитированным лицам, отбывшим наказание в местах заключения или в ссылке, выплачивается двухмесячная заработная плата по прежнему месту работы и предоставляются жилищные и другие льготы».

Так вот, по мнению страны, сколько стоят северные и последующие мучения «сына Отечества» — менее двух сотен затертых бумажек...

Жилищные «льготы» — квартиру — отец добывал своим горбом.

Что означает «и другие льготы» — расшифровать никто не смог.

Что называется, всем спасибо, все свободны...

Но мама невзирая ни на что, радуется:

— Сашенька, наконец-то ты дождался справедливости...

У нее свои интересы: по стуку в батарею собирает в кучку тетради, исписанные молитвами и спешит к подружке этажом ниже — воздавать хвалу господу. Отец морщится — все моли-тесь, — но не препятствует.

Бедная мама: добрый, отзывчивый, наивный человек, так и не сумевший обрести себя, избавиться от вечного страха, научившийся довольствоваться малым...

Атеист

Меня окрестили в младенчестве. Так решила мама.

— Саша, нет имени Новита ни в одном списке, — сказала, вернувшись из церкви со мной на руках. — Батюшка даже возмутился: «Да что же вы дочь-то свою так обозвали?» Предложил окрестить Викторией. (Как сейчас понимаю, батюшка сам «плавал»: Виктория — скорее католическое, нежели православное имя).

Но это не было решение отца — закоренелого атеиста. Он возмущен самовольным поступком жены. Он вспылал:

— Бейтесь лбом об пол со своим попом, зовите, как хотите, а для меня она Витка, и все.

Хорват не любит ни людей в рясах, ни тех, кто толпами спешит в храм — прилюдно демонстрировать свою преданность господу. Не любит старушек, подающих запотевшие кармелюшки чужим за чье-то здравие, но травящих жизнь своим ближним, не любит длинноволосых семинаристов, бородатых батюшек, не уважает дамочек, выгодно разместивших золотые распятия на пухлой груди, презирает «светских», бегающих тайком на исповеди и прячущих крестики за высоким воро-

том. Для него они лицемеры, которые думают одно, говорят другое, делают третье.

— У каждого в душе должен быть свой бог, свои десять заповедей, — говорит отец. — Не надо бить поклоны, нагружать себя обрядами, выставлять напоказ свои чувства, чтобы их исполнять. Я убежденный атеист.

— Да? А почему? — интересуюсь я.

— Проследи за моей мыслью... Если бог милосерден, справедлив и всемогущ, как утверждается, отчего же в мире так мало милосердия, справедливости и много слез? Если он все может, отчего не отменит торжество такого порядка? Не хочет? Значит не милосерден. Не может? Значит не всемогущ.

Мама плюется:

— Богохульник! Дочь хоть с толку не сбивай! Тебя и так бог наказал, а ей еще жить и жить!

Окончательно и бесповоротно от религии (в той форме, в какой она внедряется в массы) меня отвратили примеры из жизни. Мальчик-семинарист (сынок подруги маминой) весь из себя «намоленный» при ближайшем рассмотрении оказывается мерзким мальчишкой, способным на реальную и осознанную пакость — тихую, тем и страшную. Он и в «духовность»-то «рванул», чтобы армейские казармы избежать. Из таких вырастают батюшки, с рясой, благообразной бородой, и такими же проповедями. К таким будут сбегаться старушки, к ним же стогнать своих внучат, поставлять и множить паству — для «ради наставления на путь истинный».

Лет до десяти меня допекают мамины подруги-богомолки: пытаются тащить в церковь по любому мало-мальскому поводу, едва упомянутому в церковных календарях, заставляют учить молитвы и вслух читать — Библию, Евангелие, Новый и Ветхий завет.

Преимущественно на церковнославянском. Вы знаете, что такое церковнославянский? Пытка. После первых же абзацев слушательниц настигает тихое блаженство, меня — глухое раздражение. А потом и вовсе страх: укладываясь спать, скорее подтягиваю ноги на койку, боясь, что кто-то схватит за пятки и потащит: перед глазами стоит картинка ада — в пламени корчатся грешники...

Впервые вижу отца не на шутку разгневанным : он узнал, что мама заставляет меня молиться, наказывает за непослушание. Я ведь упорно продолжаю «сопротивляться», поэтому «меры воздействия» чередуются: ивовые прутья из парка, полчасовое стояние в углу — лицом к стене. До стояния на горохе на коленях, которым мать тоже страдала, не дошло. Увидав меня, зареванную, и узнав про «религиозные уроки», отец пришел в бешенство:

— Если ты еще раз притронешься к дочери...

Мать отступилась.

Я вздохнула свободно, мир стал казаться не таким уж и мрачным. Но отвращение к насильственным методам обращения в веру и брезгливость от показушной елейности, двуличности молящихся остались на всю жизнь. Молящихся много, истинно верующих мало.

Для отца главной «молитвой» всегда была только эта: «На бога надейся, а ишака привязывай». Ну, и поговорка — благими намерениями выложена дорога в ад...

По-моему, не такая уж ересь для человека, ставшего «жертвой несправедливости», допущенной небом.

Серебряный крестик на моей шее появится через 40 лет — перед серьезной операцией. Для меня он станет символом не рисованного, «внутреннего бога», что в различных источниках именуется Абсолютом, Космическим или Высшим разумом.

Который, к сожалению, также «допускает» и «не справляется».

Поздно...

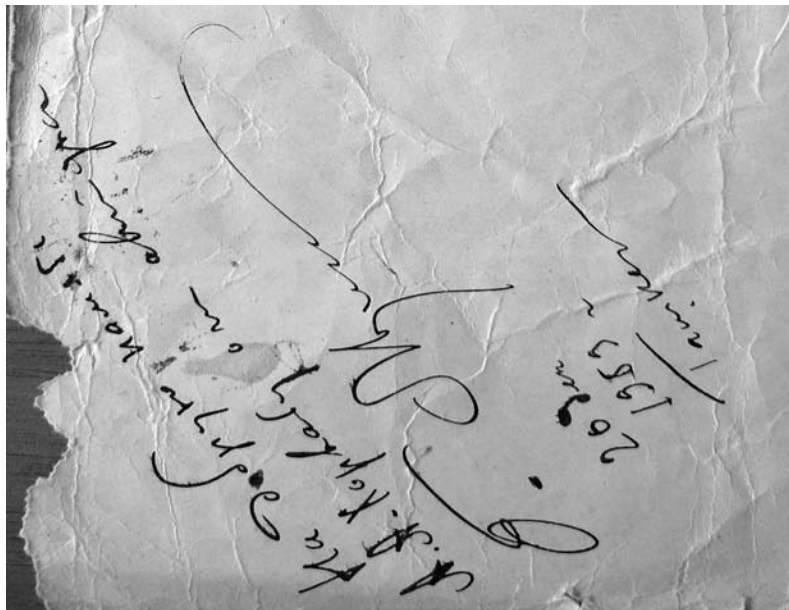
Нежданно-негаданно друзья молодости предлагают отцу вернуться в Ташкент.

Уговаривают восстановиться в музыкальном вузе. Отец колеблется между желанием увидеть сына, друзей и выдержать данное в сердцах обещание «в Ташкент больше ни ногой!»

Между ними клином — безразличие к карьере.

Взрывной характер? Есть. Резкость суждений? Не отвертись. Но не карьеризм. Чего нет, того нет.

Вернуться в Ташкент? В консерваторию? Как можно: там не ждут, там давно забыли, а если и помнят, то как давно это было, да и было ли... Правда ли, что помнят?

Дарственная надпись Г. Мушеля.

Титульный лист к музыкальной драме «Фархад и Ширин» композитора и друга отца Георгия Мушеля.

Правда, правда! Помнят и до сих пор очень тепло отзываются.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Т. Хорвата Александра Александровича знаем с тридцатых годов как квалифицированного музыканта, активного общественника, энергичного организатора, много сделавшего для развития музыкальной культуры Узбекской республики.

В своей работе как педагог, лектор, музыкальный журналист А.А. Хорват сочетал постоянное участие во всех музыкальных мероприятиях республики в качестве члена Союза композиторов, музыкального инспектора Главискусства Наркомпроса УзССР, зав. музыкальным отделом Комитета по делам искусств при СНК Узбекской республики.

Т. Хорват А.А. явился одним из основателей научно-исследовательского института искусствознания, где работал заместителем директора по научной части и Ташкентской Государственной консерватории, являясь одним из ее организаторов и руководителей.

Инициативный и энергичный специалист, отзывчивый и чуткий человек, деловой и требовательный товарищ по музыкальной работе среди многих учебных коллективов, возглавляемых им, А.А. Хорват во многом способствовал делу воспитания музыкальных кадров и общему развитию музыкальной культуры Узбекской республики.

Действительно, помнят...

Вот и подписи: композитор Георгий Мушель — Заслуженный деятель искусств УзССР, Р.Е. Хубларов — и. о. доцента консерватории (кафедра дирижирования), К.М. Успенская — Заслуженный учитель УзССР, доцент, А. Лисовский — Заслуженный....., профессор, О.С. Поликарпова — Заслуженный учитель УзССР, и. о. доцента. ... Зав. кафедрой, ... заслуженный деятель искусств УзССР, ... и. о. профессора, Народный артист СССР...

Действительно, правда. Как и то, что все они давно — «Уже».

ХАРАКТЕРИСТИКА

Т.Хорват Александра Александровича знаем с тридцатых годов как квалифицированного музыканта, активного общественного, энергичного организатора, много сделавшего для развития музыкальной культуры Узбекской республики.

В своей работе как педагог, лектор, музыкальный журналист А.А.Хорват сочетал постоянное участие во всех музыкальных мероприятиях республики в качестве члена Союза композиторов, музыкального инспектора Главискусства Наркомпроса УзССР, зав. музыкальным отделом Комитета по делам искусств при СНК Узбекской республики.

Т.Хорват А.А. явился одним из основателей н/и инсти-
тута по н/уч. части и Ташкентской Государственной консерватории, являясь одним из ее организаторов и руководителей.

Инициативный и энергичный специалист, отзывчивый и чуткий человек, деловой и требовательный товарищ по музыкальной работе среди многих учебных коллективов, возглавлявшихся им. А.А.Хорват во многом способствовал делу воспитания музыкальных кадров и общему развитию музыкальной культуры Узбекской республики.

*Заслуженный деятель искусств УзССР
композитор - Ф. Мушкетер / Г. Мушкетер*

*Портрет Мушкетера Г.А. устроил Веряно
Зав. кафедр. Кеминова*

10/1x64,

Характеристика на А. Хорвата
от профессорско-преподавательского состава
Ташкентской консерватории.

Как и то, что Александр Александрович Хорват «застрял» в «еще».

Педагог, внештатный корреспондент. И, в общем-то, новоиспеченный пенсионер.

В 60 лет жизнь заново не начинают. Вот и отец не стал.

В Ташкент — ни ногой!

И все же в глубине души он жаждет духовного воссоединения с сыном. Может и с этим тоже связано решение перебраться в Ангрэн, что в считанных километрах от столицы Узбекистана.

Но судьба с завидной последовательностью не благоволит. Предпринятые попытки не приносят долгожданного душевного спокойствия.

С братом я познакомилась в 12 лет, и с непривычки, что у меня может быть кто-то еще, кроме родителей, не могу сказать ему «ты», тщательно избегая местоимений. Дают о себе знать более чем двадцатилетняя разница в возрасте, фактор неожиданности. И разница во взглядах на жизнь, которую я интуитивно, по внешним формальным признакам, сразу определила как разницу социального положения, воспитания. Которую, как мне тогда казалось, брат не спешил стирать.

А вот на укрепление «гранниц» сыграл факт моего обыска. Бабушка (уж не помню, чья именно мать — брата или его супруги), у которой в комнате была «подселенкой», дня через три моего гостевания сказала без обиняков:

— Покажи свой чемодан.

Обомлев от первого подобного опыта, спрашиваю:

*Мой брат Владимир Хорват
в юношестве.*

— Зачем?

— Посмотрю. Ты живешь у нас, имею право.

Посмотрела: платье, щетка зубная, полотенце, книжка, альбом для рисования, запасные сандалии. Чемодан возвращаю под «свою» койку с ощущением, что он набит кирпичами. А в душе наоборот — чего-то меньше стало...

Интеллигенты социалистического формата: оба — кандидаты (брат — геологических, его супруга Галина Николаевна — медицинских наук), ковры, хрусталь, собака, внимательная дань этикету. Милые люди. У меня какие-то проблемы со здоровьем, чтобы выяснить, с чем именно, Галина Николаевна «по благу» определяет меня в клинику института исследования крови. Услышав предварительный диагноз — белокровие, отец обомлел. Переживания оказались напрасными: после череды анализов врачи вносят поправки — малокровие. Фи, от этого не умирают, говорю я себе и пока отец решает свои вопросы, вовсю отдыхаю.

С племянницей Ланой, почти моей ровесницей сразу находим общий язык: гуляем, смотрим книжки, рисуем, сочиняем юмористические стишки и рассказы.

Самое яркое впечатление ташкентского периода — посещение огромного «Детского мира» и фильм в летнем кинотеатре «Пусть говорят». Знаете, как это бывает: впечатаются в память определенные сюжеты, и не объяснишь, почему. Вот так и песня из цветного широкоформатного фильма в исполнении Рафаэля вселилась в меня навечно:

Когда глаза черной прядью волос
ночь планете закроет,
Свет фонарей, темперамент и шум
городской успокоит,
Я, забыв о заботах, делах,
с милой выйду из дома,
И мы пойдем с ней бесцельно бродить
сетью улиц знакомых...

Любовь (хотя на самом деле круче — любовный треугольник, драма) в красках, пластике и музыке, красивые герои, осо-

бенные взгляды, цветы, трудный выбор, расставания, слезы — сердце какой 12-летней девчонки все это не заденет?

И еще одна вещь запала навсегда — нелепая на первый взгляд, считалка, которая с каждым годом становится мне все дороже (как символ безмятежной поры), использованная в жизни только однажды.

Считалка с секретом: слова произносятся, а на спине (в данном случае племянницы или моей) руки «рисуют» суть.

Рельсы-рельсы (двумя пальцами руки по спине сверху вниз пару раз)

Шпалы-шпалы (то же — поперек)

Шел стилиага, тру-ля-ля (пальцы весело «бегут»)

Ехал поезд (ладонь «едет» по спине)

Сбил стилиагу (хлоп!)

Образовалась яма (рисуеться круг)

Туда насыпали зерна (точки, точки, точки)

Прилетели птички — стали клевать (тук-тук-тук по спине кончиком пальца)

Пришел охотник — стал их убивать (бах-бах-бах по спине)

Прошли гигантские шаги (размеренно кулачком)

Протопали медведи (то же, чуть легче)

Прошел директор магазина (пальцы легко «семят»)

Все стер (стирается со спины ладонью)

И стал писать письмо:

Пришлите (пишется по слогам)

моей дочке (по слогам, потом неожиданно с двух сторон «щечотки» в бока)

английские (то же самое)

чудочки.

Поставил три точки (тык-тык-тык по спине).

Обмакнул (ладонь на спину)

Завернул (комкается кофточка)

И положил в почтовый ящик (руку с «письмом» за шиворот!)

Глупо, правда? Но мы с Ланой заливаемся смехом. Счастливое детство...

...

Это мне весело. Отцу — не очень. Духовного единения с сыном не случилось.

Брат провожает нас, обнимает по очереди. Вручает гвоздики:

— Отец, будь спокоен, не брошу сестренку.

Второй визит к родственникам состоялся, когда мне было уже лет 17 и я собиралась поступать в Ташкентское музучилище. Общежитие еще не отремонтировано, на вопрос отца к сыну «Может Витка у тебя поживет месяц?» прозвучало: «Я так и знал, что этим закончится...»

Тут уж и мне стало грустно. А потом и обидно за отца. Его тайная мечта — повидаться на старости лет с Ольгой не сбылась: через общих знакомых та передала, что не желает принимать Хорвата, а вот с дочерью его очень даже хочет познакомиться.

У нас с отцом первая в жизни происходит крупная ссора. С каким-то яростным подростковым максимализмом рублю правду-матку:

— Неужели ты не видишь, что тебя здесь стесняются, не хотят?

И в знак протеста от брата перебираюсь к подруге, которая когда-то жила в Ангрене. Через несколько дней мы, не разговаривая, возвращаемся домой.

Больше в Ташкенте отцовской ноги действительно не было. Последний раз сын увидал отца на его похоронах.

Ангрен. До 1970 г.

Справка

Центр угольной промышленности Узбекистана. Образован в 1946 году на базе поселков, выросших в связи с разработками угля в Ангренском угольном бассейне. Расположен в левобережной части долины Ангрена и состоит из нескольких разоб-
щенных частей. Через город про-

Горы Ангрена.

ходит автомагистраль Ташкент — Коканд. 94 тыс. жителей (1969 г.)

Шахтерский городок полюбился сразу: компактный, уютный, солнечный. Папка трудится в музыкальной школе на полторы ставки, поэтому, неудивительно, что пропадает на работе допоздна.

Двухэтажное здание старого типа внешне малопривлекательно. Но я давно научилась ценить то, что внутри, а «внутренности» музыкалки — целое царство. Мне нравятся «переголосица» между классами — как на шумном первомайском параде — гаммы, марши, арпеджио, вальсы, сонаты, этюды. Чувствую себя в родной стихии. Знакомые с малолетства портреты композиторов кажутся родными, смычковые, клавишные, духовые инструменты, пюпитры, — тоже. Поглаживаю по очереди белые и черные клавиши фоно, гладкие бока корпуса. Наклоняюсь, пытаюсь сосчитать количество прожилок, светящихся искринок в светлом дереве под лаком.

Очень надеюсь попасть именно в класс отца. Разочарована, обижена, если не сказать — оскорблена, когда он объявляет свое решение:

- Будешь заниматься у другого педагога.
- Пап, пап... Но почему?
- Ты пойми: негоже дочери учиться у отца.

Он всегда был щепетилен в подобного рода вопросах, стараясь оградить меня от возможных упреков в необъективной

Ангрен в начале 70-х.

оценке моих музыкальных способностей — по принципу одной крови. Что делать... Без удовольствия соглашаюсь на такой вариант. Но из школы почти всегда возвращаемся вместе.

Несколько кварталов шагаем пешком по заснеженному городу (в иные зимы Ангрэн засыпает больше чем на полметра). Дорога знакома каждым углом и поворотом: центральная улица — широкая, с кинотеатром, новым кафе, гостиницей. Первый перекресток оживленный — обязательно заходим в гастроном, прикупаем продукты. Далее двухэтажные домики, череда продуктовых магазинов, базарчик, второй перекресток (менее оживленный), еще один и мы в родном микрорайоне.

Б/П

Нам повезло попасть в новостройку: сплошные четырехэтажки — по тем временам небывалый шик. Отцу дали жилье на работе? Как бы не так: счастливыми новоселами становились преимущественно «первые» лица, их приближенные, — «нужные» люди. Отец не принадлежит ни к одной из категорий, хоть и числится среди «передовиков музыкального производства». Он «даже» не партийный. И это тоже его выбор, сознательный выбор. Принципиальность дорого стоит: брезгливость к «хлебной карточке» закрывает доступ ко всем благам, в том числе, к карьере и регалиям.

Впрочем, насчет звания я погорячилась: оно, присвоенное в 38-м, невзирая на «милостивую» бумажку, сохраняется, что очень даже видно по поведению окружающих отца людей. Народ в общей своей массе предпочитает оставаться непросвященным, либо зная, придерживаться общепринятой точки зрения — значит, что-

Ангрэн. Недалеко от нашего микрорайона.(angren.info).

то было... Это как в анекдоте: неважно, его испачкали, он испачкал — костюм потерял белоснежность...

Сажаем деревья

Наша новая квартира — плод сложного обмена: однокомнатной ленинабадской на Лермонтова, плюс доплата. Папкина перегруженность (а это зарплата и настройки) помогают быстро выплатить доплату и мы с удовольствием обживаем «двушку» — первое в нашей жизни просторное жилье, вдобавок — со всеми удобствами.

Для меня самое большое счастье — огромные окна. В одном просматривается огромный двор, в другом — моя школа.

Для отца самая большая радость — «двойная» веранда, которую он спешит «благоустроить» — ставит батареи, раму, стеклит, и два клочка земли — под окнами спальни, и под верандой. А мама радуется... нашей радости.

Первый этаж — все на виду, удобно. Отец, всегда мечтавший хоть о каком-нибудь садике-огорожке, с энтузиазмом начинает возделывать землю. Весной, в выходные, повязывает на голову фирменный носовой платок с узелками, берет кирку, лопату, ведро, мне поручает саженцы, и мыдвигаем «на огород».

В результате семейных субботников под окнами веранды появилось три каштана, тополек, грядка с цветами, укропом-петрушкой, «садик» «очерчен» красиво подобранными камнями среднего размера (вместо изгороди). За землей под окнами спальни сложнее усмотреть — школьники постоянно разоряют

Ангрен. Мама, я и папа. За спиной наша веранда, за домом была моя школа.

рядки, и мы ограничиваемся посадкой пары пирамидальных тополей. Удивительно, но их не тронул ни один пацан. Отец понемногу «оттаивает».

Школа, «тайные» книжки, Штирлиц

Дома продолжают музыкальные занятия, очень скоро сдаю вступительный экзамен, потом следом еще два — уже экстерном. Из-за вечных переездов к официальным занятиям в музыкалке приступила гораздо позже своих сверстников. За три года догнала ребят и уже не чувствую себя в классе «переростком».

В образовательной школе все сложилось отлично: повезло попасть в экспериментальный английский класс. Я на седьмом небе от счастья: память все схватывает на лету, ответы рождаются быстрее, чем учительница успевает сформулировать вопрос. Меня всячески поощряют на общешкольных линейках, прочат «английское» будущее.

Но кроме музыки и английского у меня еще куча интересных дел. Как только родители вместе с гостями выходят за порог,

*Ангрен. Музыкальная школа. Комиссия по приему экзаменов.
Отец с коллегами.*

В этот кинотеатр «Строитель» часто ходили на новые фильмы.

я спешу к книжной полке — ищу то, о чем только что говорили. Гости у нас бывали частенько, говорили горячо и подолгу.

Большую часть мои «молочные мозги» переварить не в состоянии, но упорно лезу и лезу на полку. Вот он, журнальный вариант «Барельефа на скале» Андрея Алдан-Семенова. Листаю убористый текст, с оглядками на входную дверь — не пришли ли родители?

Как только раздаются шаги, спешу «замести следы».

Мой литературный «шмон» обнаруживается по нарушенному порядку книг и журналов. Родители перепрятывают томики в другое место. Но я быстро обнаруживаю «тайник».

Ловлюсь с поличным на «Бабьем яре» Анатолия Кузнецова. К моему удивлению, «проступок» не наказывается. Отец внимательно смотрит на меня, прикурив папиросу, просит принести «Бабий яр», интересуется, сколько прочитала, интересно ли и что поняла. Интересно — не то слово, которое может передать мои чувства: на страницах, где на краю карьера звучало смертельное «та-та-та-та» из автоматов, я застывала, а потом плакала. Под «та-та-та-та» попадали матери, отцы, старики, дети. Почему, мне объясняет уже отец.

*Ангрен. Школа, где я училась.
В окна моего класса можно было увидеть наш дом.*

Прозвав Штирлицем, разрешает стать легальным книгочерем. Правда, при условии: не совать нос в то, до чего действительно не доросла. Меня такой договор вполне устраивает. Информационное поле стремительно расширяется. Одно плохо: новыми знаниями невозможно поделиться с приятелями, даже подружкой — Танькой Поречиной. Это тоже условие отца.

*Ангрен. Улица Чикрызова —
главная и самая красивая
в городе в те годы.*

«17 мгновений весны», предлагаю Таньке играть «в разведчиков». Делаю твердые корочки-удостоверения, каллиграфически вывожу «должность» (из фильма), фамилии (наши), вклеиваю фотки (наши!), даже «гербовую печать» изображаю. Ну и ходим мы с Танькой теперь не в магазин-кино-рынок, а на явки, шепчем «пароль», обсуждаем «план операций» и другую чушь.

До того увлеклись, что мальчишки, с которыми прежде играли в войнушки, нас напрочь потеряли и объявили дворовый розыск. Выследили за домом, «арестовали», стали «допрашивать». Умора, конечно, но как

*Новоангренская ГРЭС.
Как часто мы проезжали мимо...*

начала бредить следовательской карьерой.

Ну и ладно. По выходным пропитываюсь литературой, о существовании которой мои сверстники даже не подозревают (если, конечно они тоже не дети «врагов народа»), в будни скрупулезно изучаю научно-популярный альманах «Эврика».

А в отведенный час отдыха во дворе становлюсь... «штурмбанфюрером СС». Насмотревшись

*Ангрен. Центр города. Здесь мы
постоянно гуляли с отцом.*

только узнали о нашем «тайном деле», тут же с горящими глазами изъявили желание присоединиться. Когда число владельцев «корочек» достигло семи, игру пришлось прекратить: мои родители обнаружили потертое «удостоверение», впали в ступор и мне (после бурных объяснений) пришлось поставить точку на карьере «разведчика». А жаль. В те годы я

Омар Хайям

— Может полиглотом станешь? — шутит отец.

Мне не очень нравится слово, из-за которого что-то придется «глотать», к тому же, следователем интереснее, но киваю:

— Может.

Папка кое-что знает из французского, немного, но интересно изъясняется по-немецки, а вот на английском... только молчит. Мы разрабатываем программу культурного обмена: я его обучаю «спикать», он меня — «шпрыхать». Вместе же постигаем узбекский язык, который в школьной программе представлен несколькими часами в неделю, но в жизни требуется ежедневно. — «Хуш келибсиз бизнинг байрамыга!» — это я отцу, открывая дверь. Добро пожаловать, дорогие гости, значит. Какой же я гость, смеется отец и в шпаргалках ищем более точные и нужные в быту слова и обороты: счет до ста, названия овощей-фруктов (для базара), дорожные диалоги (для поездок на стройки), о природе (для поддержания разговора с водителями такси). И уже для души отец учит рубаи любимого Хайяма на узбекском языке.

Бизлар кугирчогу, фалак курчокбоз,
Бу сузим чин суздир, эмасдир мажоз.
Иуклик сандугига бир-бир тумашиз,
Вужуд палосида уйнагач бир оз...

Читает водителю такси, который везет нас на настройку в Джизак, и тот простецки спрашивает:

— Отец, это по-русски как звучит?

— Красиво, — кивает, внимательно прослушав. — А главное — точно.

Еще бы: Хайям, повидавший на своем веку кажется все, познавший философию любви измены, славы и одиночества — да что-бы не в яблочко?

Кто мы? Куклы на нитках, а кукольник наш — небосвод.

Он в большом балагане своем представление ведет.

Он сейчас на ковре бытия нас попрыгать заставит,

А потом в свой сундук одного за другим уберет.

— Отец, почитайте еще что-нибудь, — просит Илдуз-водитель и, уставившись в серую ленту дороги, сопереживает.

Тот, кто землю поставил и над нею воздвиг небосклон,
Столько горя с тех пор он печальному сердцу несет.
Сколько ликов прекрасных, как луны, и уст, как рубины,
Скрыл он в капище праха земного, под каменный гнет...

— Я тоже люблю Хайяма, — признается Илдуз, чуть сбавив скорость: — Надо будет выучить, сыну почитаю.

— Сколько мальцу, — интересуется отец. — Чем увлекается?

Очень быстро водитель и «клиент» находят общий язык, темы: цены на бензин, проблемы перевозок, технического обслуживания машины, жите-бытие на селе, воспитание детей...

Расстаются почти друзьями: Илдуз называет отца Хайямом, приглашает в гости, радуется, что нашел настройщика для фоно племянницы, живущей неподалеку. Так чаще всего заканчиваются «дорожные» знакомства.

Робертино Лоретти

Нам нравится Джизак. Здесь живут друзья отца — супруги Арутюновы. Глава семьи — Станислав — директор местной музыкальной школы, его супруга — Роза там же — преподаватель фоно. Дружно живут, хозяйственно: в своими руками построенном коттедже, окруженном отменным огородом, воспитывают двоих малышек. Пока они на просторной веранде за пловом-салатом обсуждают творческие задумки (Станислав как младший по возрасту частенько советуется с отцом), я с малышкой слушаю «Джамайку» Робертино Лоретти, — чудо-то какое... В экстазе рисую тетю Розу. Музыка зачаровывает, ставлю пластинку вновь, вновь и вновь. Хозяйка дома выходит очень похожей, особенно глаза.

— Не бросай, слышишь? Не бросай рисование, — говорит тетя Роза на прощание, забрав карандашный портрет на память. — Тебе это в жизни пригодится.

Она была права — пригодилось и не раз: в училище, институте, на работе.

Отец от Арутюновых уезжал нехотя — пожалуй, это была одна из немногих семей, где он чувствовал себя комфортно во всех отношениях. А для меня песня 11-летнего итальянского мальчика — моего ровесника! — осталась любимой на всю жизнь.

Если бы, да кабы...

Попытка «рвануть» в прошлое не удалась: разбитое однажды не склеить ничем. Решение отца вернуться в Ленинабад для меня неожиданно.

*Ленинабад.
За школой № 4,
где я училась,
находился наш дом.*

Мне совсем не хочется расставаться со школьными друзьями, с солнечным микрорайоном, с кусочком «артековского» детства. Здесь я начала сочинять стихи, рисовать, здесь в меня впервые влюбился мальчик. Здесь была счастлива мама.

Здесь отец обрел друзей — Александра-старшего (Лер) и Александра-младшего (Трифонов). Это была настоящая мужская дружба, достойная светлой зависти: все трое музыканты, читают одну и ту же литературу, одинаково смотрят на жизнь, творчество, любят природу.

Если бы мы остались в Ангрене, они, безусловно, довели бы до конца намеченные планы — грезили филармонией.

А я, возможно, стала бы следователем со знанием английского.

И у нас сложилось бы все по-другому.

...

*Худжанд.
Центральный рынок.*

— Если бы, да кабы, во рту росли грибы, это был бы не рот, а целый огород, — любит шутить отец.

Все верно. Сложилось так, как сложилось — без оглядки на тоскливое (или обнадеживающее?) «бы».

Родители пакуют вещи. Я складываю в сумку девчачьи ценности — альбомы с рисунками, тетрадки с «сочинениями», открытки с изображением любимых артистов, фото-альбом «Артек», фирменную артековскую форму. И клубни цветов, подаренные одноклассниками: «Вырастут, будут напоминать о нас...»

...

Цветы не выдержали долгой дороги, засохли. Сажу в необжитой еще комнате несчастным новоселом, капаю слезами.

— Не тужи дочь, все перемелется, мука будет. Еще не раз потеряешь и приобретешь друзей. Еще не раз будешь делать то, что не совсем хочется. Се ля ви...

...

Таньку Поречину, Иру Солиеву, Аню Вайнсберг, Володьку Гамулецкого и Вадима Гайнуллина я больше не увидела — жизнь всех разбросала по стране. Разметала она и учеников отца, да так, что следов не найти.

Дружба «трех Саш» дольше всего сопротивлялась расстояниям: многие годы будет длиться их переписка, будут визиты их к нам, и нас к ним — в Навои (Узбекистан), но и эта связующая ниточка оборвется в конце-концов, затеряется в дымке неизвестности. Для Саши-старшего она будет иметь германское происхождение.

Для меня, думаю и для отца тоже, Ангрэн навсегда остался символом светлой веры и надежды. Неважно, что несбывшейся.

Окно в мир можно закрыть газетой.
Станислав Ежи Лец.

Часть 8.

ПЕРО КАК ОРУЖИЕ

Пенсионер

Новый, 1971 год мы встречаем уже в Ленинабаде. Живем на правом берегу, в районе с ласковым названием «Ягодка». Так называемый «ленинабадский период» проходит для отца под знаком пера, просветительской деятельности, учительства. Вроде, знакомый ряд, но качество иное: вся любовь к музыке и опыт концентрируются в слове, которое доносится до читателей — педагогов, студентов, поклонников искусства, чиновников, от которых зависит качество культуры, в частности, музыкальной, в области.

Жизнь отца пошла на круг, который принято считать итоговым. То было не столь внешне результативное, быстрое, как прежде, движение вперед в деле строительства музыкальной культуры, но бесспорно, очень полезное своей вдумчивостью и огромной всеопытностью, мудростью. В это время главным «оружием» отца становится слово.

Если нет возможности преподавать (не считая короткого периода учительства в музучилище), можно заниматься индивидуальным репетиторством.

Если не пишутся книги (на воспоминаниях поставлен крест), можно публиковаться в областной газете «Ленинабадская правда».

Если нет чиновничьего «мандата», можно продвигать идеи как внештатный методист областного отдела народного образования. По такому пути отец и идет.

Его вечно мятежная душа чуть успокаивается. Торопиться (уже пенсионеру), особо некуда, но расписание дня не меняется: ранний подъем, крепкий чай, зарядка, обтирание холодной водой, часовая музыкальная разминка (все при том же демпфере), поход в редакцию — для согласования темы очередного материала, встречи с интервьюируемыми, подготовка материала. Собственно, львиная доля времени уходит на корреспондентскую работу. Изредка поездки на Кайракумское море. Иногда гости — журналисты и музыканты. Горячие дискуссии на философские темы, размышления «о времени и о себе». Обсуждение книжных новинок — отец снабжает редкой литературой знакомых и коллег.

Вне конкуренции

Газета — все та же трибуна, с которой слышно далеко и четко. И Александр Александрович Хорват активно и грамотно использует «Ленинабадскую правду». По большому счету он, со своей специфической тематикой и опытом, вне конкуренции, которая так присуща редакционным коллективам. «Рабочий клуб», «Горизонты культпросвета», «Проблемы культпросвета области», «Реформа школы», «Наш календарь» — таков неполный перечень постоянных рубрик, утвержденных редакционным планом работы. Хорват, он же Александр Владимирович (отчество изменено в честь сына), он же Т. Рахов на регулярной основе знакомит читателя с жизнью и творчеством русских, зарубежных композиторов, поэтов и писателей, обращавшихся в своем творчестве к музыке, пишет о проблемах театра, задачах музыкальной педагогики, месте и роли эстетики, взаимообогащении национальных культур, готовит репортажи из сельских, районных, городских Домов культуры, общеобразовательных, музыкальных школ, не забывая о деятельности агитбригад на полевых станах, предприятиях.

Много внимания уделяет тому, как родители могут увлечь ребенка занятиям дома.

Цикл, посвященный данной проблематике, открылся вводной статьей «Ребенок учится музыке»¹

¹ «Ленинабадская правда», 5.05. 1972 г.

РЕБЕНОК УЧИТСЯ МУЗЫКЕ

На темы эстетического воспитания

Как же обстоит дело с музыкальным воспитанием детей в музыкальных семилетках? И как музыкальной школе поведать сами родители детей, которые в них обучаются. Многолетняя работа, в частности, в Ленинграде, показывает следующее положение.

Начем с сопоставления с общеобразовательной школой, которую ребенок посещает параллельно с детской музыкальной. На первом же уроке, как жаль, не дают ребенку с общим развитием заниматься она выкладывает в процессе учебы способность и желание детей к выбору будущей специальности. Для каждого из них дается задание готовить уроки, а затем этому же самое. Не думают и прокладывают специфика музыкальной школы. Если в подготовке уроков по общеобразовательным дисциплинам родители ребенка помогают ему в затруднительных случаях, то они не могут этого сделать (за редким исключением!) при подготовке

музыкальных заданий, ограничиваясь строгими требованиями: садись за пианино и учи урок. И вот сейчас Саша качает играть. Но как? Без счета пальцами. Пустышки в ладошках ма-

маше бесконтрольно, формально-механические действия ребенка, в форме осуждения музыкальной деятельности. Как это все связано между преподавателем, сидящим за клавишной работой отсутствующих детей?

Это довольны родители, но не школьники в музыкале. Саша часто отговаривался за инструментом полужанное время.

— Но он же заикался! — объясняет мать с учительской поволокушкой отметки, рожушки.

В словах успехах Саша не выдерживает ни на сам, ни мать, ни учителя.

Обучать детей неустойчиво трудно, — пишет композитор Д. Кабалевский. — И основные трудности здесь за-

ключаются в том, что постоянному учиться ребят чему-нибудь в искусстве невозможно, если не удасть их этим искусством эмоционально.

Две мысли заслуживают здесь особого внимания. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. И другая: только музыка пробуждает музыкальные чувства человека. Об этом известно, — вспоминает В. Матрос. Каждый из них имеет огромное значение в музыкальном воспитании детей в условиях школы и семьи.

Как практически выразиться к желаемой цели: на высоком педагогическом уровне дать это воспитание художественному вкусу, музыкальному чувству, музыкальному творчеству детей, случившись эволюции? Бессспорно, прав Д. Кабалевский, утверждая, что «скупая, сухая беседа о музыке с детьми — это не только потерянный или час времени. Это порой могут оказаться дети, для которых му-

зыка будет навсегда потеряна».

Все это так. Но много ли в наших школах преподавателей музыкальной литературы, особенно владеющих формальным инструментом? Разве не через уроки исполнения педагогом разбираемого произведения развивается эмоциональная восприимчивость ребенка?

Можно ли рассуждать о степенных особенностях Шопена или Баха и обогатить без грамматической литературы творчество и замыслы романтика и гениального мастера полифонии?

Мы не говорим обо всех школах области. В ряде — работа ведется неплохо. Например, музыкальная школа Чулу-Айбура (преподаватель музыкальной литературы Н. Захарова), здесь налажена регулярная связь с центральными учреждениями, откуда школа получает содержательные музыкальные пособия и ценную методическую литературу.

Дать юному музыканту мак-

симум ярких звуковых впечатлений от доступной ему талантливой музыки, учить и постоянно воспитывать в нем художественно образное мышление — задача педагога-человека — первая и главная и самая робкая.

При огромном объеме музыкальной информации, которую предоставляет нам радио, телевидение, магнитофон, специальные телефоны родители обязаны лишь использовать эти действия факторы развития звукового воображения ребенка. Взаимодействуя с яркими эмоциями в сфере ярких эстетических формальных требований к музыке: садись и играй. И только сплунуется музыка. Что касается родителей, следовало бы подумать о времени, музыкальные занятия для них должны быть семинарами. Тем же, кто занимается детьми в домашних условиях,

А. ХОР

Наш

«Как же обстоит дело с музыкальным воспитанием детей в музыкальных семилетках? И как музыкальной школе помогают родители детей? Многолетние наблюдения, в частности, и в Ленинабаде, позволяют сделать некоторые выводы.

Начнем с сопоставления с общеобразовательной школой, которую ребенок посещает параллельно с детской музыкальной. Ни первая, ни вторая, как известно, не дают специального образования. Наряду с общим развитием учащихся они выявляют в процессе учебы склонность и влечение детей к выбору будущей специальности. Но здесь то и проявляется специфика музыкальной школы. Если при подготовке уроков по общеобразовательным дисциплинам родители помогают ребенку в затруднительных случаях, то они не могут этого сделать (за редким исключением!) при подготовке музыкальных занятий, ограничиваясь стереотипным требованием: садись за пианино и учи урок. И вот некий Саша начинает играть. Но как? Без счета. Неверными пальцами. Путая знаки. Налицо бесконтрольные, формально-механические действия, в корне осуждаемые музыкальной педагогикой. Как это все знакомо

Единственное фото, запечатлевшее отца за «письменной» работой: пометки в блокнот для будущей статьи.

преподавателям, следящим за внеклассной работой отстающих учеников!

Зато довольны родители, не искусшенные в музыке. Саша честно «отсидел» за инструментом положенное время.

— Но он же занимался! — объясняется мать с учительницей по поводу плохой отметки сына.

В плохих успехах Саши не виноват ни он сам, ни мать, ни учительница. «Обучать детей искусству очень трудно, — говорил композитор Д. Кабалевский. — И основная трудность здесь заключается в том, что по-настоящему научить ребят чему-нибудь в искусстве невозможно, если не увлечь их этим искусством эмоционально».

Две мысли заслуживают здесь особого внимания. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то должен быть художественно образованным человеком. И другая: только музыка пробуждает музыкальные чувства человека. Обе, как известно, принадлежат К. Марксу. Каждая из них имеет огромное значение в музыкальном воспитании детей в условиях школы и семьи.

Как практически приблизиться к желаемой цели: на высоком педагогическом уровне дать это воспитание художественного вкуса, пробудить музыкальные чувства, увлечь их эмоционально? Скучная беседа о музыке с детьми — потерянный час времени. Но еще его ценой могут оказаться дети, для которых музыка будет навсегда потеряна.

Да, это так. Но много ли в наших школах преподавателей музыкальной литературы, свободно владеющих фортепиано? Разве не через яркое исполнение педагогом разбираемого произведения развивается эмоциональная восприимчивость ребенка? Можно ли рассуждать о стилевых особенностях Шопена или Баха и обойтись без граммпозаписи, иллюстрирующей в мастерской интерпретации творчество знаменитого романтика и гениального мастера полифонии?

Мы не говорим обо всех школах области. В некоторых работа ведется неплохо. Например, музыкальная школа Чорух-Дайрона. Здесь налажена регулярная связь с центральными учреждениями, откуда школа получает содержательные звучащие пособия и ценную методическую литературу. Дать юному музыканту максимум ярких слуховых впечатлений от доступ-

ной ему талантливой музыки, упорно и постоянно воспитывать в нем художественно образованного человека — первейшая задача и школы, и семьи ребенка.

При обилии музыкальной информации, которую предоставляют радио, телевидение, родители обязаны лишь умело использовать эти факторы развития слухового воображения ребенка. Вовлечь его в сферу ярких эмоциональных восприятий куда важнее формального требования в семье: «садись и играй». Ребенок будет делать это сам, как только почувствует музыку.

Что касается родителей, то вероятно, музыкальным школам следовало бы подумать о проведении для них эпизодических семинаров. Тема: как детям нужно заниматься в домашних условиях».

Диспуты, обратная связь

Особое место занимают дискуссии, «круглые столы», которые отец проводит с участием руководителей и ведущих специалистов облоно, отдела культуры, музучилища, пединститута, республиканского театра музыкальной комедии им. А. Пушкина, дворцов культуры, музыкальных школ. И главное, и главное — высвечивание проблем и подсказки, как их решать, в какую сторону двигаться, что конкретно делать сегодня, завтра, через год.

В области десятки клубов, в том числе ведомственных, но культурно-просветительская работа в них находится в основном в зачаточном состоянии, и не только из-за нехватки средств.

В клубах, в училищах, внешкольных учебных заведениях, вузах сотни кружков. Но художественной самодеятельности еще далеко до совершенства. Там, где руководители понимают значимость самодеятельности для учебных или рабочих коллективов, наблюдается острая нехватка кадров. Работы — поле бескрайнее. И отец, невзирая на годы, вышел в это поле.

Нужно создавать академический хор

В 1974 году отец поднимает с помощью газеты проблему хорового пения, подчеркивая, что надо непременно создавать академический хор.

— Хоровое пение всегда было и остается важной формой

массовой кружковой работы в художественной самодеятельности, — говорит Александр Александрович Хорват. — В области немало хороших коллективов — школьных, клубных. Но нужно помнить, что возможности этих хоров все же ограничены. Произведения Бетховена и Берлиоза, Мусоргского и Бородина, Прокофьева и Свиридова, Шостаковича и Шебалина доступны лишь для профессионально подготовленных коллективов. Подобного в Ленинабаде, к сожалению, пока нет. Есть ли предпосылки к его созданию в Ленинабаде и какие, Хорват выясняет на «переключке» со специалистами.

К дискуссии подключается В.М. Мамирова, заведующая учебной частью и отделом хорового дирижирования музыкального училища имени Садирхона Хафиза.

— Академический хор всегда был и остается талантливым пропагандистом большого искусства. Его задача — ознакомить слушателей с классикой и современной музыкой больших форм. Это нелегко. Если сводные хоры отличаются массовостью и доступностью репертуара, оперативным откликом на календарные мероприятия, то в хоре академического плана прежде всего ценится его профессиональная подготовленность.

Он должен создаваться из квалифицированных участников, постоянно работать над «умением петь», дыханием, дикцией, артикуляцией, распевками, сольфеджированием. Владение чистотой строя, слитностью ансамбля, гибкой нюансировкой, четким знанием своих партий, полифонической партитуры произведения — вот его постоянные заботы, направляемые опытным хормейстером. Лишь высокая исполнительская культура способна приблизить этот коллектив к таким замечательным творениям, как «Патетическая симфония» Г. Свиридова (на слова Маяковского) или «Песня о лесах» Д. Шостаковича.

А. Хорват:

— Думается, основное ядро такого коллектива должны составить преподаватели музыкальных училищ, учащиеся музучилищ и музыкального отделения педагогического училища. Поисковать таланты в кружках художественной самодеятельности.

В. Мамирова:

— Для всех желающих петь в хоре следует провести вроде небольшого экзамена. Это может взять на себя преподавательский актив отдела хорового дирижирования музыкального училища.

А. Хорват:

— Потребуется помещения для занятий, инструменты, утвержденные штаты для руководителей хора. Эти вопросы решать следует сообща с отделом культуры, горкомом комсомола, профсоюзными организациями.

К дискуссии подключается З.Р. Хашимова, секретарь горкома комсомола.

— Это нужное дело. Увлечь им молодых людей просто необходимо. Это поможет воспитать у них хорошие художественные вкусы. Сейчас ребята и девушки увлечены в основном вокально-инструментальными ансамблями. Это вроде бы и неплохо, но каждый жанр должен по-своему что-то давать для души. А в данном случае речь идет о замечательных произведениях музыкального искусства. Со временем такой хор может стать отличным помощником в музыкально-просветительской работе. Потому что одно дело прослушать хорошую лекцию, сопровождаемую магнитофонными записями, другое — в живом звучании.

Поддерживает задумку и «производственный практик», А.Н. Замиралов, художественный руководитель Дома культуры «Шелковик»:

— По силам ли эта задумка? Считаю, да. Меня занимает практическая сторона вопроса: как, где и в каких условиях возможны нормальные занятия такого коллектива? Имею в виду помещение, музыкальные инструменты, удобную сцену, концертный зал с нужной акустикой, костюмы для участников и так далее. Без этого не получится воплощения идеи. Поэтому предлагаю организовать академический хор в ДК «Шелковик». Вся материально-техническую базу мы в состоянии обеспечить. Это поддерживают и дирекция, и партком и фабком комбината.

...

Наш календарь

Немеркнущий талант

Сияние огня, ярусы цирка переполнены. Посредине арены танцует, отбивая легкую четотку, молодая артистка. Лицо в ослепительной улыбке. Немыслимый балас в свободном и задорном танце на крошечном пятнышке башенки вызывает бурю аплодисментов. Это танцует Любовь Орлова в киноленте «Цирк».

А вот еще один эпизод... Бойцы расползлись на небольшой полянке, рядом окопы. В них недавно шел горячий бой. Теперь воины отдыхают. Они сидят, образуя тесный круг, запыленные, схватки с врагом. Но на лицах улыбки. Из центра круга льется песня. Серебристо-звонкий голос певца никого не оставляет равнодушным. Он чист, звонок, исполнен чувства и красоты. Бойцы с жаром аплодируют «Катюше». Это тоже Любовь Орлова.

...Она оказалась актрисой неиссякаемых возможностей. В образе Норы из драмы Г. Ибсена воплощены веселье и страх, детская чистота и печальная мудрость, беспечность и глубокое чувство долга. Все поведение Норы, духовные изменения, внутренне связи с другими персонажами сыграны актрисой с подкупающей любовной тщательностью.

Советские зрители и слушатели хорошо знают и помнят блестящий талант замечательной народной артистки СССР Любови Орловой. Ее творческий путь начался после окончания Московской консерватории. В музыкальном театре она исполняет партии Периколы в одноименной оперетте Оффенбаха, Серполетты из «Корневильских колоколов». В Московском театре имени Моссовета полной мерой расцветает драматический талант актрисы. Она играет роли Джесси («Русский вопрос» К. Симонова), Лидии («Сомов и другие» М. Горького), Патрик Кембел («Милый лжец» Килти) и другие. Многочисленные отзывы театральной критики расценывают драматический дар Л. Орловой как ведущей актрисы, обладающей талантом глубокого перевоплощения, способной одинаково ярко исполнять драматические и комедийные роли.

Подлинной стихией для творчества Л. Орловой явилось кино. Кто же еще не знает в роли веселого почтальона из кинофильма «Волга-Волга», Анюты из «Зеленый вагон», Косими из «Ошибки инжениера Коппелла»?

От этих фильмов тридцатых годов до наших дней остались крылатые музыкальные афоризмы: «Нам песня строить и жить помогает», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», «Легко на сердце от песни веселой».

Орлова пленяла зрителей своей красотой, живостью поступков и действий, необыкновенным умением быть многоликой в единственном числе. Впечатляли и другие, более поздние фильмы с участием Любови Орловой: танцовщица из «Дачи Артомоновых», Шервуд из «Встречи на Эльбе», ее концеранс и песни из «Концерта фронту», студентка Катя из «Одной семьи», Платонова из фильма «Муромский», — сестра Глинка из фильма «Глинка». В последнем шестнадцатом фильме Л. Орлова снималась в роли Комаровой («Русский сувенир»).

Прекрасное сочетание многогранных дарований артистки, необыкновенная одухотворенность, правдивость и живость игры, покоряющая артистическая внешность, всегда подчеркнутая умением показать ее через неожиданную метаморфозы сюжета. Наконец, истинная гражданственность как артистки и человека привнесла ей заслуженное признание прославленной советской актрисы. В кинофильмах ее образ и сейчас живет среди наших современников.

Т. РАХОВ

ПУШКИН В МУЗЫКЕ

ЛЕНИНАДСКАЯ ПРАВДА

Пушкинского духа
его реализма, его
интереснейшие черты
его дарования

«Он у нас — начало всех начал», — писал А. С. Пушкин. А. М. Горький Великие Пушкины привели всем миром. Неправильное признание великого поэта еще больше вымывает все совершенное и ставит великий русский художественный культурный мир один пост не оказывая такого мощного и всестороннего влияния на расцвет русского музыкального искусства.

Блестящее созвездие талантливейших русских композиторов — от Михаила Глинки до классика Советского Союза Сергея Прокофьева — отдали щедрое творчество прославленному «певцу своей жизни». И отдали с любовью музыкального «деятельства», но, часам со всей полнотой воплотил в себе сокровенных поэт, его свободных порывов, его неизменной веры в русский народ. Одним из ярких выражений Пушкинского гения М. Мусоргский, В. Опельдин, Ф. Глоухов, созданный им по одному из

его синтеза музыки и поэзии Пушкина, о которой так горячо и искренно замечал Е. Велицкий: «Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательно-логичного, приманчиво-идеального; она всегда провинциальна, действительна; она не кладет на лицо жизни белую и румян, но показывает ее в

НАШ КАЛЕНДАРЬ

ее естественной, истинной красоте».

Романская лирика Глинки с редким проникновением выражает все отличительные черты Пушкинской поэзии, обращая ее в тонкие музыкально-психологические портреты, ярко живые для всех наших современников.

Среди множества музыкальных произведений, вышедших к жизни творчеством Пушкина принадлежит особое место принадлежащий опере

Пушкинского оригинала. В другой опере — по Пушкинскому тексту — «Русские» — Дерговымский сождает жанр бытовой психологической драмы, пронизанной духом народности.

Сказочные и сатирические сюжеты Пушкина получают специфическую жизнь в операх «Золотой петушок» и «Сказка о царь Салтане» Н. Римского-Корсакова — одного из лидеров новой русской музыкальной школы.

К концу девятидцатого века Пушкинские темы широко зазвучали в произведениях самых различных композиторов. Только на сюжет «Бауксарского Фонтана» в разное время были созданы оперы А. Федорова, М. Зубова, А. Ильянского, И. Шапошникова и др. символические поэмы А. Аренского, Ф. Шелля. Глубокий след оставил Пушкин в творчестве П. Чайковского — великого русского композитора коллегного психолога и мастера оперной драматургии. Пушкинские темы становились для Чайковского — великого русского композитора коллегного психолога и мастера оперной драматургии. Пушкинские темы становились для Чайковского — великого русского композитора коллегного психолога и мастера оперной драматургии.

О необходимости создания такого коллектива в областном центре высказались также руководители музыкальных школ, учителя, работники домов культуры, руководители кружков художественной самодеятельности.

Результат? На предстоящем собрании культактива города запланировано избрать художественный совет хора, его руководителей и затем решать практические вопросы, чтобы обеспечить начало работы.

Горизонты культпросвета

Апрель, 1976 год. Хорват как корреспондент и инспектор облоно проводит «круглый стол».

Разговор по существу выглядит следующим образом.

«А. Хорват:

— В ДК «Шелковик» просторно, светло. Два зала на 800 и 300 мест, спортивный комплекс, 12 комнат для кружковой работы, библиотека с фондом в 45 тысяч томов, читальный зал. Внешне — все условия для плодотворной работы. Стал ли Дворец культуры истинным культурно-просветительным центром предприятия? Не совсем? Почему? Что для этого необходимо?

З.К. Пономарева, директор ДК «Шелковик»:

— Я только вернулась из Душанбе с семинара клубных работников. Там много говорилось о том, что в новой пятилетке — пятилетке эффективности и качества пропаганда основных задач дня специфическими средствами культпросветработы становится центральной в деятельности Дворцов. Надо поднять массовость, улучшить качество, проводить тематически направленные мероприятия, связанные с интересами производства — вот что отмечалось особо. В этом плане мы и собираемся работать.

С. Саидов, председатель профкома:

— У кружковцев нет нужных костюмов для представлений, спортивного инвентаря, не хватает музыкальных инструментов для эстрадного оркестра, да и много другого. В денежном выражении все это составляет десятки тысяч рублей, а сметные возможности пока ограничены. Но выход при желании всегда

можно найти. Мы приобрели материалы для костюмов, новое пианино, концертный рояль.

А. Хорват:

— Нынешняя молодежь приобщается к большому искусству, смотря телепередачи, слушая радио, хорошие граммпластины. Отсюда — высокие требования к сценической продукции Дворца. Нужны новые формы массовые формы привлечения молодежи.

С. Саидов:

— Мы это осознаем и делаем кое-что. Скажем, пропагандируем выступления нашей агитбригады на самом производстве.

А. Хорват:

— Самодеятельным артистам нужна серьезная учеба под руководством хорошего режиссера, балетмейстера, музыканта. Посетители Дворца вправе требовать серьезный, профессиональный уровень...

С. Саидов:

— Таких специалистов у нас пока мало. Приходится миться с совместителями. Сметные возможности ограничивают нас в привлечении людей нужного профиля. Тут есть над чем подумать.

А.А. Абдухаликов, секретарь комитета комсомола:

— Согласен с замечаниями. Взять, к примеру, нашу танцплощадку. От желающих попасть туда нет отбоя. Заметьте: если концерты нашей самодеятельности проходят бесплатно, то танцплощадка приносит Дворцу прямую прибыль: за счет платных танцев содержатся четыре руководителя кружков. Мы обязаны учить молодежь культуре красивого танца, но до сих пор не имеем не только учителя танцев, но и обычного массовика, заполняющего перерывы играми, викторинами. И не обязательно пропагандировать только балльные танцы. Нужны и современные, которые пользуются популярностью у молодежи. В нашем Дворце работники Дома культуры провели вечер «Как надо и не надо танцевать». Побольше бы таких мероприятий. Но одним показом не обойтись. Танцевать «как не надо» продолжают и ныне. Да, поэтому требуется специалист и повседневная учеба по овладению искусством красивого танца.

А. Хорват:

— Мне кажется, работу во Дворце надо по-новому строить. Нужны деловые контакты с литераторами, музыкантами, художниками, постоянная связь с партийно-комсомольским активом, педагогами, художественной интеллигенцией и специалистами различных отраслей знаний.

А.Н. Замиралов, художественный руководитель Дворца культуры «Шеловик»:

— Надо искать гибкие формы обмена передовым опытом с дворцами культуры соседних республик. Правлению дворца необходимо вовлекать в художественную жизнь передовиков нашего производства, активных специалистов из инженеров инженерно-технического состава.

М.Н. Ниезматов, секретарь партийной организации комбината:

— Согласен с выступлениями участников круглого стола. В социалистических обязательствах трудящихся республики, взятых на 1976 год, есть пункт об укреплении материальной базы учреждений культуры, совершенствования работы библиотек, домов культуры, народных университетов и самодеятельного художественного творчества трудящихся. Как же практически мы осуществляем эти обязательства? Материально-техническая база для массовой политико-просветительской работы требует укрепления. Совместно с профсоюзом будем решать вопрос привлечения нужных специалистов. В министерство легкой промышленности направили ходатайство о выделении дополнительной дотации на спецоборудование для кружковых нужд. Организовали общественно-политический клуб. Запланировали организовать народный университет культуры, клуб девушек. Вместе мы сможем превратить наш Дворец в центр культурно-просветительской работы, полезного отдыха трудящихся предприятия»².

² «Ленинабадская правда», 14 апреля 1976 г. Горизонты культуры и просвещения. Разговор по существу. Т. Рахов (Псевдоним А. Хорвата).

К 100-летию со дня рождения С. Айни

ПИСАТЕЛЬ И МУЗЫКА

В последние десятилетия писатели жили в условиях свободы творчества. С. Айни счастливо избежал этой участи. Больше того, мыслитель был вынужден заниматься своим делом в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Сложнее всего было писать в условиях диктаторского режима. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Иногда писатели в условиях диктаторского режима вынуждены были писать в условиях диктаторского режима. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Судьба писателя в условиях диктаторского режима была сложной. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Писатель в условиях диктаторского режима вынужден был писать в условиях диктаторского режима. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Творчество писателя в условиях диктаторского режима было сложным. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве. Айни был вынужден писать в условиях диктаторского режима. Это не могло не сказаться на его творчестве.

Нужен музыкальный клуб³

«В жарких спорах о судьбах вокально-инструментальных ансамблей нередко возникает «колючий» вопрос: каким должен быть этот популярный жанр советской эстрады — только развлекательным или одновременно, и в большей степени, художественно-воспитательным?»

Среди крайних отклонений в ту или иную сторону в большинстве мнений всегда оставалась доминирующей мысль социальной значимости в деятельности ВИА: если их репертуар современен и хорош, свежа и красочна аранжировка, а исполнительское качество увлекает слушателей, такой ансамбль — желанный гость профессиональных и самодеятельных сцен.

Что можно сказать о ВИА нашей области, где число самодеятельных ансамблей уже превысило тридцать? Каковы их нужды, успехи, перспективы?

Знакомство с буднями одного из них может до определенной степени стать некоторым отражением нужд и дел и других коллективов этого жанра. Итак, перед нами ВИА клуба завода «Торгмаш» с поэтическим названием «Гульбахор».

Пришлось преодолеть более 80 ступеней лестницы, ведущей на четвертый этаж заводского здания, чтобы добраться до репетиционной комнаты, загруженной музыкальной аппаратурой. Здесь занимаются участники ансамбля. Подумалось: «Нелегко же приходится им перемещать с высоты птичьего полета увесистую аппаратуру для концертов, проводимых в дни общественных мероприятий в городе».

Смежная комната — еще меньше. И она заполнена наполовину пультами звукозаписывающей аппаратуры. В дальнем углу письменный стол — рабочее место заведующего клубом Фариды Гайнуллина.

— Мой кабинет, — комментирует он. — Пришлось уплотниться из-за этих ящичков, — кивает в сторону аппаратуры. — Зато теперь наш техузел не уступит любому в записи и воспроизведении наших программ по чистоте.

Ф. Гайнуллин — выпускник ленинабадского музыкального училища по классу флейты. Когда-то играл в Душанбинском

³ «Ленинабадская правда», 1976 г., Т. Рахов.

ансамбле «Гульшан». Уже пять лет заведует клубом, играет в ансамбле, пестует младшую, подготовительную группу из семи человек.

В репетиционной знакомимся с художественным и музыкальным руководителем ансамбля В.В. Сейбелем. И от него «узкие штаты» требуют выполнения многих обязанностей. Кроме общего и музыкального руководства он аранжирует, играет на гитаре, занимается со старшей подготовительной группой, экспериментирует в непростой технике, звукозаписи.

В разговоре о главном — репертуаре, направлении, художественном профиле ансамбля, раздумывая, отвечает:

— Все просто. И с репертуаром. И в поисках своего направления. Но от всей души стремимся найти самих себя. Спросите, какими путями? Ну, например, ищем репертуар в основе народный, аранжируем хорошие песни таджикских композиторов, создаем собственные. Но не вводим в свой состав народные инструменты. Почему? На наш взгляд, они призваны выполнять другие функции. Им свойствен подлинный народный колорит, самобытный тембр, своя манера в технике звукоизвлечения и многое другое».

1977 год. Отец продолжает тему создания музыкального клуба, конкретно обосновывая, для чего и что он может дать жителям областного центра. На взгляд Александра Александровича Хорвата, изложенном в статье «Помечтаем о сбыточном» в массовом музыкальном просветительстве не хватает звена в приобщении к музыке. Речь идет о тех, кто не стремится стать профессионалом, но горячо любит музыку. Это огромная армия рабочих и служащих, учащихся школ и профессионально-технических училищ. Музыкальный клуб не требует специальной подготовки слушателей, ни тем более, каких-то формальных бумажек об их официальной «причастности» к этому искусству. Музыкальный клуб для всех. А плановым содержанием его работы могут стать несколько направлений. Музыкальный лекторий — серия бесед о специфике музыкального искусства, о его происхождении, выразительных свойствах, формах и жанрах, о фольклоре Таджикистана, его классическом наследии, шашмакомах, творчестве таджикских композиторов. Вторым разделом

может стать прослушивание произведений мировой классики, советской музыки, таджикских композиторов, лучших мастеров вокала, инструменталистов, знакомых лишь по случайным радио, — и телепередачам. При этом музыкальному клубу придается важная роль в организации свободного учительского хора, т. е. певческого коллектива стационарного типа, который давно ждет общественность города. И, наконец, музыкальный клуб — это музыкальные вечера для молодежи. Это ли не помощь клуба музыкальной общественности?

Таким вот образом, деятельно, но ненавязчиво корреспондент Александр Александрович Хорват инициировал не только «деловое обсуждение», но и подвигал к «конкретному решению». Почти все его предложения в той или иной степени были приняты к рассмотрению и реализованы на практике.

Я из этого периода очень много взяла для себя в плане организационном, коммуникативном. С помощью отца расширился и мой кругозор. Во всяком случае, Гоголя с Гегелем, Баха с Фейрбахом, писательницу Серебрякову с однофамилицей-художницей, еще будучи девчонкой, не путала. Постоянно возвращалась к просмотру подаренного отцом альбома карикатуриста Бидтструпа, собирала репродукции картин с изображением всего, что хоть какое-нибудь отношение имело к музыке, после прочтения отцовских статей о роли (или месте) музыки в жизни писателей, политиков, актеров, поэтов, художников искала в различных источниках дополнительные сведения.

Пианисты не востребованы

В конце семидесятых, когда из стен музыкального отделения педучилища им. Н. Крупской выйдут первые выпускники, внезапно обнаружится, что в таком количестве они не нужны области. Точнее, общеобразовательным школам — по причине отсутствия пианино. В области сотни общеобразовательных школ, только в Ленинабаде более 40, но лишь треть из них имеет фортепиано: и это при том, что уроки музыки включены в государственную образовательную программу, а деньги на приобретение инструмента исправно выделяются. Нет, директора школ предпочитают аккордеон или баян: убеждены, что

Ленинабад, Александр Дер (справа) приехал в гости. С моими родителями на пляже «Чумчук-Арал».

с «малогабаритом» легче работать. Кому легче — им? Похоже на правду — ни лишней волокиты с поиском помещения, ни с организацией охраны инструмента от вездесущих хулиганов. Но как быть с программой, ориентированной именно на использование фортепиано, никто не говорит. Не знают.

Не знают, как быть и с выпускниками педучилища — пианисты не могут трудоустроиться из-за отсутствия нужного инструмента, уроки музыки заменяются «более важными» предметами — математикой, литературой, страдает учебно-воспитательный цикл, не выполняется программа, крайними в эстетическом плане остаются дети.

Но и там, где есть фоно, инструменты находятся в расстроенном, либо полуразбитом состоянии. Казалось бы, стоит чиновникам вникнуть в проблему, принять волевое решение, и обязательный ремонт стал бы нормой. Увы... При наличии в городе как минимум тройки приличных настройщиков, отсутствуют договоры с ними. В техническом отношении «музыкальный парк» образовательных учреждений, и в первую очередь, школ, к началу учебного года подходит неподготовленным.

Конвейер по подготовке пианистов продолжает работать. Кто должен озаботиться проблемой регулирования профессиональной подготовки кадров? Во всяком случае — не журналисты, и не учителя. Они — лишь высвечивают проблему, чтобы придать ей общественный резонанс. Эти вопросы также ложатся в основу проблемных материалов Хорвата.

Профориентация и хобби

С 4 лет я стала с увлечением рисовать. С 9 — читать «детские» книжки. С 10 лет в голове стали складываться юмористические рассказы и стишки. В 11 впервые стала «редактором» школьной газеты. В 12 мечтала стать следователем. В 16 — художником. Но уже «превращалась» в музыканта, чего желал отец. В целом отдав обучению музыке 12 лет (школа, училище) поняла, что никогда в жизни не смогу и не пожелаю стать учителем даже этого прекрасного предмета. Все, что хоть сколько-нибудь стесняет рамки моих действий, не для меня. Натура требует свободы: в мыслях, действиях, идеях, планах и методах их воплощения в жизнь. Музыка дава-

Ангрен, отец недалеко от редакции.

ла такое ощущение только за фортепиано. Растаял последний звук, встал из-за фоно — и все пропало. Существование в учительском стиле урок-перемена-урок не прельщало. Школьный шум и гам, начиная с громких звонков, топот ног опаздывающих на урок учеников — отпугивают, сбивают мысли. Они никоим образом не совмещаются с желанием созерцать, творить, гореть, и вновь творить.

После 20 лет, став дипломированным музыкантом, рискуя ошибиться, делаю другой выбор: выхожу «замуж» за журналистику. По большой любви. И до сих пор сохраняю тандем, где все со страстью и как в первый раз. Тяга к журналистике стала катализатором «делания себя». Хотя бы потому, что отец категорически выступал против моего приобщения к «писательскому» цеху, а следовательно, мне было отказано в каких-либо предпочтениях. Предоставлялось только одно «особое условие» — полное отсутствие таковых... Но «въехала» в притянувшую меня профессию конечно же, под влиянием примера отца. Толчок дал именно он.

... Ангрен. Мне только-только пошел 12-й год. Мои «стишки» и «юморески» украшают школьную стенгазету. Делаю их

дома: высунув кончик языка, рисую «по-мокрому» акварелью карикатуры и времена года, свободные «пятна» заполняю текстом. Отец через мое плечо наблюдает за творческим процессом. Читает эпиграммку.

— Это о ком? А это похоже на передовицу... Что в «подвале» будет?

— В каком еще «подвале»?

— Ну знаешь, в настоящей газете место «внизу» называется так.

— А если вверху?

— Форточка.

— А «сделала газету такая-то из такого-то класса»?

— Это уже тянет на выходные данные.

— Выходные? От слова «выходной»? Как воскресенье?

— От слова «выход». Как будни. Газета — это тяжелые будни.

Поэзия —

та же добыча радия.

В грамм добыча, в год труды. Изводишь

Единого слова ради

тысячи тонн

словесной руды.

Так Маяковский сказал о деятельности поэта, но это применимо и к журналисту.

Мы часто и подолгу играли «в слова» — из одного длинного «выуживая» несколько коротких путем перестановки букв, бу-рине. А как-то отец предложил поиграть «в стишки»: дал четыре рифмованных слова и предложил дописать строчки. То, что вышло, ему показалось свежо и любопытно. Потому предложил мне продолжить, только уже самой. Я и продолжила. Правда, в свою тетрадку, которую никому не показывала ни за какие коврижки.

В середине пути

Кажется, лет в 17 показала отцу мои «опусы» — стихи и прозу. Тогда же расстроился, узнав о моем желании приобщиться к газетному делу. Не советовал. Отговаривал. Приводил при-

К 50-летию республики и Компартии Таджикистана

Пути расцвета таджикской музыки

Официально начало становления профессионального музыкального искусства Таджикистана следует считать 1939 год. Тогда был создан Союз советских композиторов Таджикистана во главе с московскими композиторами С. Баласаняном, С. Урбаном и А. Ленским.

Новая свои национальные кадры — творцов таджикской музыки — вот что стало одной из задач молодого Союза композиторов и талантливой таджикской молодежи вступило в сферу его деятельности. Тогда же при Союзе была образована композиторская студия, а наиболее одаренная молодежь направлялась на нее в ведущие вузы страны.

Творческое участие композиторов братских республик — С. Юдинова (автора Государственного гимна республики), Л. Стелетова — автора таджикской оперы, поставленной в московском театре имени Станиславского, Л. Кизилора — написавшего увертюру «Ваня» — в большой мере повышали профессиональный уровень таджикской музыкальной культуры. Фольклористы Н. Марома и А. Дистонадов положили основы постоянной комиссии народной музыки и песни, которая заведует профессиональным творчеством таких талантливых мастеров, как С. Вазирова, Миски...

Таджикистана. Союз композиторов республики насчитывает более тридцати членов.

Среди них Х. Абдуллоев — автор концерта для скрипки, кантаты «Голос Азии», фортепианного трио, ряда песен и романсов; Д. Ахунов — питомец Ленинбадского музыкального училища, автор кантаты о партии И. Вобожалова — соавтор музыки к опере «Куомей Кова», «Марша победы» для оркестра народных инструментов, цикла детских песен; А. Камалов, написавший широко популярные в республике «Нахромон дуктар» и «Паттагин дуктар»; Р. Одинаев, автор многих оркестровых сочинений, среди которых выделяется «Молодежная увертюра», кантата о партии, одноактная опера «Парасту» и другие.

Уже из этого быстрого перечня можно судить о возросшей профессиональной технике таджикских композиторов в многожанровых жанрах вокально-инструментальной музыки. Среди популярных имен композиторов внесших свой творческий вклад в музыкальный фонд республики, одно из наиболее известных — имя фидаяна Ленинбада Шарфуддинова Саифуддинова. Ленинбадском музыкантом

песня о Ленине Я. Сабзанова на слова Ф. Ансори (русский текст А. Гуркина).

Ты послушай, человек,
Как шаги раскато звучат!
Это наш двадцатый век
Дашкется путем Ильича.

Широко ее выступление на двойном форте, реалистичны и насыщены гармонические звучания, переходящие в парализующий мамор при вступлении голоса.

Финал исполнен патетика.
— Ленин! Он в наших
сердцах!

Наш Ленин! — скандирует хор, как клятву верности всему новому творцу нового мира. Звуковое завершение финала с двухтактовым задерживанием динамическим нарастающего заключения всем составом хора — звучит гордо, величаво.

Совсем иной характер носит хорское провозглашение А. Хамдамова — «Ленинизм вечен» (слова Джавахид-заде, русский перевод В. Кириллова).

В неторопливой эпической манере с вступлением восходящей лесно отчетливой мелодии она с речевой выразительностью повествует: «Яркий свет в мире возник, пламенный свет, сходящий с зарей».

Утверждает...

12.000, 1000;
Всего - 25-111-790,
27 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫ

Каждый вечер в нашей стране поднимают занавес около 580 театров. Каждый год количество посетителей театров и концертов превышает 260 миллионов человек — цифра, повторяющая численность населения СССР. Зрители, заполняющие залы, встречаются с современниками и ге-

роями и треве
Сопе
лов, в
лений,
го вос
ник в и

ТЕАТРЫ— СЕЛЬЧАНАМ

Театральная общественность страны отмечает Международный день театра. Мы попросили начальника отдела искусств Ленинградского отдела культуры А. Хусейнова рассказать об итогах творческого смотря театров Северного Таджикистана и поделиться опытом по обслуживанию театрами сельского населения области.

— К международному дню театра мы организовали творческие отчеты профессиональных театров, они прошли в первой половине марта в помещении республиканского театра музыкальной комедии им. А. С. Пушкина. Какие общие черты характеризуют сейчас деятельность наших театров? Утверждение коммунистических идеалов средствами сценического реализма, пропаганда ярких образов наших современников, их духовного богатства, величия труда, преданности Родине, высоких нравственных и морально-этических качеств советского человека.

Это и стремление к глубокому, искреннему общению с трудящимися и формирование личности нашего современника, борьба с проявлениями чуждой идеологии средствами театра — вот в чем, коротко говоря, содержание многочисленных спектаклей, показанных во время творческих отчетов. Разумеется, не только в Ленин-

Многое сделано ленинградскими театрами и для сельского зрителя. Особенно после опубликования известных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о подъеме культуры села и художественной самодеятельности. За три года десятой пятилетки театры показали сельским зрителям около 500 спектаклей, на них побывало 25 тысяч сельских труженников. В гостевых поездках актеры встречались со зрителями, проводили беседы, выступили с лекциями. Чкаловский театр в прошлом сезоне дал 130 спектаклей для трудящихся города и районов. Тридцать из них — в сельской местности. Более 100 концертов подарили артисты труженникам Ганин, Ходжента, Ура-Тюбе, Исфары, Курган-Тюбинской области. Многие делают для сельчан и Навский музыкально-драматический театр. Его спектакли смотрели не только в Лени-

меры. Доводы. Бесполезно. Я, уже неплохо знавшая литсотрудников областной газеты «Ленинабадская правда», где много лет работал отец, отважилась пойти, найти кого-то, попроситься на задание. Вернее: сама предложила тему — встреча ветеранов на 9 мая. Получив «добро», взялась за ручку, и... оказалась в тупике. Обычная информация показалась намного сложнее вольного «стихоплетства». Как подступиться к изложению темы? Когда моя макушка «задымилась» от напряжения, отец взял черновик, пробежал глазами, предложил заново написать. Но уже так, словно бы я рассказывала ему в письме «что, где, когда, и по какому поводу» произошло. Вышло лучше, но несколько аморфно. Еще и еще раз переписываю. Не дается. Отец берет ручку, листок и пишет сам. Протягивает готовый вариант:

— Улови разницу.

Уловила. Пока только интуитивно. Моя первая информашка вышла под моей фамилией, что не могло не окрылить. Сделав несколько заметок подряд, уже на практике почувствовала то, как следует разговаривать с читателем. «Въехала» во внештатники достаточно быстро, и буквально стала засыпать заметками — информационных поводов для их написания моя последующая работа всегда давала с избытком. Пионерская тема стала любимой. Оттуда же черпала проблемные сюжеты: почему ребята стесняются носить галстук, прячут его в карман, в каких кружках приобщаются к искусству, культуре, имеют ли возможность развить интерес к техническому творчеству, чем живут, о чем мечтают, какие цели ставят. В какой-то период стала воспринимать книги и статьи опытных авторов как источник, способный утолить жажду познания сверх учебников. Потом увлеклась коллекционированием «занятных» фактов (в первую очередь из жизни музыкантов, живописцев). Потом осмелилась опубликовать свои стихи и даже выступать в роли «художника» (преимущественно в жанре карикатуры). И вот, наконец, поняла, что получила в одной профессии все, о чем когда-либо мечтала: журналист — это и следователь, и художник, и поэт, и музыкант, и психолог.

Слово убивает, слово лечит

«Ленинабадская правда», «Всю жизнь — музыка», А. Пронин, кандидат филологических наук, 4 мая 1991 г. Дается в сокращении.

«Читатели областной газеты давно обратили внимание на публикации, подписанные «А. Хорват». Достоверно знаю, что школьники и студенты, преподаватели, музыканты следят за этими материалами, делают вырезки, систематизируют их и используют для проведения внеклассных воспитательных мероприятий, касающихся вопросов литературы, искусства, живописи.

...Автор прошел большую школу, в том числе сталинскую. Сегодня, когда мы имеем возможность прочесть об этом страшном времени в произведениях А. Солженицына, В. Шаламова, в воспоминаниях Г. Жженова, Н. Сац и других деятелей культуры и искусства, начинаем осознавать, насколько немислимо жестокой была эта адская машина по уничтожению так называемых «врагов народа». Суровая школа сталинских лагерей оставила немало зарубок в памяти и творчестве А. Хорвата. И всем смертям назло и всему доброму во благо он не озлобился и сохранил любовь к жизни и высокому искусству.

...Реабилитировавшись, А. Хорват продолжает то, что не успел, не свершил. Задумок у него великое множество. Сотрудничает в газетах Узбекистана, Киргизии, Москвы, Таджикистана.

...А с 1966 года и по настоящее время активно сотрудничает в разделе «Наш календарь» в областной газете «Ленинабадская правда». 87-летний корреспондент, просветитель, пропагандист музыкального искусства. Широкий круг интересов А. Хорвата».

«Как я начал писать»

«Ленинабадская правда», «Музыка и перо — символ его жизни», Н. Закатова, 14 октября 1993 г. Дается в сокращении.

«... — Александр Александрович, — спрашивали его часто, — а почему вы не работаете в редакции?

— Работаю, — отвечал спокойно, — внештатным корреспондентом.

— Хм, — реагировали те. — Внештатник, это ведь... несерьезно.

А. Хорват, отдавший журналистскому делу шестьдесят лет, а из них более тридцати — «Ленинабадской правде», так не считал. Символом его жизни были музыка и перо.

... — А знаешь, как я начал писать? — спросил отец. — Молод был, горяч. Только завершил учебу, а тут один профессор завел в газете дискуссию о музыкальных вкусах молодого и старшего поколений. Так загорелся, что решил дать показательный концерт. Это я сейчас понимаю, что не прав был, дав разгромную рецензию. А тогда как бес попутал. Думал: как я его, московского профессора, разделал... Сейчас как вспомню этого безобидного в сущности, человека — старенького, в пенсне, с трясущимися руками, — тошно становится. Я это к тому, что журналистика должна быть человечна. Не все можно исправить критикой. Бывает, доброе слово быстрее и лечит, и «выпрямляет».

Он всегда считал, что внештатник — образ жизни, где царят свои законы, а свобода и творчество превыше всего. Вся его неистраченная энергия здесь находила выход. Устав писать, тушил в переполненной пепельнице папиросу и садился за фортепиано. Инструмент ронял в розовую тишину божественные звуки.

В такие минуты Александр Александрович закрывал глаза и уносился далеко-далеко. Лишь натренированные пальцы продолжали свою работу, безошибочно находя нужную ноту. Так писалось о Чайковском. Примерно так — о Моцарте. И уж вовсе не представлял себе будущих статей музыкального цикла без такого настроения.

...В его архивах можно найти материалы практически о любом композиторе, о всех музыкальных жанрах. Это своеобразная летопись культурной жизни области 1970—80-х.

Просто наблюдать и писать — не его путь. Как-то отдала на суд свои заметки, а он:

— Ты пропусти тему через себя. Продумай прежде, что именно хочешь сказать. Пиши только о том, что хорошо сама знаешь. Тогда поймут, прислушаются».

Страница Выходного

ПИСАТЕЛЬ И МУЗЫКА

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ОСТРОВСКОГО

В русской художественной литературе трудно назвать имя писателя или поэта, в чьей жизни либо творчестве музыка не занимала бы своего значительного места. Достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Босса, Есенина, многих других замечательных художников слова. Не был исключением и Н. Островский, автор романа «Как закалялась сталь». И, быть может, можно ему, как никому другому, музыка служила тем незаменимым источником, который в годы его так тяжелых иудейных испытаний дух и человеческое достоинство выкапывал такие героические слова: «Я в полночь, закрытый мои глаза, врываю глазами слезы сверкает вокруг меня жизнь».

В ту пору она сверкала для него лишь солнечным цветом жизни. Он был выжившим в слеп. Он воспринимал свое положение искусство, выходя слух, и она помогало ему, тесно связанная в ткань его прозаической и поэтической

музыка, которую примерял в своем сердце Островский на всю удалую свою жизнь... «Воздух дрожит от густоты и запаха цветов. Глубоко в небе чуть-чуть поблескивают светлячки звездой, и в голос слышится далеко, далеко».

— «Знаешь, почему я так люблю музыку? — спросит он, поднимая уже привычную к постели, мучительно нарастающим вудомом. — Я видел много ярости и страдания. Факты мне пришлось в тяжелое время. Мы не шарили ярости, но не берегли я себя. Сейчас я писатель, мне приходится описывать жизнь. И вот Чайковский открывает в моей душе такие невероятные чувства, выливает во мне такие, важные мысли, о существовании которых я раньше и не подозревал». Это признает, записанное его другом — писателем и композитором С. Кадом, тогда еще студентом консерватории, стало основанием на цикл прослушанных пьес из «Времени года» Чайковского.

Писатель Островский это

полки, прежде чем окончательно не останется на рихмановской. Именно ее — по мнению писателя — ищущую и трагическую — могла играть графиня. Могли бы играть комсомольцы, оградившим заложников для обмена их на захваченных польских жандармерий большевиков.

Постоянная атмосфера музыкального окружения стала настоятельной потребностью писателя в годы его болезни, когда он жил в социальном доме, подаренном ему дружелюбием Украины. В нем постоянно бывали и музыковеды писатели С. Кад, скрипка Н. Латинский, пианино Н. Лисинская, С. Хроженко, В. Дуванская, участница квартета имени Вальтера, многолетняя ученица маэстро. Островский с увлечением слушал музыку Грета Шюппа, Бетховена, Глазун, Чайковского, Рахманинова. Ему особенно нравились героические образы Сулякина, князя Игоря, бирюзовые и бело-

Она проследит не только свое впечатление.

— Да, это наша пьеса. — Как жаль, что ее не было у нас, комсомольцев, пятнадцать лет тому назад.

Ему очень понравилась «Орлеан» (музыка В. Белого, слова Н. Шенкина). Слушая ее, он так переживал «Орлеан», особенно товарищ, который не видел, что в устье. И в этих благодарностях подарил В. Дуванский свои книги с надписью: «Товарищу Вере — за «Орлеан»».

С юношеской энергией

«Ленинабадская правда», «Правда его жизни», А. Штейгер, 5 мая 1988 г. Дается в сокращении.

«Какая может быть правда у человека, прожившего восьмидесятилетнюю жизнь?»

У Александра Александровича она мудрая. На восемьдесят первом году жизни энергичен, бодр, неуемен в своем стремлении вмешаться во все, что происходит вокруг, добиться справедливости. Эта неуемность выражается в корреспонденциях, статьях, рецензиях, которые он публикует в нашей газете. В стихах, которые пишет всю жизнь, но редко кому показывает. Название одного стихотворения, прочитанного им у себя дома, «Завет юнцам» точно отражает главную черту его характера — желание поделиться своим опытом и знаниями с другими и по возможности, помочь.

В комнате, где он работает, висит картина, привлекающая внимание каждого, кто придет к гостеприимным хозяевам. В художнике чувствуется божья искорка. Молодой и красивый Александр Хорват, изображенный на берегу моря на фоне известных симеизских скал Монах и Дива, полон энергии и сил. А сама картина, написанная маслом, излучает тихий свет, высвечивая все, что есть в затемненной комнате, — стол, за которым он работает, пианино, за которым отдыхает и набирается сил, книжный шкаф с редкой и справочной литературой, отражающей многообразные увлечения хозяина: живопись, музыка, поэзия, кино, театр.

Черный гранит скал, вздыбившийся над беспокойными волнами, занял добрую часть композиции. Но человек на их темном фоне все-таки на первом плане.

— Таким видит меня дочь Вика, — говорит Александр Александрович, показывая на картину. — Сфантазировала меня с фотографии пятидесятилетней давности. Тридцатилетним приехал тогда отдыхать в Крым из Ташкента. На вершине Монаха делал стойку, долго не решался прыгнуть вниз в море, затем решил, правда, с середины.

...Все характеристики и отзывы о деятельности Александра Александровича появятся позднее, после реабилитации. А в те тридцатые годы над ним, как над морем на картине дочери, на-

чали собираться тучи, и он, репрессированный, был отправлен в магаданские лагеря, а затем в ссылку.

...И там он остался самим собой — влюбленным в жизнь, в музыку, поэзию. И там в меру своих сил и возможностей воспитывал в людях любовь и понимание прекрасного и нестремимую веру в правду и справедливость.

— Вы не трагическая личность, вы — боец! — говорю я ему, прерывая долгое молчание после его самозабвенного исполнения «Песни Сольвейг». — И сейчас я вас вижу таким же, как на картине.

— Конечно, то, что выпало на мой горб, не каждый вынес бы. Но уж очень хотелось дожить до светлого дня. И для его приближения работал, выступал в газетах. Писал всегда. Печатался в «Вечерней Москве», «Правде Востока», «Советской Киргизии», ну, а когда приехал в Ленинабад — в «Ленинабадке».

В Ленинабаде он с 1966 года. Все эти годы — активный внештатный корреспондент, ведет постоянную рубрику «Наш календарь». В ней рассказывает о ведущих мастерах культуры страны — актерах кино, театра, композиторах, художниках, — тех, чья подвижническая деятельность просвещает и воспитывает нас. Не менее ценны его статьи по воспитанию молодежи, развитию художественного вкуса, музыкальной культуры.

В ряду его любимых композиторов Бах и Бетховен, Григ и Прокофьев, особое место занимает Дунаевский.

— Почему? — спросил я.

— Дунаевский — это ясность, чистота, доступность, массовость. Это музыка, которая не может оставить равнодушным никого.

Это же отличает газетные выступления Александра Александровича. Хорват — человек многих талантов. Но главный талант его — несокрушимая, повторюсь, вера в справедливость. В ту, которую он ждал в лагерях и ссылках, в ту, которую он приближал в нашей жизни своими бойцовскими качествами, за которую ратует в газетных выступлениях. Словом, это правда наших дней.

— «Профессор, снимите очки-велосипед, я сам расскажу о времени и о себе, — читает на память Маяковского. А затем: — ...Из Леты выплывут остатки слов таких, как “проституция”,

“туберкулез”, “блокада”. Для вас, которые здоровы и ловки, поэт вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката».

Да, он сам ведет свой рассказ, сам делал свою жизнь, не смотря на несокрушимые, казалось бы, преграды на его пути. И сейчас, садясь за письменный стол для того, чтобы подготовить очередную корреспонденцию в газету, он с юношеской энергией берется за самые трудные темы.

Ну, а завтра утром, вместе со своей верной спутницей Нелей Алексеевной, неизменно сопровождающей его повсюду, он придет в редакцию с этой корреспонденцией, которой редакция рада. Под материалом будет его псевдоним — Т. Рахов».

Кто так пишет?

Я уже 11 лет пребывала в роли внештатника и была счастлива. Само собой получилось, что журналистика стала не внештатным, а моим первым и главным делом. Отец, наконец-то уюровавав в мою «любовь» к «писанине», стал более снисходительным, не пытаюсь меня уже ни от чего отговаривать — слишком поздно, выбор сделан, с пути сворачивать не намерена. Но нет-нет, да задумывался, а как я буду себя чувствовать, если из внештатников надумаю перейти в штат. Правда была в том, что как и всякий творческий коллектив, коллектив «Ленинабадской правды» был непростым. Что ни человек, то личность. Только ответсек Рафаил Маргулис чего «стоил»: интеллигент, талантище, тонкое восприятие мира и умение перенести эту тонкость на бумагу. А Борис Фрейдкин, чьими стихами мы позже зачитывались, а каждый материал подтверждал его неповторимость в умении смотреть «внутрь»? А Валентин Морозов, со своей «крепкой» журналистикой, замешанной на тонком юморе... А Вячеслав Киянский, к сожалению редко писавший из-за невозможности надолго отвлечься от руководства газетой? А Наталья Кутепова, появляющаяся на полосах редко, но метко с талантливейшей лирикой? А Татьяна Палатинская, буквально влившаяся в жанр политический и расследований... Учиться было у кого. Тянуться было за кем. Но и свое хотелось сохранить.

«Память как кусочек янтаря бережно держу в ладонях...» — передразнил показавшимся мне мерзким голосом коллега

А. Меня передразнил, процитировав несколько строк из лирической зарисовки. На общем собрании взял и сказал: ерунда, разве можно так писать, разве может память быть янтарем, разве можно ее держать в руках — это ж неграмотность и извращение какое-то...

Пожалуй, тогда я единственный раз в жизни засомневалась, а тем ли занимаюсь, так ли пишу. Но отца уже не было в живых, и спросить было не у кого. Меня поддержали те, кто в общем-то и не числился в близких друзьях хотя бы по ранжиру.

— Можно, — парировал кратко и сухо бывший тогда редактором Киянский. — И нужно. Человек в процессе поиска, бурного роста, и не уважать эту тяжелую работу никак нельзя. Новита, продолжай дерзать.

И я продолжала свой поиск.

— Можно, но только с большим вниманием относиться к существу описываемого предмета, — сказал Рафаил Маргулис. — Только отточенное слово углубит мысль и украсит текст.

И я старалась вдумчивее и осторожнее обходиться со словом. (К тому времени я, имевшая высшее гуманитарное образование (только ради литературы поступила!), остро почувствовала необходимость продолжать образование. Узнав, что при обкоме партии действует вечерний университет марксизма-ленинизма, без раздумий поступаю на двухгодичный курс под названием «Мастерство публичного выступления».

— Чего ты, беспартийная, там делаешь? — смеялся отец.

— Как чего, — учусь, набираюсь ума-разума, — отвечала на полном серьезе и каждый вечер моталась в «главное здание», оставляя маленького сына в добрых руках мужа).

Нужно. А без этого лирика не лирика, поэзии и вовсе не существует, — сказал Фрейдкин. И читал стихи, «окутанные» образами.

И я продолжала писать свои «стишки», смело напичкивая их тем, что у сухаря-коллеги вызвало раздражение. Со временем чувствовала себя в редакции как дома, журналистов считала почти родственниками, появившихся позже своих «подшефных» студентов — учениками. Себя — состоявшимся корреспондентом. Но отца, его теплой улыбки, ироничного взгляда все равно не хватало. Мне вообще отца «не хватило»...

ЧТО КАЧЕСТВЕННО, ТО КРАСИВО

Продолжение

Ленинградская мебельная фабрика имеет деловую репутацию. Предприятие управляет своей производственной базой в нескольких районах и общестественных элементах. На первом месте отводится секретариату. В этом вопросе производством, отвечает секретариат партийной организации Ю. С. Хасанов, председатель фабричного комитета профессор В. В. Шуруров и главный конструктор Л. А. Флям.

Секретарь партийной организации Ю. С. Хасанов.

— Знать эстетику как науку о красоте — одно из условий промышленного производства. А дело не в слове, а в труде. А наши потребители, — желая цель нашей работы. Надо сказать, что 70 процентов продукции мы отгружаем в столицу республиканской промышленности. Идея и фабрика приобретает все возрастающий спрос. Стремится к тому, чтобы мебель была интересной по стилю, добротной и эстетично оформлена, красива по внешнему виду. Мне кажется, что это и составляет суть нашей эстетической работы. По этим признакам определяем качество работы цехов и трудящихся бригад.

К нам привозят работать

дет, создающие новые модели. При парковом фабричном отделении из специалистов и передовиков производства, контролирующих качество и эстетику продукции выпускаемой продукции. На встречах с нашими заказчиками и покупателями мы прислушиваемся к их советам. Так, мы перешли на более тонкие материалы, обладающие бо-

льшой прочностью и способностью противостоять воздействию влаги. Все это способствует долговечности и хорошему внешнему виду. А также значительной экономии средств.

Наши интервью

Тимашев, или один из инноваторов внедрения в производство разобранного шкафа бригадир Музафар Туруев. Все они не только энтузиасты своего дела, но и хорошие специалисты, если учесть в виду, что эстетический комфорт для людей создается и через красоту окружающих их вещей. Эта специфика производства в разном смысле отражена в работе наших передовиков: бригадир Рахима Собирова, в частности, изготовила малярную краску, в которой использованы материалы, позволяющие избежать появления трещин и отслоения. Это способствует долговечности и эстетичности изделий.

Председатель фабричного комитета В. В. Шуруров. — Что мы представляем себе? Трудно представить себе, что такое производство, которое производит мебель, которая должна быть красивой, удобной, прочной, долговечной, эстетичной. Мы производим мебель, которая должна быть красивой, удобной, прочной, долговечной, эстетичной. Мы производим мебель, которая должна быть красивой, удобной, прочной, долговечной, эстетичной.

Все коллективы трудятся, опережая графики. А также страшно и патристическим отношением к профессии и комсомольской организации. Мы мало делаем по художественному оформлению территории фабрики, наглядно демонстрируя, насколько важно для нас качество продукции. Мы стремимся к тому, чтобы продукция была красивой, удобной, прочной, долговечной, эстетичной.

Главный конструктор Л. А. Флям.

Вопросы технической эстетики полностью сводятся к проблеме культуры производства, культуры организации труда, культуры поведения работников фабрики. Нам уже неоднократно приходилось сталкиваться с коллективной ответственностью, которую мы несем перед обществом. Мы стремимся к тому, чтобы продукция была красивой, удобной, прочной, долговечной, эстетичной.

Этот стол будет отвечать

Девиз: инициатива и творчество

Планово в Москве состоялось Всесоюзное совещание работников культуры. Оно обсудило актуальные вопросы участия культурно-просветительных учреждений в решении социально-экономических задач села, улучшения культурного обслуживания населения в свете решений XXV съезда КПСС, постановления «О мерах по дальнейшему развитию самостоятельного народного творчества». Мы попросили заведующего областным отделом культуры Хусейна Рахимовича Рахимова поделиться своими впечатлениями от этого совещания и рассказать о перспективах улучшения культурно-просветительной работы в Ленинабадской области.

— Всесоюзный форум работников культуры, — начал Х. Р. Рахимов, — шел на высоком уровне. По-деловому обсудил важные вопросы дальнейшего развития культуры на вс. Советско-воодушевленн. С. участником совещания, на котором присутствовали заместитель секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета ХУР В. И. Брезневца, главного заводничий район. В докладе министра культуры СССР П. Н. Демкина привели яркие примеры в фотом, свидетельствующие об огромных достижениях в культурном строительстве в нашей стране, о широком использовании

литического соревнования. Конечно бы, и в наших условиях мы стремимся к столь же четкой и ясной цели. Но было чему поучиться, если говорить о стиле клубной работы.

Клуб стал вторым домом молодежи. Чтобы достичь такого эффекта, нужно много трудиться. Такой самоотдаче любому делу надо пожелать многим руководителям наших клубов.

Мы познакомились также с музей истории комсомола и молодежи Красной Пресни. Его организаторы — пионеристы. Музей ставит своей задачей передать полноценная молодежи революционные, боевые и трудовые традиции партии, коз-

атр имени А. С. Пушкина постоянно укрепляет связи с самостоятельными коллективами, то другие театры в этом плане делают меньше.

Одним из путей повышения эффективности работы культпросветучреждений является их централизация. Она уже проводится в системе наших библиотек. В следующем году мы собираемся провести ее среди всех домов культуры и клубов Ура-Тюбинского района, невзирая на их ведомственные различия. Практически это предполагает продуманную разработку комплексного плана их деятельности. Финансовая база центрального клуба образуется из всех поступающих в преиде ассигнований на проведение культмассовой работы. Его совет, руководство и методисты из числа квалифицированных специалистов должны обеспечить высокое качество проводимых мероприятий, массовость и политическую направленность в свете решений партии и правительства о подъеме культуры села. Это станет первым этапом в освоения передового опыта, уже

работы, для отдыха молодежи, труженников села. К сожалению, этого нельзя сказать о многих других культурно-просветительных учреждениях. Для всестороннего делового решения важных вопросов развития культуры на селе в свете решений партии и правительства необходимо объединить усилия партийных и комсомольских организаций, профсоюзных и жилищных Советов, специалистов города и сельской интеллигенции.

Необходимую помощь здесь должны оказать и работники областного отдела культуры.

Вскоре мы проведем районные активы культурработников, где будут обсуждены все важнейшие решения партии и правительства о развитии культуры села, образование по всем работникам культуры и искусства, принятое на Всесоюзном совещании. Для активы культурработников проведем в текущем году девять семинаров. В феврале пройдут творческие отчеты театров, на которых будут определены конкретные формы и методы работы.

Когда не очень-то верилось в исполнение мечты, доставала позолоченные часы (за победу в конкурсе «Лучший репортер 1995 года»), раскрывала удостоверение члена Союза журналистов. Ага, так и есть, это я. Знал бы папка, порадовался. Или — нет? В любом случае он бы остался моим первым и главным учителем.

Он никогда не писал о политике. Для него стержневой фигурой был человек, его внутренний мир (сфера духовных интересов) и то, что он создает. Для меня главными темами стали социум, экология, духовность и творчество. «Добавка» — только по заданию. Имею в виду политику, в которую добровольно — ни ногой. Грязь...

Философское отношение к жизни, почестям, достатку и славе (перенятые от отца) помогают обходить стороной скользкие тропки, ведущие к карьере «через себя» и устоявшиеся принципы. Главное в нашей профессии — сохранить свое «я» и не давать повода упрекнуть журналистику в продажности и проституированности.

Занимательные «мелочи»

Как много узнала от отца. Как много можно узнать интересных «мелочей», подробностей при подготовке материалов про тех же музыкантов... Делюсь.

Писатель и дипломат А. Грибоедов стал очень популярным композитором благодаря всего двум дошедшим до нас музыкальным произведениям — двум вальсам (вальс ми минор и вальс ля-бемоль мажор).

Жизнь композитора Чюрлениса закончилась в частной клинике для душевнобольных.

Композитор Игнацы Ян Падеревский был премьер-министром Польши, Верди был депутатом, Берлиоз и Вагнер участвовали в революциях.

Среди советских композиторов также встречаются герои Социалистического Труда, например, Кабалевский.

Композитор-догматик и философ Юрий Ханин, кроме того, является писателем, художником, ботаником, пианистом.

У Эдварда Грига (новержский композитор) от рождения не было правого легкого и сердце сместилось на его место. Это было обнаружено после смерти композитора.

Лев Толстой и музыка

В детстве играл Бетховена, Шумана, Шопена, Чайковского. До нас дошли музыкальные сочинения Толстого, которые свидетельствуют о его его незаурядном композиторском даре.

Написал рассказ «Люцерн» — про музыканта, художника и бродячего певца.

Произведение «Крейцера соната» (Соната Бетховена, посвященная скрипачу Р. Крейцеру) появилось после достоверного случая. В Ясной Поляне гостил художник Илья Репин, писавший портрет Толстого. Кто-то из гостей наиграл за роялем «Крейцерову сонату». Узнав бетховенскую музыку, Толстой предложил Репину:

— Давайте и мы напишем Крейцерову сонату. Вы — кистью, я — пером, а актер Василий Андреев-Бурлак будет читать ее со сцены, где будет стоять ваша картина.

Фредерик Шопен

Баловень аристократических салонов, владелец превосходных манер. С 20 лет — вечный эмигрант. Любил Баха, Моцарта, не любил Бетховена. Писал стихи, пьесы, хорошо рисовал (особенно карикатуры)

Первая любовь несчастлива — браку с полькой Марией Водзиньской воспротивились ее родители.

В 28 лет влюбился в эксцентричную, по-мужски жесткую, но обаятельную одновременно 34-летнюю баронессу Дюдеван — Жорж Санд. Из-за болезни легких после 1848 года не имея сил давать уроки, принимал щедрую помощь от шотландской почитательницы Джейн Стирлинг. По завещанию сердце Шопена перевезено в Варшаву, которую он не забывал никогда. Тоска по родине выражена в известном «Полонезе». Умер в 39 лет. После его смерти найдена пачка писем — переписка с Марией. Единственный портрет Шопена написал Делакруа.

Бетховен

Не любил слушать чужую музыку, боясь нанести ущерб своей оригинальности.

Вечный «одиночка». «Лунную» посвятил любящей его девушке и своей любви, которую в посвящении назовет графиней Джульеттой Гвичарди. Через 10 лет ответит взаимностью Беттине Брентано.

Умер во время грозы. Поднял руку со сжатым кулаком со время вспышки молнии со страшным грохотом, опустил вместе с последним вздохом.

Завещание написал молодым, назвав его Гейлигенштадским.

«О вы, люди, считающие или объявившие меня озлобленным, упрямым или мизантропом, — как вы несправедливы ко мне. Вы не знаете тайной причины того, что я вам кажусь таким... подумайте только, вот уже шесть лет, как меня поразила неизлечимый недуг...

...случаи приводили меня на грань отчаяния, недоставало малого, чтобы я покончил со своей жизнью. Только искусство удержало меня».

Если бы в музыкальной школе на уроках музыкальной литературы не ограничивались требованием запомнить перечни произведений и даты, а рассказывали о композиторах «человечно» и «занимательно», почаще прослушивали произведения в исполнении виртуозов, — наверняка многие дети не считали бы себя жертвой «родительского выбора» и не относились к учебе формально.

Часть 9. МАСТЕР-КЛАСС

В искусстве требуются не просто мысли, а «осердеченные» мысли.

К. Станиславский

Возвращение в музыку

Бывших музыкантов не бывает. Потому музыкальная «струна», столь уверенно проходящая через жизнь отца, превратившаяся в пунктирную в не лучшие для него времена, и внезапно оборвавшаяся после ареста, вновь «завучала». Как и когда это произошло?

Из воспоминаний отца

«Мороз был за 60. Воздух шуршал, как в горло открытой бутылки. Я в стилом помещении, в перчатках с обрезанными пальцами (а иначе и нельзя) играл «Баркаролу» Чайковского. Накануне имел несчастье быть очень обнадеженным после хорошо показанного концерта на открытой сцене ДК Усть-Неры. Почему-то в этот миг мне представилось, что в звуках «Баркаролы» вдруг зазвучало «нечто», точное значение которого трудно было определить. Но оно приговаривало к чему-то... Это было похоже на «предвестие»... То ли некий рок приговаривал меня к увековечиванию того, что со мной стало... Либо что-то намекало на какое-то просветленное начало, чего я давно желал всей душой.

Спиной почувствовал чье-то присутствие.

Да... И вот я ощутил за спиной слушателя — немного свидетеля моих действий, мыслей... Оглянулся. Это был капитан Быков — начальник нашего Усть-Нерского отдела заключенных.

Он участливо спросил:

— Чайковский?

— Да.

— А знаете ли вы, — продолжил он, — что этот композитор способен обогащать души людей не только печальными эмоциями?

Я обернулся на вопрос, и встал, как говорится, в выправку.

Быков улыбнулся:

— Отставьте. Поиграйте, пожалуйста, еще.

И долго слушал, как Чайковский «ломал», «топил» холодные глыбы воздуха за окном, корочку льда в помещении, наши сердца...

— Товарищ, отныне мы с вами так и должны общаться. Договорились?

Это был первый переломный момент в моей душевной жизни.

... Лагерь. Колыма. Я культорг лагеря.

Мой товарищ капитан Балтийского флота. Высокий брюнет, года 32, красавец по наружности. Но его проиграли в карты уголовники лагеря. И когда мы спали в одной «кабине», где жили вместе, ему ночью отрубили топором часть челюсти.

Не удалось убить как было задумано, потому что он невремя шевельнулся во сне.

Это я запомнил также ярко и точно, как свою первую привязанность к поразившей меня девушке.

После этого мрачного события последовало то, что стало придавать моей жизни новое качество...

Друзья из учетно-распределительного сектора (УРС) сказали, что на меня есть наряд от политуправления Усть-Неры, для работы по моей специальности. И этому предшествовало непредвиденное обстоятельство...

Я работал в забое после нарушения правил поведения лагерников, которые не имели права свои естественные потребности справлять вне пределов отведенной зоны. Я это нарушил. И Душевский, начальник лагеря, поймав на этом «проступке», отправил меня на самые тяжелые работы в забой. Там меня и увидел Волков — главный инженер участка. Как-то он подошел, и сказал:

— Александр Владимирович! Очень прошу, чтобы вы были участником моей встречи с моей женой в моем доме. Особенной встречи. Я знаю из вашего личного дела, что вы музыкант. И мне, как вокалисту, было бы приятно встретиться с вами у фортепиано. Хочу сделать жене подарок. Я попробовал бы спеть арию Игоря из одноименной оперы Бородина.

Это было огромной неожиданностью за все эти годы моего презренного существования как врага народа. Конечно, я был у Волкова вовремя. За восемь лет моего лихолетья я был впервые удовлетворен вниманием и радушием людей, которые понимали, что к чему и ценили музыку.

Около двенадцати часов, когда сопровождал Волкову его коронную арию, раздался стук в дверь. Взволнованная жена Волкова вышла открывать. Ее спросили:

— Заключенный у вас?

Можно было ответить только честно:

— Да.

Вошла вооруженная охрана, меня «взяли» из квартиры Волкова... По распоряжению Душевского направили в так называемые «козлы».

Что это такое? Это когда руки и ноги «провинившегося» связываются вместе, и испытуемый лежит на своем животе, а перед его носом — чадный дым от заженного бушлата...

Зло, добро и случай так удивительно переплелись тогда... Когда у Фишмана обрезали пол-челюсти, я был вызван в Усть-Неру, но начальник политуправления Душевский меня не пустил. Он никак не мог простить моего «альянса» с инженером Волковым. Ну, я и бежал. 270 верст прошел... Прибыл в Абаканский район, пришел в горком комсомола, и сказал секретарю:

— До какой меры будет издеваться так называемая Советская власть над своими гражданами?

Сначала он меня не понял. Это был Юшков, откомандированный на работу из Ленинградского комсомола. Он запер дверь, а потом спросил:

— Объясните, что происходит? Неужели мы, комсомольцы, обманываемся в борьбе с настоящими врагами народа? Кто ваш отец?

— Хорват Александр Александрович. Герой труда, Заслуженный врач Узбекской ССР...

Он подумал и спросил:

— Ну почему же вы здесь?

— Потому, что я сын... белого офицера, генерала Хорвата.

Вскинув брови, он снова спросил:

— Вы что — шутите, или мелете чепуху?

Я все рассказал.

Разобравшись, он сказал:

— Не представлял, что такие метафорфоры будут происходить в советской России...

Ну так вот, после всех злоключений моя жизнь и поменялась. Если до этого меня использовали для проведения концертов, посвященных «красным датам» или личным юбилеям лагерных начальников, теперь же предложили организовать в Усть-Нере детскую музыкальную школу. В ней нуждались не только дети лагерных начальников, и но и ребяташки поселка. Разумеется, я с энтузиазмом взялся за это дело. А пока школа строилась, занимался с детьми в Доме культуры. Там же получил возможность заниматься самому достаточное длительное время, но теперь уже никто не имел права мне «мешать».

Так вот и случилось мое возвращение в музыку. Во многом именно она вызволила меня из разряда бесправных рабов, а может даже и жизнь помогла сохранить».

Ученики. Наташа Моисеева

Девчонка была прелесть: пухленькая, белокожая, с пшеничного цвета косищей, пышущая здоровьем и весельем. Постарше меня на несколько лет, а потому уже в большем преуспевшая. Закончила музыкалку, задумалась о выборе будущей профессии: по музыке дела шли хорошо, но столь же хорошо они шли и по другим предметам. Круглая пятерочница легко рассказывала об учебных достижениях отцу, когда тот из года в год, всегда в один и тот же сезон — летом — приезжал в Коканд с «настроечной» программой. Она вообще все делала легко, без комплексов, задорно. И была любопытна.

— Александр Александрович, как стали музыкантом? — интересуется Наташка, пока отец раскладывает инструменты

рядом с пианино. И буквально засыпает вопросами: — Вы наверняка музыку очень любили? А за что любите музыку? Какие у вас любимые композиторы? Почему?

Отец, уже надевший ключ на колок, и начавший «пытать» спустившую струну, выпрямился. В его глаза чайного цвета в упор и с неделанным интересом смотрят глаза-васильки ученицы. Отчего ж не ответить?

Неспешно прикуривает (в этом доме ему разрешалось все, даже в гостинной «дымить»), присаживается на стул, закидывает ногу на ногу. Смотрит на Наташку так, как частенько смотрел на меня — голову чуть набок, добрая улыбка, испытующий и чуть ироничный взгляд. Мне понятно, что отцу тяжело, выудив из глубин памяти целый «музыкальный пласт», «отщипнуть» нужное этой девчонке.

— Музыка ... Это подлинная красота человеческой души. Она возвышает ее. Ты понимаешь, о чем я?

— Да -да...

— Музыка способна влиять на умы людей, на настроение, на их планы, поступки, а в итоге на жизнь. Только две вещи в жизни могут очищать человека — музыка и любовь. Под влиянием музыки мы стараемся стать лучше, чем есть на самом деле...

После затяжной паузы чуть притихшая Наташка напоминает:

— А фортепино когда увлеклись?

— Сызмальства. Хотя, как и многие мальчишки, желающие стать настоящими мужчинами, бредил спортом. Занимался с утра до вечера. Достиг неплохих результатов для своего возраста...

— И все-же выбрали музыку?

— И все-же.... Хотя считаю, что профессия пианиста относится к той категории, о которой американцы говорят — The winner takes all — победителю достается все. На деле это означает, что лишь единичным представителям этой массовой специальности действительно удается достигнуть уровня суперзвезд с сопутствующим ему богатством, успехом, блестящим образом жизни. Остальные занимают либо педагогическую, либо любительскую нишу. В искусстве, как и в судьбе — каждому свое. Ты вот тоже выбрала музыку. А почему?

— Я ее люблю. Вы же сами сказали — это как душа.

Отец тушит папиросу, садится за фортепиано и начинает играть что-то очень простое, грустное и красивое, похожее на плач.

— «Болезнь куклы»! — угадывает Наташка. — Это же из «Детского альбома» Чайковского. Вы любите Чайковского?

Я всегда удивлялась, как отцу удается играть «вслепую» — не глядя на клавиши, изредка бросая реплики. Вот и сейчас он так играет: глаза потусторонние, как будто не здесь, а где-то. Молча играет — продуманно, прочувствованно, чуть замедленнее «техничного» исполнения ведущих исполнителей (что на грампластинках), чуть уходя в сторону от «путеводителей» над нотами. У отца всегда была своя интерпретация музыкального материала. Когда последний звук растаял в тишине, спрашивает: — Как это можно не любить? Как можно не любить Чайковского? Он мне особенно близок.

— А чем, Александр Александрович?

Я, третий, но не лишний в их разговоре, заморожена звуками, «плакала» вместе с куклой, с ее «родителями», желала скорейшего выздоровления. И с интересом ожидала продолжения разговора.

— Чайковский мне особенно близок. Благородной простотой своего языка, напевностью произведений, величавой мощью фортепианных концертов и симфоний. Его музыка как бы вскрывает самые сокровенные и глубокие пласты человеческих чувств. А часто она организует и направляет человеческие поступки. С Чайковского началось мое приобщение к фортепиано. Став зрелым музыкантом, понял, почему увлажняются глаза ребят при исполнении «Болезни куклы», почему мечтательно затихает класс малышей, слушая «Сладкую грезу», почему оживленно в такт ритму постукивают пальцы ребят при звучании «Неаполитанской песни». В его музыке есть душа.

Чайковский предельно искренен. Народная распевность его мелодий всегда задушевна и глубоко эмоциональна. Гениальный дар композитора и великого кудесника гармонии и инструментовки никогда не заслоняет яркой идеи произведения. В этом могучая сила его музыки...

Семейный совет

Музыкальный ликбез окончен. Отец берет в руки настроенный ключ и подцепив «больную» струну медиатором, прислушивается к ее «голосу» — выше, еще выше, есть тон! И так — три с половиной часа. Никаких камертонов: у отца почти абсолютный слух. По окончании работы приглашает Наташкину мать «принимать работу». Приемо-сдаточная программа превращается в домашний концерт: Чайковский, Бетховен, Шопен... Не густые, но горячие аплодисменты — Наташка, ее мать, бабушка (и я заодно) отбиваем ладони:

— Еще, еще!

Так будет длиться достаточно долго: Григ, Брамс, Рахманинов...

— Теперь ты, — отец приглашает к инструменту Наташку.

Та чинно садится, как всегда уверенно кладет руки на клавиши (всегда завидовала ее спокойствию у пианино!), и так же уверенно начинает с ними «разговаривать».

Моцарт. Работа сдана. Работа принята. Работа оценена (аплодисменты, плюс гонорар 20 рублей).

Только сейчас мы замечаем, как вкусно пахнет в гостиной: на стол спешно водружаются борщ, жаркое. Из духовки вынимается ароматное печенье, из буфета — графинчик с вином (отец не признает водку-коньяк).

— Папка, не пей, — дергаю его за пиджак. — Только одну рюмочку, ладно?

— Викуля, оставь отца в покое! Он славно поработал, дал такой великолепный концерт, — заслужил отдых и расслабление, — заспорили мать Наташки и ее бабушка. — Александр Александрович, угощайтесь — все с пылу с жару. продегустируйте хотя бы!

У искренних людей (а Моисеевы были именно такими) отец никогда не отказывался от хорошего вина и домашнего обеда. Первую рюмку гостеприимные хозяева предлагают за отца. Последний тост предлагает он:

— За Наталью — будущего блестящего музыканта.

Никто не упился. Никто не забыл, ради чего собрались: сделали хорошую работу, поговорили об искусстве, поделились новостями, обсудили книжные новинки. Потом и к главному

делу (так его обозначил отец) подошли — разговору о Наташкином будущем.

— Вашей дочери, — обращается отец к матери Наташки, — просто необходимо продолжать учебу музыке. У нее отличные данные, она настырна — а это в музыке не последнее дело. Словом, ей следует готовиться к поступлению в музыкальное училище.

— Да, но в Коканде нет такого училища, — принялась рассуждать Моисеева-старшая.

— Музыкальное училище есть в Ленинабаде. Это близко и удобно. Если дадите принципиальное согласие, берусь составить для Натальи экзаменационную программу, стать репетитором. За обустройство дочери можете не волноваться — пока проживет у нас, после ремонта общежития переберется туда. Это удобно — жилые комнаты находятся в здании училища. Удобно и в другом плане: за Натальей будет надзор, она всегда может прийти к нам, обратиться в случае чего за помощью.

На том и порешили.

Уроки

Проанализировав все «за» и «против», семейные возможности, решили: Наташка будет учиться в Ленинабаде. Через неделю отец подобрал абитуриентке программу — три разнохарактерных произведения, в том числе Эдварда Грига, «Музыкальные картинки», Сергея Рахманинова. Через неделю Наташка с бабушкой перебралась к нам: гостей разместили в зале (бабушка спала на диване, внучка — на раскладушке). В «двушке» стало тесно, музыкально и очень весело. Моисеева-бабушка поднималась наравне с отцом (в 5.30 утра): пекла великолепные плюшки, управляясь за считанные минуты, отец пил крепкий черный чай. К 8.30 была готова и Наташа (она вообще была очень дисциплинированная девочка). Тоже завтракала — и к пианино. Данные — данными, техника — техникой.

— Ты пойми, — говорит отец, останавливая ученицу осторожным прикосновением руки к ее кисти. — Что здесь важнее — техника или мысль, чувство?

Наташка пыталась быть честной, но у нее не получалось с четким ответом: с одной стороны, на любом экзамене в числе

первых оценивается именно техника (а без нее нет истинного исполнительства), с другой — без чувства музыка превращает музыканта в робота.

— Ты же не хочешь уподобляться натренированному зайцу, которого выучили стучать барабанными палочками, так ведь? — вопрошал отец.

— Ну да... Только ведь сначала наверное надо зазубрить партию, а потом уж работать над выразительностью, — говорит решительная девчонка, превратившаяся в расстроенную мямлю.

— Зазубрить ... Потом... — передразнивает отец. — Давай договоримся так: до тех пор, пока ты не проникнешься музыкой этих великих композиторов, не будешь ничего «зубрить».

Проникнуться отец предложил способом, проверенным на многих учениках: поставил пластинку с концертом Рахманинова в исполнении Вана Клиберна. Потом сам проиграл. То же самое проделал с Григом. Пригласил Наташку с нотной партитурой:

— Слушай музыку и одновременно следи за указателями.

Ученица внимательно подмечает и приходит к выводу: «пластиночное» исполнение неукоснительно следует указаниям партитуры, тогда как отец играет по-своему. В этом такте написано «Очень быстро», — отец же несколько замедляет. Там где предлагается фермато, порой удерживает звук на полтора-два такта.

— Но как же так, — удивлялась Наташка: вы играете одно и то же по одним нотам, а получается по-разному? Если честно, кое-где мне ваша игра больше нравится, она как бы прочувствованней.

Бездушный метроном

Игра отца и мне всегда казалась прочувствованней. Я давно пришла к выводу: проникать в сердце музыкального произведения отцу помогал богатейший жизненный опыт, глубокая эмоциональность и даже шестое чувство. Еще я давно считала, что художник, будь то живописец, поэт, писатель, скульптор, должен быть несчастен. Может быть даже глубоко несчастен. Только тогда он может творить неповторимые произведения, в том числе и в исполнительстве. Такого было мое убеждение.

И пример отца как нельзя лучше доказывал это. Сложись его судьба по другому, мог бы ли он так проникновенно чувствовать и отображать музыкальные истории, не ограничился ли бы первейшей обязанностью — быть техничным? И тогда бы дань механическому убила суть музыки, биение сердца. И тогда бы мы слышали только «произведение, совпадающее с метрономом. Так-так-так-так, звучало бы в наших ушах.

О, как же я ненавидела этот метроном! Помнится, в начальной стадии моего обучения отец, уставший от моих «выплесков» из «берегов» конкретной пьесы, где-то достал и водрузил на фортепиано этот самый прибор. Он был способен только на одно — производить количество тактовых долей времени на слух. Как говорилось в аннотации — служить вспомогательным прибором для установления точного темпа в музыкальном произведении. За маятником расположена шкала, по которой устанавливается частота ударов. Меня же этот маятник, заключенный в деревянную пирамидку, доводил до иступления: эмоции и... механика? Также несовместимы, как музыка и математика, — возмущалась я вслух. Отец улыбался: математика имеет большую связь с музыкой, чем ты думаешь. Ну да, конечно, один размер чего стоит: две четверти, четыре четверти, восьмушка, четвертушка, шестнадцатая. Но большего сходства с ненавистной мне математикой, большего сближения музыки со счетом мне не представлялось. Я так и не смогла играть под бой маятника.

— Придется придумать что-то другое, — сказал отец. И переключился на... стихи. — Вот, слушай: Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь / Его лошадка, снег почуя, плетется в гору как-нибудь... Повторяй вслух.

Повторяю : «Зи-ма. Кре-стья-нин, тор-жествуя... На дровнях об-новляя путь...»

— И что? — прерываю сама себя. — Что это доказывает?

— Чувствуешь ритм стиха?

— Ну ...

— Как, по-твоему, что к нему подходит: две четверти, три четверти?

— По -моему, ни то, ни другое...

— Ну смотри, если ты этот стих станешь читать по-иному, это будет уже не Пушкин. Попробуй, убедишься сама.

Пробую . Читаю по-своему. Убеждаюсь еще раз, что права в своем настырстве: ни в поэзии, ни в музыке не может быть никаких математических законов-формул-обязательств.

— Музыка — это... состояние души. Эмоции. Как их можно запереть в клетку...

— А никто и не собирается запираить, просто существуют определенные правила. Ты неисправима... Твоей бы настырности, да лучшее применение!

— Я же не хочу уподобляться зайцу, научившемуся четко бить барабанными палочками...

— Свободолюбива ты, дочь, — только и сказал отец. — Почти строптивая. Но в музыке, как и в любом виде искусства обязательна дисциплина.

Я была согласна только с одним: без дисциплины не добиться успеха, в частности, в исполнительском мастерстве. Не более. Тут, на мой взгляд, у меня был порядок: ежедневно по полчаса гаммы, полтора часа работа на заданным музыкальным материалом, а при необходимости и все три часа. Это жесткая норма. Больше меня никто не заставлял «заковывать музыку» (читай, мои эмоции) в корсет, и я успокоилась. Позже чувство ритма пришло само, просто оно созрело во мне. Но даже и тогда, я видя в нотах фермато, задерживала паузу на пару тактов, или растягивала рекомендуемые форшлагги, напоминающие трели чуть замечтавшейся птицы... Мне это было ближе. Думаю, и отцу — тоже. Иначе бы музыка в его исполнении точь-в-точь копировала ту, с пластинок. Но даже Наташка заметила разницу. Так если отец (отец!!) давал за инструментом волю свободолюбивую, собственной трактовке материала, отчего я должна себе в этом отказывать? На том гостевание метронома в нашем доме закончилось: больше ужасная пирамидка никогда не смущала моего взора.

Студентка

Через три месяца упорных занятий Наташка поступила в музыкальное училище, сдав экзамены на отлично. Первым, с кем поделилась своей радостью, прибежав домой — был мой отец, потом уж ее бабушка. Победу Моисеевы-Хорваты отметили вместе.

— Александр Александрович, спасибо вам огромное за все, что сделали для нашей дочери!

— Это она сама сделала, — только и ответил отец.

А на четвертом году занятий, уже зрелая студентка так ответит на вопрос корреспондента «Ленинабадской правды» о музыке Петра Чайковского, прозвучавшей на 6 международном конкурсе его имени в Москве:

— Музыка... Это подлинная красота человеческой души. Она возвышает ее, облагораживает поступки, пробуждает в человеке стремление стать лучше, чем он есть.

Мне особенно близок Чайковский. Чем? Благородной простотой своего языка, напевностью произведений величавой мощью фортепианных концертов и симфоний. Его музыка как бы вскрывает самые сокровенные и глубокие пласты человеческих чувств. А часто она организует и направляет человеческие поступки.

Никогда не забуду одного эпизода из своей школьной жизни. Неожиданно для себя получила двойку по математике, хоть всегда училась на отлично. Расстроенная, вернулась домой, где не находила места. Села за инструмент, машинально перелистывала фортепианный альбом Чайковского. Пьеса «Апрель» из «Времен года» была учебным заданием по музыкальной школе. Стала проигрывать ее среднюю часть. Для меня она была трудноватой по технике.. Потом вернулась к основной теме, красивой и нежной, как акварельный пейзаж. Он всегда мысленно дорисовывался в моем воображении, как сказочный луг на берегу спокойного озера с хрустально-чистой водой. Поставила на место мои расстроенные чувства и нервы. А когда вернулась к своей письменной работе по математике, легко нашла ошибку, с отличным настроением решила и внеплановую задачу на следующий урок.

Из участников конкурса особенно захватил Михаил Плетнев. Своим исполнением он просто поражает слушателей. Играет мужественно, энергично, с такой увлеченностью и блеском, что каждому из его слушателей, вероятно, хотелось стать таким же мастером в своих делах!

Еще через пару лет Наташка поступит в консерваторию, станет студенткой. Потом и педагогом. Сейчас ее следы затеря-

лись. Как прав был отец, «прочитав» в девчонке с васильковыми глазами будущую серьезную пианистку. У него был талант чувствовать дар на расстоянии, — еще только на подлете к человеку — и придавать ему соответствующую огранку.

Забраковали...

Как ни странно, дочь музыканта стала ученицей ой как поздно. По какой-то нелепой случайности с первым учителем музыки мне не повезло сразу. Как вспомню, так вздрогну...

Отец приводит меня во Фрунзенскую музыкальную школу. За фоно сидит женщина сурового вида. Того сурового вида, который прилипает к челу только в двух случаях — когда педагог не любит детей или устал от своей работы. Отец представляет меня учительнице, что-то объясняет, та морщится: — Сама разберусь, выйдите, пожалуйста!

Разбиралась педагогиня недолго.

— Покажи руки.

Показываю.

Высокомерно бурчит:

— Кто же с такими короткими пальцами в музыку лезет?

Чувствую, что не глянулась, прячу «ручонки» за спиной.

— Ну, что насупилась? Садись к фортепиано. Положи руки на клавиши.

Вскарabкиваюсь на стул. Ноги повисают над полом, заставляя терять опору. Клавиатура на уровне носа, поэтому когда ставлю руки на клавиши, и они выше носа.

— Н-да уж... — выговаривает многозначительно учительница. — Что-нибудь знаешь?

Что-нибудь я знала, но была как парализованная.

Педагогиня вызывает отца, предлагает мне выйти из класса. Дверь закрыта неплотно и мне слышно, о чем они говорят.

— Вашей дочери трудно будет достичь успеха в занятиях музыкой.

— Вот как? Как же вы это определили?

— У нее короткие пальцы. С такими руками в музыке делать нечего. Во всяком случае, хорошей пианистки из нее не выйдет.

Что там было дальше, не знаю: отец плотно прикрыл дверь и вышел из класса минут через десять — красный и злой.

— Значит так: буду сам заниматься с тобой дома. Не расстраивайся.

Я поняла: музыкалка «плакала». И чуть не плакала сама: от обиды, унижения и еще чего-то необъяснимого, полегшего осадком в моей детской душе.

Будь взрослой, сказала бы — меня «опустили», забраковали, поместили вторым сортом, признали профнепригодной к пианизму по внешним признакам. Но я была маленькой девчонкой и придя домой, просто долго разглядывала пальцы.

— Ну что ты в самом деле, нос повесила, — мягко сказал отец и заглядывая в мои мокрые глаза, успокаивал. — Никакие не короткие. Хорошие маленькие ручки моей любимой дочки. Дай руку.

Берет нежно, перебирает мои пальцы — один, два...четыре, пять — полный порядок!

— Но ведь... короткие...

— Это не беда. Это для музыканта важно, но не самое главное. Смотри, у тебя достаточно широкая ладошка, прекрасные растяжимеждупальцами, они то и дают определенные преимущества исполнителю, нивелируют другие недостатки. Все в порядке. А главное... Знаешь, что главное?

— Что ?

— Давай поиграем в игру. Отворачивайся. Найди ноту, которую услышала. Еще. Верно. Простучи точно также, как я: там-там, там-там-там. Хорошо. А это: там, там-там-там-там, там-там. Правильно. Усложняю: там-там, там, там-там-там, там, там-там-там, там, там. Молодчина. Вот это и есть главное. С музыкальной памятью и слухом полный порядок, чувство ритма хорошее. Есть и художественное восприятие музыки. Значит толк будет. Надо только заниматься, укрепляя специальными упражнениями слабые пальцы, а у тебя это мизинец и безымянный.

Что называется — почувствуйте разницу между двумя педагогами. Чтобы учить, надо иметь талант: самому знать, уметь (желать) передать это другому.

К вопросу о физиологии

Со временем я узнала, что доля логики в методике определения профпригодности той педагогини была, но не львиная. Вот что по этому поводу считает наука. Физиологические школы Павлова, Орбели, Быкова в частности, считают, что основы и «корни» фортепианной техники таятся в мозгу, в его моторных центрах. Что так называемая «техническая способность» зависит, главным образом, от природных и развитых нервно-психических данных пианиста. Однако и чисто физические данные организма — размер, форма и свойства руки, общая выносливость и мускульная сила имеют значение. Исключительно «выгодные» по пианистическим данным руки имел Ван Клиберн. Исключительно «невыгодные», маленькие руки — Генрих Нейгауз, но это не помешало ему приобрести имя. У счастливчика Антона Рубинштейна была «львиная лапа». Рахманинов и Горовиц были обладателями могучих и мягких ладоней. Цепкую и «прочную» конструкцию рук имел Гилельс.

Играть выучилась, но Шопена так и не осилила.

Шопен отличался общей физической невыносливостью. Мыскульной слабостью рук, особенно правой, страдал Скрябин. Игнорировать эти особенности пианистического аппарата невозможно. Но не они главные. И их можно исправить.

Кроме физических ценны ценны нервно-психические данные. Не обойтись без выносливости. У отца, кажется, врастающего в инструмент на долгие часы, она просто удивительна. Его руки в строгом понимании тоже не были созданы для фортепианной игры: невелики. Но поражали пружинистость, растяжка, гибкость, меткость. Во многом «добытые» с помощью длительных специальных упражнений, в том числе и на укрепление пальцев, в частности, безымянного и мизинца.

С листа отец читал свободно. Сохранял постоянную готовность ко всем известным в фортепианной литературе видам пианистической техники. Поэтому каждое новое произведение почти не представляло для него проблемы. Осваивалось в чисто техническом отношении столь же легко и быстро, как и в художественном. Известно, что Ференц Лист считал основным показателем пианистической техники способность легко и свободно исполнять именно незаученные виртуозные произведения, а Ферруччо Бузони требовал такой технической оснащённости пианиста, чтобы никакая новая пьеса не могла уже поставить перед ним новых виртуозных задач. Но как бы не давалось легко исполнение, отец особо «заковыристые» моменты отработывал, отработывал и отработывал. Эпизодами. На мой тогдашний взгляд — долго и нудно. Ещё и ещё, даже если уже получалось, как мне казалось. Фантастическая работоспособность... При все том отец никогда не занимался последовательно специальными упражнениями по всем видам фортепьянной техники, как это делали, например, Годовский или Бузони. Его техническое развитие следовало как бы по пятам за его художественным развитием. Во всяком случае, оно никогда не приобретало самодовлеющего значения.

Когда-то я наивно полагала, что виртуозность и техника — одно и то же.

Ан нет. До сих пор в ушах звучат слова отца: «Музыкант — не спортсмен, обязанный выдать рекорд, не размалеванный актер, брызжащий эффектностью. Умопомрачительный темп,

громкость, ловкость — акробатическое трюкачество на клавишах не имеют ничего общего с содержательным пониманием виртуозного пианизма. Подлинная виртуозность тесно связана с эмоционально-смысловой целью, и является следствием образно-звуковых представлений пианиста».

Главное в музыке не «что», а «как»

Отец не был сторонником показушного артистизма: не откидывался на спинку стула, не взмахивал театрально руками над клавиатурой, не ронял после финала руки на колени, не тряс головой, не подпрыгивал над стулом. Внутренний накал — да. Как бы ни были стремительны его «перебросы», скачки (которые требуют точности, меткости, легкости и свободы), как бы они ни были эмоциональны в исполнении скажем, «Кор-

Индивидуальные занятия с аккомпаниатором ансамбля аккордеонисток.

довы», «бурной» части 14 сонаты Бетховена, в «Свадебном шествии в Трольхаугене» Эдварда Грига, — испанские мотивы звучали мелодично, музыкальная мысль Бетховена «качалась» волнами, а шествие (*Tempo di marcia un poco vivace*) — величаво-торжественно. Интеллигентная вдумчивость, — вот что отличало его интерпритацию напечатанного в книге материала. Может потому и отдавал предпочтение лирическому, романтическому. Как вздох — «Поэтические картинки» Грига (*Allegro ma non troppo*) — первая часть. Как раскручивающаяся мягкая пружина *Allegro cantabile* (*poco strind, poco string!*) — вторая и последующие части. Расслабленная рука, гибкая, но достаточно властная, мягкое *forte*, нежнейшее *piano*, вкрадчивый, невзирая на нарастающий динамизм и быстрый темп финал... Его игру можно было слушать часами и не уставать. Как не уставал, казалось, он. Слегка ссутулившись, не глядя в ноты (все давно наизусть, «бумажки» на пюпитре — дань издателям, традиции), глубоко задумавшись кажется о чем-то своем, сокровенном, взгляд « в себя» или чуть выше фортепиано, вбок, иногда глаза прикрыты... Как можно так играть, не могла бы представить, не видя своими глазами, не слыша своими ушами.

«Хрустально» звенел «Танец Анитры», «акварельно» Первая сюита из музыки к драматической поэме Г. Ибсена «Пер Гюнт». Но буквально загипнотизировала меня вторая его часть — «Смерть Озе». С басов тягуче (*Andante doloroso*), двойным *piano* тянется тоска длиной в 15 тактов, четыре такта — на бархатном *forte*, столько же — на двойном и... И на тихую убыль, словно за горизонт уходит тоска, словно слеза, закипевшая и выплеснувшаяся, медленно стекает по щекам, подбородку, тихонько скатывается вниз, вниз, вниз и истончается в начальных басах. Откуда пришло — туда и ушло. С недолгой, но разверзающей кульминацией. Драматические произведения отец любил. Полюбила их и я. Потому что слышала, как можно рассказать свое чужими нотами за... две странички. Я вновь и вновь просила отца сыграть полюбившую часть, и на каком-то там разе, он улыбнувшись, сказал, что мне пора бы самой выучить ее. В техническом плане — не самая сложная (если не считать, что мне не хватало пальцев на аккорды сверх

октавы) далась она мне и в эмоциональном, художественном плане легко. Две странички, всего две не самого сложного нотного текста, а сколько сказано...

— В искусстве главное «не что», а «как», — произнес отец излюбленное, прослушав уже мой вариант. — Отрадно, что ты это поняла...

Как именно можно играть (включая интерпретацию) то или иное произведение, отцу помогало определиться прослушивание граммпозисей. В ряду его любимых пианистов были Артур Рубинштейн, Артур Шнабель, Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Владимир Горовиц.

Немного о вкусе

Отец восстанавливал в правах «тихую игру», попоранную многочисленными сторонниками зрелищности, умело погружал слушателя в длительное напряженное звучание piano. Культура игры piano и diminuendo в последнее время все чаще отступает перед игрой forte и crescendo — молодые, горячие и напористые хотят все и сразу — позу, эффектность, сцену, звук, победу, карьеру, считая, что проложат дорогу к ней демонстрацией мощи, своим техницизмом, децибелами. А мне очень не хватает какой-то дымчатой, серебристой, бархатистой задумчивости, проникновенности отца, его неспешности и волнующей глубины во всем, и в исполнении тоже...

Приверженность к «фанфарам» — признак дурного вкуса. Это я тоже усвоила от отца. А еще он считал дурным вкусом такой, который не различает в сущности музыки (произведения, эпизода, или в стиле и характере исполнения) убожества и мелкоты чувств и мыслей, если они задрапированы в красивое покрывало. Если эта сущность скромна, проста, требует некоторого напряжения внимания, что-бы ее выявить, уловить, оценить. Когда разговор заходил о вкусе, отец приводил в пример мысль Нейгауза (помню не дословно) — хороший исполнительский вкус это музыкальная «совесть» исполнителя.

Не «куркулите»

Человек энциклопедических знаний. Так часто говорили про отца люди, близкие ему, и не очень близкие, но хотя бы

Отец даёт урок. Фрунзе, Педагогический институт.

раз принявшие участие в беседе с ним. Смолчу про тех, из стана недругов (и таких было немало). Отмечу только, что никогда в жизни не видела, чтобы отец демонстративно «выпячивал» свои знания, создавая невыгодный для менее просвященного человека фон или контраст. С каждым говорил на «понятном» языке. Но коль почувствовал, что какая-нибудь «хиппующая плесень» или дамочка, жеманно хлопающая ресницами, как бабочка крыльями, пускаются «умничать» о том, что и во сне им не виделось, пытаюсь «поддеть» «старорежимные понятия, взгляды, вкусы», порисоваться, — берегись! Прикнопит так плотно, что между «столешницей» и «шляпкой» ус муравья не пролезет. К сожалению, я, завидовавшая всегда такому умению (и тому, и другому), так и не смогла даже приобрести его, не то чтобы поставить на службу. Чтобы поставить на место, сохранив свое реноме, требуется уйма... Целая комбинация — острый ум, память, обширный кругозор, находчивость. Не каждому дано...

Впрочем, отец не злоупотреблял ни тем, ни другим, в отношении меня придерживаясь тактики «узнай сама, научись сама». Да и многие его ученики прошли через «самообучение, самовоспитание, саморазвитие». Отец только мотивировал, слегка подталкивал в нужное русло, с интересом наблюдая, как «утята» превращаются в «лебедей». «Я сделал себя сам, и у меня был хороший учитель» — могут сказать немногие, но им можно позавидовать. Так смело мог сказать о себе отец, не будь он столь скромным.

Не знаю, сколько процентов в «делании» меня — моих, сколько от папы, сколько от мамы — как их сосчитать? Но привычка докапываться самостоятельно до сути, привитая отцом, осталась. А еще навсегда сохранились вкус к жизни, интерес к «сугубому» окружающего и происходящего, что «на земле и на небе». И к тому, что некоторым кажется «мелочью». Из «вечнозеленого» любопытства к жизни, «строению и внутренним пружинам» людей, природы, бытия родился интерес к психологии (в том числе к психолингвистике и тому, что сейчас именуют НЛП), астрологии, философии, журналистике, экологии и многому другому.

Музыкальная литература — скукотища, если ее воспринимать как принудительную часть программы ДМШ. И очень лю-

бопытна как «ключик» к бытию, пристрастиям, достоинствам и недостаткам композиторов, к их творческой лаборатории и специфическому мировоззрению.

Занимательные факты, поначалу полученные при помощи отца, а позже добытые самостоятельно, всегда находили место в отдельной тетради (теперь в компьютере). Ну, например, такие — на рояле-фортепиано какой фирмы предпочитала играть та или иная историческая личность (не обязательно только композиторы). Какое воздействие может оказывать музыка на психику человека, «слышат» ли ее растения, может ли «вбирать» ее вода. Существует ли музыка сфер и можно ли музыку проверять математикой. И так до бесконечности. Встречаются увлекательнейшие примеры, открываются удивительнейшие явления, обнаруживаются шокирующие факты...

Делюсь некоторыми примерами, потому что вслед за отцом убеждена: книги не должны пылиться на полках, но обязательно переходить из рук в руки; устные знания также должны передаваться как эстафета — от человека к человеку. — Никогда не «зажимай» информацию, — говорил отец. — Она должна находиться в постоянном движении, тогда из занятого факта превратится в знания, станет всеобщим достоянием.

Интересные «мелочи»

Кто на чем играл?

Петр Чайковский

Рояли «Вирт» и «Беккер». На первом Чайковский учился музыке с 4 до 8 лет. Мать купила ему инструмент на трехлетие. Сейчас рояль находится в Воткинске, на родине композитора.

Император Николай II

Концертный рояль «Карл Шредер», длина 277 см. Император подарил его супруге Александре Федоровне в 1898 году. Рояль покрыт живописью со сценами из мифа об Орфее (около 100 персонажей). Художник Эрнст Липпгарт, главный хранитель картин Эрмитажа. Николай и Александра играли на рояле в четыре руки. Инструмент пережил три революции, две мировые войны и находится, как прежде, в Зимнем Дворце.

Королева Виктория

Рояль Erard. Париж, 1854 год. Куплен английской королевой после свадьбы с принцем Альбертом. Рояль эпохи «романтиков». На похожих играли Шопен, Лист, Тальберг.

Федор Шаляпин

Рояль «Бехштейн». Находится в доме-музее певца, в Москве, на Новинском бульваре.

Джон Леннон

Пианино «Стейнвей». Куплено в 1970 году. Предположительно, песня «Imagine» сочинена на этом инструменте. Самое дорогое пианино в мире. Продано на аукционе в 2000 году за 1,45 млн фунтов (2,08 млн долларов) певцу Джоржу Майклу, который передал его музею «Битлз». На правой стороне корпуса пианино — след от сигареты Леннона.

Брамс

Концертный венский рояль «J. B. Streicher & Sohn». Приобретен в 1880 году супругами Феллинген для своего дома в Вене. Феллингеры — близкие друзья Брамса. На рояле сделана фонографическая запись игры Брамса — первый Венгерский танец, парафраза на тему Польки-Мазурки «Стрекоза» Йозефа Штрауса. В 2001 году праправнучка Феллингера передала знаменитый инструмент музею Брамса.

Бетховен

Три рояля. Фортепиано Эрар (находится в музее истории искусств в Вене). Фортепиано Бродвуд и сын с тройными струнами, отделан испанским красным деревом. На клавиатурном клапане — табличка с дарственной надписью Бетховену от фирмы Бродвуд. На инструменте имеются подписи пяти лондонских пианистов (ученики Бетховена), рекомендующих рояли этой фирмы. Фортепиано Граф. На каждую клавишу приходится по четыре струны, вместо обычных трех. Экспериментальная модель для слабослышащих. Находится в доме Бетховена, в Бонне.

Сальвадор Дали

Изобразил на картинах «Шесть явлений Ленина на рояле» (1931 г.), «Некрофильский источник, бьющий из рояля» (1932 г.), «Испарившийся череп содомизирует рояль на коде» (1934 г.)

Ренуар

Изобразил на картинах «Девочки за пианино» (1892 г.), «Дочери Катулла Мендеса у пианино» (1888 г.), «Женщина за пианино» (1875 г.), «Девушки за фортепиано» (1883 г.)

Теодор Рузвельт

Рояль «Стейнвей». Подарен американским народом 26-летнему президенту США в 1903 году. Изготовлен по заказу в год 50-летнего юбилея фирмы. Украшен живописью с изображениями девяти муз (художник Томас Девинг).

Добровейн

Исай Добровейн — русский пианист и композитор, который знаменит тем, что в октябре 1920 года исполнил «Патетическую сонату» Бетховена для Владимира Ленина и Максима Горького в гостях у писателя в Москве. Инструмент куплен позже Горьким для жены Екатерины. В 1965 году перевезен в Литературный музей Нижнего Новгорода, где и стоит до сих пор.

Александр Хорват имел всего лишь «Ласточку», «Дружбу», «Лирику».

Его дочь — «Тюмень».

Музыка против стресса

По данным известного исследователя Дона Кэмбелл, спокойная классическая музыка увеличивает интеллектуальную работу мозга человека, понижает давление, активизирует иммунную систему организма.

Рекомендуется ежедневно в течение пятнадцати минут слушать такую музыку тем, кто испытывает стрессовые перегрузки. В первую очередь политикам, бизнесменам, юристам, хирургам, журналистам.

Спокойная музыка ведет к уменьшению амплитуды электромагнитных волн головного мозга, что ведет к успокоению. Одновременно синхронизируется работа левого и правого полушарий, что резко повышает способность к интеллектуальной деятельности.

Под воздействием спокойной классической музыки происходят важные изменения в составе крови, когда резко сокращается количество гормонов, вызывающих перенапряжение нервной системы. Одновременно увеличивается концентрация протеина интерлюкин-1, который является одним из важнейших элементов системы иммунной защиты организма от вирусов.

Музыка может служить дополнительным средством при проведении операций. Она помогает пациенту при несложном хирургическом вмешательстве преодолеть страх на операционном столе.

Снимут головную боль

«Весенняя песня» Феликса Мендельсона. «Американец в Париже» Джоржа Гершвина, «Полонез» Михаила Огинского, «Дон Жуан» Вольфганга Моцарта, «Венгерская рапсодия» Ференца Листа, «Маскарад» Арама Хачатуряна.

Для нормализации давления, при нарушениях ЦНС, вегетососудистой дистонии

Произведения А. Страделлы, Г. Генделя, Ф. Шуберта, «Лунная соната» Бетховена, «Свадебный марш» Мендельсона.

При раздражительности

Вторая часть симфонии № 6 Бетховена, соната для фортепиано Бартока.

Для самоуверенности

Рапсодия в стиле блюз Гершвина, Венгерская рапсодия № 2 Листа, Увертюра к опере «Руслан и Людмила» Глинки.

Кто что знает, тем и хлеб добывает.

Русская поговорка

Часть 10. РЕМЕСЛЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

В дорогу!

На самом интересном месте предрассветного сна противно звенит будильник. Не звенит, бьет по нервам металлом. Встать не хочется. Но за окном манит кусок голубого летнего неба, птичий гомон. «Наверное обсуждают планы на день», — думаю я и вспоминаю, что сегодняшний день необыкновенный — мы с отцом едем на настройку, в Коканд. Недовольство резким пробуждением сменяется преддорожным возбуждением.

Что стоит девятилетней девчонке собраться в дорогу? Да пять минут — умылась, оформила «конский хвост» капроновым коричневым бантом, выпила стакан молока, — готова!

На остановку к «Ягодке» иду вприпрыжку, отец «притормаживает».

— Не беги, успеем. Лучше вспомни, ничего не забыли?

А что можно забыть, если все собрано с вечера? Настроенные инструменты уложены в объемный портфель, в другую сумку — сменное белье. Дорожный паек, кое-какая посуда — папка никогда не расставался с любимым фарфоровым чайником и пиалой.

Дорога в сторону Пахтакора широка, но это не мешает густо разросшимся платанам почти сплетаться ветками над ее центром, образуя живую арку. Проехала «поливалка», асфальт

*Ленинабад. Отец с мамой на кругу у фонтана,
что неподалеку от нашего дома.*

блестит, пахнет мокрой пылью — как это бывает после дождя.

Город только просыпается, но вокзал, как всегда, бодр. Кажется, это единственное место (кроме базара), где жизнь не замирает ни на минуту: одних провожают, других встречают, в зале с кассами шумно, диспетчер объявляет рейсы. — Автобус номер 16, следующий по маршруту Ленинабад — Коканд, отправляется в 6 часов 20 минут.

— Ничего не хочешь? — интересуется отец... — Если надо, дуй, и сюда через минуту!

Автобус небольшой, округлой формы, уютный. Наши места № 1 и 2 — впереди только водительское место. Прямо окно, сбоку окно. Борьба за «лучшее» место — оба любим у окна — завершается в мою пользу. Пассажиров чуть меньше сидячих мест, остальные подсядут по дороге. Трогаемся. Мимо мелькают мокрые улицы, светлые стволы платанов, окраина города, вырвались!

Бесконечное полотно дороги бежит навстречу. Все, что по обочинам — урючные колхозные поля, ряды пирамидальных тополей, «квадраты» и грядки проклюнувшегося на свет божий хлопка, кибитки, плетущиеся перед арбой ослики, бучушки в цветастых платях, сопливые малыши, дехкане — мелькает мимо под шелест колес. Вот и оно, летнее утреннее солнце, наконец-то выплыло из-за дальней гряды и высветило все причудливым образом: утром тени всегда длинные, и это преображает мир. Автобус заливается светом, начинает припекать, отец молча смотрит вперед — на дорогу. В пути мало разговаривает, предаваясь каким-то своим мыслям. Каким, можно догадываться только по выражению лица — то умиротворенному, то тревожному, с едва уловимой улыбкой. А то и брови нахмурит — значит что-то не так. — Надо бы быстрее уложиться, а то мать там одна...

Быстрее уложиться в Коканде? На настройке? Когда каждый визит в новый дом — как открытие нового, чуть ли не параллельного мира? Нет, быстрее никогда не получалось. Да и если честно, отец и сам не очень спешил. Только многие годы спустя поняла, почему он обожал такие «вылазки»: новые люди, знакомства, встречи со старыми друзьями, интересные разговоры, споры. Настройки для отца — прекрасная возможность

вырваться из рутины, чувствовать себя «до сих пор» нужным, интересным. Наконец, сменить надоевшие пейзажи. Может и об этом думал в дороге?

Коканд

Справка

Коканд с 1709 года — столица одноименного ханства. С 1876 года — в составе Ферганской области Российской империи, затем Узбекской ССР. Ныне в составе Ферганской области Узбекистана.

Город Коканд расположен в восточной части Узбекистана на юго-западе Ферганской долины в 228 км к юго-востоку от Ташкента, 115 км к западу от Андижана и 88 км к западу от города Ферганы.

Коканд соединяет два главных маршрута в Ферганскую долину, один северо-западный по горам к Ташкенту, и другой западный через Худжанд. Под разными названиями Коканд известен уже с Хв., но его расцвет падает на XVIII в., когда город стал столицей Кокандского ханства.

Коканд сохранил очень древнюю структуру, он состоит из новой и старой частей. Новый город был насыщен в XIX в. торговыми предприятиями, административными зданиями, банками, особняками промышленников, а в старой части города сохранились ханский дворец — Урда, памятники народной жилой архитектуры, мечети, медресе и мемориальные постройки — все XIX начала XX в.

Приехали. Вокзал больше, чем в Ленинабаде. Шум-гам, вся площадь в торговых ларьках. Жарко. Пыльно. Жужжат изумрудные мухи. На привокзальной площади под открытым небом в огромном казане дымится плов, рядом — шашлычник машет «веером» над «мясными палочками». Все места в столовой заняты. Устраиваемся на край топчана в чайхане.

— Ну что, дочь, как рабочий день строить будем? Завтракаем здесь или в гостинице, дотерпишь?

Когда бываю голодна, соглашаюсь на посиделки в чайхане. Но обычно терплю, ведь в городе лучше, чем здесь — в проездем дворе.

Отец облюбовал Коканд, когда мы жили еще в Ангрене. Сказать — красивый город, значит ничего не сказать. Кажется, здесь сходятся несколько времен и культур. Много исторических памятников, интересная архитектура (музей под открытым небом!), самобытные районы — армянский, еврейский, русский кварталы.

Коканд. На подходе к центральной улице.

Множество магазинов — целые улицы, вперемежку с сапожными, часовыми мастерскими, точильщиками ножей, чинильщиками сломанных носиков чайников. Здесь лучшие (на мой тогдашний взгляд, лишь укрепившийся со временем) книжные магазины: затемненные прохладные залы, заполненные скромными и красочными томами, расставленными по тематическим полкам. На

богатстве книжных «развалов», видимо сказывалась близость с Ташкентом: в Ленинабаде в те годы не было такой роскоши.

Из магазина выходим как всегда со свертками: я несу книги серии «Детиздата», отец — свое «сокровище»: музыкальные календари, Шопенгауэра, Гегеля, ноты.

Рядом выставлены репродукции картин известных мастеров различных эпох. Мне нравится запах свежих книг, нравится как они неохотно открываются, а некоторые странички «слиплись» — значит после типографии к ним еще ничья рука не прикасалась, и я буду первая. Да что там книги... Как и отцу, здесь нравится все, начиная от особенного «книжного» запаха. В следующем столетии такие походы назовут «книжным шопингом», тогда они приравнились к культпоходу. Каждый год приносил новый книжный «улов»: «Кон-Тики» Тура Хейердала, рассказы Хемингуэя, романы Джека Лондона. Один из них «Маленькая хозяйка большого

дома» в зрелые годы станет моей настольной книгой. Но об этом позже.

Плюс уроки психологии

Обожаю ходить с отцом на настройки. Для девочки, проводящей все свободное время за занятиями (школа, музыкалка, книги, рисование, изредка речка с плаванием), то отличный отдых и возможность познавать мир, людей, нравы. Вероятно, именно тогда во мне стал зарождаться любитель психологии: всматривалась в лица, вслушивалась в речь, сравнивала людей, ситуации, пыталась постичь внутреннее состояние человека, искала разницу между тем, что говорилось и делалось. Отец, обладающий врожденным даром психолога, помноженным на богатейший опыт общения, нередко интересовался, какое на меня впечатление произвела та или иная семья, конкретный человек. С интересом сравнивал со своими впечатлениями. Иногда, прислушиваясь к моей интуиции, поступал так, как я советовала. А может это мне просто казалось.

Список наших знакомых растет как подросток. Однако при ближайшем рассмотрении выходило, что в нем не было неинтересных людей. Нам везет. Отец, обладая завидным оптимизмом-позитивизмом, живостью ума, демократичностью (когда достоинства и простоты поровну), притягивает «себе подобных».

Именно в таких поездках я проходила «жизненные университеты», до которых многие мои сверстники еще не доросли. Хорошими уроками служили контакты с самыми разнообразными и невероятными людьми. Их хобби, интересы помогали расширять кругозор, равно как и горячие споры об обществе, политике, искусстве, судьбах людей. Но одним из полезнейших уроков для меня стало приобщение к организации настройки как у частных, так и в государственных учреждениях — клубах, детских садах, школах.

Мотив к постановке на службу моих «коммуникабельных» способностей прост: у отца болят ноги, в высокогорных районах «прихватывает» сердце. Все это не способствовало долгим хождениям в поисках нужного адреса, преодолению лестничных пролетов.

Была и еще одна причина, по которой я для отца стала незаменимым помощником: его плохая координация в пространстве, слабое зрение (без проводника мог заблудиться в поисках адреса), и удивительная рассеянность. Я с удовольствием осваиваю азы профессии, ныне именуемой «менеджер по настройкам», а по нашему с папкой попросту — связной, организатор.

«Менеджер» по настройкам

Увидев, как отцу дается «кусочек хлеба» (так он называл прибавку к пенсии, добытую с помощью настроенного ремесла), предлагаю использовать научную организацию труда. Он, как ни странно, при всех прочих достоинствах искал клиентов скорее по наитию, нежели каким-то там правилам. Делал несколько звонков, согласно устной договоренности выезжал на место, выполнял два-три заказа, а потом благополучно терял бумажки с адресами. Что-то срывалось из-за непредвиденных обстоятельств, что-то — из-за временных накладок. На том «турне» и заканчивалось, не всегда оправдывая походных затрат, не говоря уже о «наваре». Так бизнес (правда, тогда этого слова и в помине не было даже в самых продвинутых пособиях) не делается, говорю отцу. Собираю в кучу все папкины записи старых адресов с телефонами (на обрывках листков, в разных записных книжках), сортирую, набело переписываю. Теперь со списками постоянных и потенциальных клиентов легче работать: в графах указаны городам, районы, телефоны, тип учебного заведения, инструмента (отечественный, импортный), дата последней настройки.

С «картотекой» обзвонка пошла живее, напротив фамилий появляются «плюсы» и «минусы». Когда количество «плюсов» — желающих настроить свой инструмент набирается достаточным для поездки, мы собирались в дорогу. «Добавки» я оформляю уже на месте, по тому же списку «мониторя» адреса. Когда случался полный «прокол» (и такое бывало — ну не нуждаются в услугах настройщика!), приходилось искать клиентов вживую, буквально по ходу. Что для девчонки стоит пробежаться с первого по четвертый этаж и так по всем подъездам? Сплошная зарядка. Район за райо-

ном, улица за улицей. Услышала звук фоно, — вперед! Звоню в дверь, вежливо приглашаю хозяйку, коротко и деловито излагаю предложение. Отказываются редко. Обычно сами соглашаются и тут же обзванивают друзей-знакомых, чьи дети занимаются в музыкалке или музыкальном училище.

В семидесятые заполнить портфель заказов ничего не стоило: общество повально «заражено» музыкой, почти в каждом подъезде звучит фоно — атрибут духовности и «признак» интеллигентности. Учиться в музыкалке считается престижным. Каждая семья, считающая себя ответственной за всестороннее развитие ребенка, его художественное образование, спешит приобрести инструмент. Хотя для некоторых фоно является лишь элементом престижа и достатка, частью интерьера, подобранного к гарнитуру в тон. Такие «образцы», как правило, не нуждаются в настройке. Остальные — очень даже. Только что купили, привезли, заволокли на какой-то там этаж, поставили, откинули крышку, положили руки на клавиши... А там... разбитый звук, все плывет, ревет. Как играть на «врущем» пианино? Ищут мастера. А он здесь — Александр Александрович Хорват: делает качественно, берет немного (с учетом «социального» положения хозяев — с обеспеченных 20 рублей, малообеспеченных — 12). А, главное, его уже почти все знают как добросовестного и порядочного мастера.

Содержимое портфеля

Для меня второй важной задачей (после переговоров о факте настройки) является наведение порядка в папкином рабочем портфеле. Собраться на настройку — не жук чихнул.

В самое тонкое отделение укладываются документы (сборник нормативных актов «Индивидуальная трудовая деятельность», справка отдела культуры о том, что специалисту-настройщику А.А. Хорвату поручается подготовка по школам, клубам города такого-то — ремонт и настройка инструментов — к началу учебного года. К ним прикладываются образец паспорта на фортепиано (правила эксплуатации фоно), другие документы.

В среднее отделение пакуются основные инструменты: три настроечных ключа (для отечественных и импортных фоно,

Настроечный реквизит (малая часть).

один универсальный, изготовленный по заказу — изящный и легкий, со съемной головкой), камертон (эталон «правильного» тона отец редко пользовался, но всегда брал с собой).

В более объемный отдел пристраиваются лампа на длинном шнуре (без подсветки при ремонте не обойтись), канифоль, паяльник, «шкурки» различной зернистости. И запчасти для ремонта: комплект струн, клавиш, молоточков (для российских фоно крупные, для импортных — мелкие). Наконец, «железо» — плоскогубцы, кусачки, надфили, набор отверток (обычные и крестовые), болтики-шурупы-шайбочки (на вес), быстросхватывающий клей (необходим при реконструкции клавиш, ремонте молоточков) и многое-многое другое. Все это тянет на несколько килограммов.

В Домах и Дворцах культуры (особенно ведомственных) на мой взгляд, не так интересно работать. Актзовые залы, как правило, достаточно холодные (со сквозняками), темные, фоно полуразбитые от неподобающего к ним отношения участниками художественной самодеятельности и нередко внешне потрепанные. Чем богаче и интеллигентней «хозяин» учреждения культуры (ведомство), тем в лучшем состоянии инструмент — иногда даже импортный — чешский, немецкий. В таких случаях отец радуется — он обожает немецкое фортепиано: звук мягкий, словно из глубины, бархатный, тон чистый, строй держится хорошо — колки слушаются после пары поворотов ключа. Отечественные доставляют хлопоты на долгие часы. В таких случаях я, уныло оглядев ряды кресел, уходящих во тьму, без энтузиазма вынимала содержимое портфеля — все «штуки» до последнего болтика.

— Можешь пойти погулять пока, — частенько говорил отец, уловив мое настроение. — Там в фойе вроде буфет был, на деньги, поешь что-нибудь, а мне принеси бутерброд.

Я обычно с радостью выбегала из темного зала в светлое фойе, любовалась фотографиями актеров-певцов, физиономиями местных передовиков производства. Покупала в буфете бутерброды или котлеты (отец любит мясо и сыр), хлеб, заварку, карамель. Заказывала кипяток у завхоза, заливала в наш чайничек, и спешила назад. Отец сам заваривал чай — три ложечки с горкой на полтора стакана воды — чифир.

Только не «бухи»

Отец стоит согнувшись над корпусом фоно, одной рукой (которая упирается в корпус) подкручивает колок, другой пощипывает струну медиатором..

— Слышишь? Как по-твоему: выше или ниже нормы звучит?

Всегда чувствую, что звук «врет» (как бы троится), но не всегда угадываю, в какую сторону (выше, ниже эталона?), увы — не обладатель абсолютного слуха. Но слушаю внимательно. Пианино перестает держать строй из-за своей конструкции. Колки (вербели) впесованны в многослойную деревянную плиту — вирбельбанк. Со временем дерево перестает горячо обнимать колок. А струна тянет, создает напряжение и проворачивает колок. Вот тебе и расстройка инструмента.

— Да... Здесь с двумя колками не все ладно, — говорит разгибаясь отец. — Придется менять.

«Только не это!» — кричу я мысленно, вспомнив оглушительную процедуру: колок более объемного диаметра запрес-

Традиционная поза настройщика. Внутренности фортепиано.

совывается (вбивается!) с помощью простого тяжелого молотка. «Бухи» идут кругами по всему ДК. Иногда на такие звуки прибегает кто-нибудь и в ужасе спрашивает: «Вы что же это делаете, так и разобьете пианино!»

Ан нет: пианино становится работоспособным на десятки лет. Главное, не переусердствовать, а то рама может треснуть, и тогда — прощай вообще какое-либо звучание! Грамотно обследовать инструмент, поставить диагноз и вылечить пианино — это и есть ремесло.

Листая инструкцию

Через 15 минут такой работы («общипать» десятки струн!) находит оцепенение и мы делаем первый перерыв. Отец расстилает дастархан, выкладывает привезенные продукты, пиалки, ложечки. И пока я раскладываю котлеты и сыр по кускам лепешки, мелко-мелко режет яблоко. То была основа знаменитого «хорватовского» чая. Рецепт прост: крепчайшая черная заварка (бодрит!), доведенная до ума в накрытом полотенцем фарфоровом чайничке, кусочек сахара (глюкоза, полезная для ума и сердца), измельченные яблоки (аромат, дополнительный вкус, плюс витамины!) Готово. Был и другой, более жесткий вариант: просто очень крепкий чай. И еще один, почти английский — достаточно крепкий чай, разбавленный молоком. Пьет отец не спеша, с удовольствием. Ест также со вкусом, аккуратно. Моет руки и опять за дело — «слух» отдохнул.

Пока свободна от каких-либо обязанностей, с интересом изучаю «брошюрки». Паспорт на пианино «Ласточка». Изготовлено на Пензенской фабрике. Цена 575 рублей. Корпус отполирован в ореховый хвост. Бросаю взгляд — действительно, так, красиво. Чугунная рама отлакирована по бронзе (в иных случаях покрыта молотковой эмалью). Подхожу к «раздетому» фоно — да, так и есть. Клавишный механизм усовершенствованной конструкции. Этот — как? Немой вопрос остается без ответа. Диапазон $7\frac{3}{4}$ октав. Для концертмейстерских целей в клубе достаточно. Наружные размеры пианино 1445×1200×615 мм. Вполне прилично смотрится, не то что «гробина» «Октябрь»... Читаю дальше... «При покупке пианино требуйте, чтобы инструмент продавали в ис-

правном виде, настроенным, отрегулированным...» Ага, этого, похоже, впервые касается рука настройщика... «Гарантийный срок 2 года со дня покупки». На дворе 1979 год, но «жить» этому инструменту здесь долго: он и социализм, и капитализм перестойт... «Не кантовать при транспортировке...» Кантовали еще как — вон, бок отщеплен, на корпусе царапины.

Капсюля, лейстики, бентики

Второй перерыв отец устраивает через 40 минут работы.

— Что, интересно? Учись дочь, пока я жив. Настройка — хожее ремесло: в сложных жизненных обстоятельствах всегда сможешь добыть себе на кусок хлеба.

Все, что буду излагать далее, подчерпнула из таких вот уроков.

С любопытством рассматриваю то, что час назад называлось гордо «пианино», а сейчас напоминает остов корабля или огромной рыбыны. Верхняя крышка снята, отставлена в угол. В тот же угол отношу нижнюю крышку — самую тяжелую. Передо мной «скелет»... В который раз слушаю «вводную» отца.

— Всего в корпусе 1200 деталей из дерева... Древесина, сукно, фильцы... Они гигроскопичны. То есть, хорошо впитывают влагу, поэтому могут разбухать — и тогда беда, или усыхать — что тоже беда для инструмента. Все зависит от климата, где стоит инструмент. Противопоказано место возле окна, под прямыми лучами солнца, на сквозняке, в сырых местах — фортепиано просто «погибнет». Смотри вниз — видишь сколько здесь грязи, почти войлок? Бери щетку, аккуратно сметай. Подключай пылесос, води по матерчатым деталям. Возьми лампу, посвети — все струны целы? Нет? Каких нет, диктуй... Что там с педалями? Проверяет ногой — одна скрипит, другая «западает».

Записывает в блокнот.

— Металл ржавеет от высокой влажности. Пианино любит температуру от +12 градусов до +25 градусов, влажность воздуха — от 50 до 60 процентов.

«Однако, капризуля», — думаю я. Слушаю и смотрю дальше.

— Когда на инструменте играют часто, происходит уплотнение сукон и фильцов. Вот почему новое пианино в первый

год необходимо не менее двух раз повторно настраивать и регулировать. В отношении этой «Ласточки» уже поздно говорить об этом. Постараемся привести ее хотя бы в божеский вид. Вычистила пыль? Найди мешочек с нафталином, повесь на крайний правый колок — чтобы моль не ела фетр и молотки. Посмотри: колеса целы? Отодвигаем пианино от окна подальше. Поскольку на сцене имеются батареи, а из окна дует, детали механики из березы и клена от разницы температур деформировались, растрескались, расклеились. Отсюда посторонние звуки — скрипы, дребезжание, стуки. Ищи банку, наполняй наполовину водой, ставь вниз — справа от педали, видишь? Это создаст нужный микроклимат.

Поначалу отец доверял мне только разборку инструмента, чистку, позже стал приобщать к ремонту фигур, клавиш, покраске и полировке корпуса. Так я познавала шпильерные капсюля, ауслезерные лейстики, бентики, фенгеры, кон-трфенгеры, гаммерштили и подвижные рулейстики, керны, демпферныфе ложки. Страшно звучит, да? Это лишь неполное описание деталей «музыкального» хозяйства. Подъест моль ремешок, ослабнет ли пружинка, съедет набок болтик — крепеж ослабнет, молоточек обездвижится, либо начнет «промазывать» мимо родной тройки струн. Прежде я считала, что звук издается лишь одной струной, как на гитаре. Оказывается — тремя одновременно. Когда звучание первой с каждой последующей не совпадает, это и называется — пианино расстроилось. В год примерно на 4—5 герц понижается строй. Упаси боже наткнуться на полтона или более ниже — всю кровь выпьет: работа настройщика учетверяется. Вообще в таких случаях полагаются как минимум три последовательные настройки. Я уже упоминала камертон — эталон точного звука, под который следует настраивать. Но отец его никогда почти не использовал в отличие от современных настройщиков, обожающих прибор-тюнер. И знаете, почему никогда не использовал? Потому что звук, настроенный таким образом, звучит невыразительно и плоско. Прибор не учитывает акустику конкретного помещения, особенности раскачки струн конкретного инструмента. Отец, как слуховой настройщик, всегда знает, где чуть прибавить, где убавить. Это «чуть» не

Каждому молоточку своя тройка струн.

вычислить ни одной математической формулой. И последнее, по настройке: настроить фоно — значит привести все три струны строго к одному тону. И так по всем колкам. Это и есть ремесло.

Фирма

Отец любит качество. Он любит импортные инструменты, рояльную элиту — «Стенвейн», «Бехштейн», симпатизирует второму эшелону — Петроф, Вайнбах. Из пианино уважает Ronisch, которые производятся в Германии на одноименной фабрике 1845 года рождения. Нравится также «Bluthner» (выпускаются с 1853 года). И, мучаясь с отечественными инструментами, рассказывает, почему они «не соответствуют».

— В советское время фортепианные фабрики не были в диковинку ни в одной республике. Незабвенный «Красный Октябрь» некогда был оказывается «Беккером». Поначалу об этом напоминала «беккеровская» рельефная надпись на чугунной раме. Постепенно время вытесняло качественные до-

революционные комплектующие, на их место ставились «советские».

Послевоенная модель «Красный Октябрь» расклонировалась в «Аккорды», «Лиры», «Зори», «Ростовы-Доны», «Беларуси», «Ласточки». Увы, не всегда качественные. Какой-то умник решил объединить мебельные и фортепианные производства и вот, результат: с фабрик побежали специалисты, знающие тонкости «сборки» пианино. План не оставлял время на подбор древесины, соблюдение режима ее сушки. Порой детали изготавливались ПТУшниками, заключенными. О каком качестве можно вести речь?

Немецкие и чешские инструменты — сложное механическое и трудоемкое изделие, в них велика доля ручного труда. Вторые попрочнее: дерево толще, чугунная рама массивнее. Немецкие особо чтимы отцом — за нежность звучания. Но эта же нежность, только уже конструкторская, частенько подводила «немцев» под монастырь: сгружая с машины, ударил нижний угол — получишь трещину в деревянной силовой конструкции — футоре.

Вы как думаете — новый или старый инструмент лучше? Новый? Вот и нет, старый. Пианино, как вино — чем крепче выдержка, тем лучше.

Уже упомянутая отмененная многолетняя естественная сушка древесины, в «бюджетных вариантах» (подешевле, возможно, б/у) заменяется синтетическими древесными материалами типа ДВП и ДСП. В сочетании с искусственно высушенной древесиной хвойных пород она не дает высоких акустических качеств. Потому что изначально древесина нередко уже пострадавшая. Недосушенная будет усыхать на дому, трескаться и деформироваться. Искусственно пересушенное дерево имеет разрушенные волокна, материал становится пористым. Когда такие детали склеиваются, клей почти без остатка впитывается в поры. Это бомба замедленного действия. Года через два инструмент начинает расклеиваться — корпусные детали, дека, а механика рассыпается.

А в старых инструментах, бэушных, материал устоявшийся — он уже деформировался, расклеился, как только мог, но и давно приведен в порядок мастером. Значит особых сюрпризов ждать уже не приходится.

Грамотно отреставрированный инструмент (с небольшим износом), действительно лучше нового. Чем? Звучанием, потому что с годами испарилась смола из резонансной деки, дошла до кондиции древесина. Знание нюансов строения фоно и особенности его механики, климатических и иных пристрастий инструмента — это и есть ремесло.

Ремонт

С фоно может произойти что угодно. Ведь как правило, его беспощадно эксплуатируют. Вот как это, например, во Дворце. Оно буквально «сгорело» под руками аккомпаниаторов. Требуют лечения осевые соединения почти всех молоточков. Сами молоточки из овальных давно стали прямоугольными — войлок сбит до дерева, (причина кричаще-плоского звука), полопались струны, «утоптана» педаль. Отцу с его зрением сложновато возиться с тонкой механикой, и мне хоть не особенно нравится крутиться с отверткой, приходится делать это постоянно. Настоящая каторга! Скрючившись, умудрись вставить отремонтированный (или новый) молоток в нужное гнездо, да так, чтобы он сел в лузу, вставить снизу миниатюрную шайбочку, сверху вкручивать миниатюрный шурупчик. Что бы все встало, вошло, не перекошилось. На только «посадку» одного молотка может уйти до получаса, руки начинают трястись от напряжения, пот со лба, глаза шиплет, спина не разгибается. В результате трудно разогнуться и свет белый увидеть. Это и есть ремесло...

Вот почему необходимы постоянные перерывы. Отец их называет «перекурами». Калории, отданные котлетками, уже давно сгорели, пополнения не ожидалось, мы просто пьем чай с лепешкой. Если поблизости есть базарчик, я гоняла туда за виноградом (с чаем — лучше нет!), мешалдой. Тяжелую пищу отец предпочитал принимать только после работы.

Через полтора часа из дымка от паяльника и запаха канифоли выныривал отец и говорил:

— С этим — все. Теперь беремся за починку клавиш. Они выглядят как зубы у старухи — желтые, потрескавшиеся, кое-где выпавшие. А мы инструменту сделаем белозую улыбку!

Начинается вторая серия, правда, чуть полегче. Отец снимает со стержня ущербную клавишу, подает мне.

— Видишь, как стерлась «пластмасса», обнажив деревянную основу? Достань мне заготовки (их отец вырезал самостоятельно из специального материала). Подбери нужный тон (кипенно-белый, цвет слоновой кости и т. д., в зависимости от возраста инструмента) — ты же художник. Так, подай клей. Намазывай основу, теперь заготовку, пусть подсохнут. Слегка прошкурь — это необходимо для более прочного сцепления двух слоев. Мажь по второму кругу, прикладывай.

И это есть ремесло...

Художественная реставрация

Готово? Как бы не так. Заготовки никак не хотели сходиться по размерам с краями стандартной клавиши, отец брал напильничек и выравнивал. Дорабатывала уже я — мелкой наждачной бумагой. Так у фоно появлялась «новая улыбка» — оптимистическая и эстетичная.

— Убирай эти инструменты, доставай краску, губку. Будем «художничать».

«Роспись» по дереву — так я называла самую любимую часть работы: чтобы ликвидировать царапины и отреставрировать «отщепы». На этот случай брала свой инструмент — акварельные краски. Присматривалась внимательно — ореховый цвет. Макала кисточку в воду, в коричневую краску, потом в желтую, смешивала, наносила на дерево. Когда подсыхало, уже тонкой кистью прорисовывала узор — под натуральное дерево, с сучками, прожилками, искринками. Покрывали лаком. Легче красить было черное фоно: глубокий тон и никаких нюансов. После лака не отличишь реставрированный кусок от заводского. Ну — почти не отличишь. Это тоже — ремесло.

Калькуляция

Теперь действительно, все: фоно приведено в порядок. Но уходить рано: надо составить документы, сдать работу. Пока готовится акт, изучаю прейскурант, утвержденный Совмином УзССР: настройка инструмента — 15 руб. 65 коп., (это за 2—4,5 часов в позе буквы Г), регулировка механики — 7 руб. 80 коп., ремонт клавиши — 30 коп., ремонт фигуры — 55 коп., замена молотка — 50 коп., (где у нас руки тряслись и глаза защищало

от пота), замена колка — 9 руб. 75 коп., (запаришься вставляя его в чугунную станину), замена струн — 13 руб. 30 коп., (лазание к верхнему и нижнему колкам, продевание струны вдоль чугунной рамы, накручивание на колок, подстройка), закрепление, установка облицовки клавиши — 1 руб. 10 коп., полировка того же — 3 руб. 75 коп., замена струны с двойной обмоткой — 1 руб. 35 коп. Ремонт с доставкой на дому — надбавка 10 % (Да в жизни такого не было!). С выездом за пределы города до 30 км — 1 руб. 80 коп., до 100 км — 2 руб. 80 коп., свыше 100 км — 4 руб. 60 коп. (Эти пункты хозяевами фоно, как правило, не включались в акт). И это есть ремесло? — думала я. — Ремесло, благодаря которому я смогу заработать деньги, которые вынуждена буду потратить на дорогу, проживание, комплекты запчастей, инструмент, очки (от такой работы ослепнуть — на раз), лекарства против боли в ногах, спине (профессиональная болезнь настройщиков)?! Ремесло, которое мало чего значит без умения найти работу, и оформить ее грамотно? Ремесло, которое ни за что не дастся «в руки», если нет слуха, терпения и знания устройства механики? Настройка — трудный хлеб.

Прием-сдача

Акт готов.

«Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны директор Дворца культуры Саидов (Мирахмедов и т. д.), с другой тов. А.А. Хорват, проживающий по адресу такому-то, составили настоящее трудовое соглашение о том, что тов. такой-то обязался ремонтировать и настроить пианино «Ласточка».

В свою очередь тов. Саидов обязался оплатить выполненную работу по расценке преискуранта на ремонт музыкальных инструментов за № 537-04, утвержденным госкомитетом цен при Совмине УзССР от 1.04.1978 года. Согласно сметы в сумме 36 рублей 15 копеек. О чем и составлено настоящее трудовое соглашение для оплаты работы. Паспортные данные настройщика. Подписи обеих сторон».

Из чего набежала именно такая сумма, «рассказывает» дефектная ведомость и смета на ремонт и настройку. Регулировка двойной репетиционной механики — 7 руб. 80 коп. Настройка инструмента с креплением вербилат и тройной

квиконавт — 13 руб. Исправление левой педали и ремонт трех демпферов — 2 руб. Чистка деревянных деталей — 3 руб. Ремонт 22 молотков и демпферов — 8 руб. Так в переводе на язык официального документа звучит все, описанное мной выше. Отец садится за фоно, играет, что-то там еще подкручивает (в российских фоно колки не держат совершенно и это явно заводской брак). Подписывается приемный акт.

На спад

Можно идти в кассу за гонораром? Можно. Если в данный момент деньги в наличии имеются: нередко за заработанным приходилось выхаживать пару дней, и это делала уже я. Итак, мы заработали 36 рублей 15 копеек. Это считается большим везением: такие расчеты могли позволить себе только ведомственные клубы, межсоюзные дома самодеятельного творчества. В вечно бедных детских садах оплата выше 12 рублей не поднималась, но там «за вредность» кормили вкусным детским обедом. Понятное дело, я составляла список работы таким образом, чтобы «государственное» и частное там было в пропорции 50 : 50. В лучшие годы за день отец мог делать по паре настроек в день, самое длительное «турне» составляло 3, редко 4 дня. Интересно, а как подсчитать, на сколько «рублей» отец потерял здоровья? Но каждый год все повторялось вновь и вновь. Кстати, тратились деньги легче, чем зарабатывались. Отец, как непрактичный человек, там же, в Коканде, накупал подарки — маме и мне, по возвращении домой на рынке закупались самые лучшие продукты, готовился царский ужин и... фыр — половины денег нет. Нет, не умел отец жить как все: не трясся над копеечкой, сам займы не брал, но другим одалживал, вещицм не страдал, не занимался накопительством. Деньги как приходили, так и уходили.

В восьмидесятые увлеченность музыкой идет на убыль, родители стремятся вырастить из ребенка не «ботаника», а человека, способных в перспективе прокормить себя и семью, занять достойное место под солнцем. Фоно найти «по звуку» становится все сложнее: кто-то отучился, кто-то бросил занятия, остальные не спешат покупать «ненужный груз». Мне это время совершенно не нравится. Оно наглядно показывает, в ка-

*Отец после настройки беседует с преподавателем
Кокандской музыкальной школы Нелей Т.*

кую сторону движется общество — в сторону деградации, бездуховности. Слишком сильно сказано? Отнюдь: главными индикаторами благополучия и нравственного здоровья общества всегда считались отношение к детям, старикам и... к искусству.

Наши поездки, всегда интенсивные, дальние, долгие, меняют формат. После того, как в Ургенче (родина Анны Герман) в меня пальнул из воздушки (под сердце, до крови) какой-то недоумок из мечети напротив, отец изменил схему передвижений и продолжительность: мы старались обернуться за пару дней, не внедряясь в глубинку — бывшие центры басмачества. Единственным исключением стал Коканд.

Гостиница

Да, в таких поездках отец очень устал, чертыхался, еле уходил дома. А в следующий теплый сезон опять паковал портфель. Лично я сделала вывод: совсем уж это и не для подработки, а просто из жажды жить полной жизнью, чувствовать ее пульс, быть в движении, при деле.

А что, мне нравилось. Мы обычно селились в центральной кокандской гостинице. Там отца хорошо знают, уважают и всегда для него держат любимый номер — на первом этаже, двухместный. Ничего, уютный: у стен койки, над койками картины, у большого окна тумбочка, на подоконнике горшок с цветами, за окном — сад с персиковыми и урючными деревьями.

Завтракаем в комнате, или в диетической столовой по соседству — там чисто и вкусно готовят. И что мне больше всего нравится — молочные блюда и свежая выпечка на выбор. Отец отдает предпочтение борщам, каше, и как всегда, черному, серому хлебу, лепешкам. В центральном сквере любим посидеть в кафе: после порции настоящего лагмана. В свободное от настроек время гуляем по городу: по паркам-аллеям, книжным магазинам, ходим в кинотеатр, стараемся не пропустить новые экспозиции в музее Худояр-хана.

Дворец-музей

Хорошо сохранившееся строение, называемое еще «Урдой», возведено по велению Худоярхана (1871—1973 гг.) архитектором Мир Убайдуллои. Экскурсовод старательно воспроизво-

дит историю строительства: приложили руку здесь не только мастера Коканда, но и Канибадама, Чуста, Намангана, Ура-Тюбе, а также мастера кашгарцы.

Ансамбль форматен: общая площадь дворца 4 гектара, фундамент поднят на три метра. По этой причине для входа в основные ворота с восточной стороны построена специальная дорога — пандус. Каждый раз, прежде, чем войти в темные и прохладные своды, задираю голову: в верхней части дарвозахоны среди геометрических узоров,

*Коканд, дворец Худояр-хана.
(www.kokand.uz).*

арабесок ищу надпись на арабском — «Великий Саид Мухаммад Худоярхан». Но это только остатки былой роскоши. Прежде длина дворца составляла 138 метров, ширина — 65 метров. Комплекс состоял из 7 дворцов и 119 комнат. В былые времена «Урда» была окружена внутренними и внешними заборами. До настоящего времени сохранились только два двора и 19 комнат. Резьба по ганчу, роспись, выдержки из Корана по краям голубых керамических плиток — трогаю руками, поглаживаю каждую выбоинку, восхищаясь насыщенностью красок. Кокандский краеведческий музей всякого заглянувшего сюда знакомит с историей края.

Старая картина о будущем

В описываемые мной годы в услуги исторического комплекса входила и езда по железной дороге, которую почему-то называли детской. Но там все было настоящее: рельсы вокруг дворца, миниатюрный паровозик, открытые вагончики, машинист, кассир, контролер. За сущие копейки можно было нарезать пару кругов на скорости, позволяющей насладиться и видами. А как паровозик задорно гудел!

В одном из залов музея экспонировались замечательные картины и скульптуры. Помню, в 9—11 лет крутилась у мраморной статуи «Гермафродит»: ничего не понимала, и «имя» не нравилось. Отец обходил ее молчком, словно не замечая моего интереса, пояснительная записка мне также ничего не говорила. Та скульптура тогда для меня так и осталась загадкой.

Коканд. Сарты перед выборами в Государственную Думу.

Там же, во дворце, впервые увидела картину Василия Верещагина «Апофеоз войны». Очень смутила пирамида из черепов посреди поля-пустыни. — Аллегорическое полотно, провидческое, напоминание из прошлого — будущему. Не дай бог дожить до того времени, когда республики начнут разбегаться по своим национальным квартирам. — сказал тогда отец. — А это непременно случится, и будет это страшное время.

Коканд. Молитва сартов в праздник Курбан-Байрам по фотографии Э. Вильдо.

Штатный экскурсовод! Ну что же вы, как какой-нибудь «заштатный» бубните и бубните о количестве наложниц хана, тычете во все углы гарема, не ленитесь даже полог на постели приподнять. Я понимаю, что у вас свободы, как у мышки в мышеловке. Но расскажите хоть что-нибудь больше похожее на

правду, о том, как жили рядовые кокандцы, например. Что? Надо читать «Ходжу Насреддина» Соловьева? Обязательно. А что-нибудь посвежее? А, так вы кроме «Устройства государства Российского» Карамзина никуда не заглядывали? Что? Когда-нибудь, когда можно будет, расскажете все? Мне не надо когда-нибудь, мне надо в том сейчас, в котором я живу, и пока еще имею интерес к новым познаниям. Штатный экскурсовод тычет в фотографии, которые рассказывают больше, чем купные подписи.

Через несколько лет, повзрослевшая, вновь перешагну этот порог, и буду уже кое-что знать. От отца. Из книг. Не задерживаясь возле мраморного «Гермафродита» (эко диво — двуполый!), прямиком направляюсь к картине детства.

Череп, черепа, черепа. Гора из них стала видна, когда спала река крови. Ох, как не хотели азиаты быть ни под англичанами, ни под русскими, ох, как они жаждали сохранить свою самобытность и право говорить с детьми и любимыми на языке предков. Но Коканд попал под «прицел» полководца Скобелева. Говорят, его называли «белым генералом» за выезд на поле боя в белом мундире на белом коне. И не любили местные. А за что?

«В ночь с 6 на 7 февраля 1918 года Красная Армия приняла штурм Коканда, который сопровождался тяжелыми уличными боями, многочисленными жертвами и пожарами, хаосом, насилием и грабежом. По некоторым оценкам, количество жертв составило от 10 до 15 тысяч человек, в основном среди гражданского населения».

Вернусь к картине: запомнила ее ярко, четко, во всех деталях, по возвращении домой зарисовала по памяти и благополучно забыла. Думала, — навсегда. Но пришлось вспомнить в 91-м, когда не на полотнах-красках, а в реальности произойдет то, что в будущие учебники войдет под названием «Гражданская война».

*Два смысла в жизни — внутренний и внешний,
у внешнего — дела, семья, успех,
а внутренний — неясный и нездешний, —
в ответственности каждого за всех.*

Игорь Губерман

Часть 11.

ДЕТИ, ГРЕЗЫ ЛЮБВИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Почему не Игорек?

Удивительное дело: при всем при том, что отец всегда находил общий язык с учениками (а это прежде всего дети), настраиваясь с ними на одну волну (так было и в отношении меня); при том, что эта «волна» казалась настолько естественной, что не возникало подозрения в «подыгрывании» юному возрасту; так вот при всем при этом мне почему-то всегда казалось, что отец не очень любит маленьких детей. Подчеркну — маленьких. Отец, как мне казалось, как-то «нейтрально» воспринял известие о том, что стал дедом. И когда я ему впервые показала маленький комочек в пеленках, который мы в мужем намеревались назвать Вовой, папка как-то странно посмотрел на него. Только и спросил:

— Почему не Игорем? Красивое имя...

Почему к отцовскому сознанию прицепилось это имя, непонятно, ведь в его окружении не было ни одного Игорька. Может подсознательное «имя влияет на суть человека» давало

подсказку, чтобы внучок хоть что-то схожее имел с художником Игорем Эммануиловичем Грабарем, физиком Игорем Васильевичем Курчатовым? А может из уважения к личностям поэта Игоря Северина, композитора Игоря Федоровича Стравинского? Определенно позитивные и авторитетные личности. Но мы, долго не думая (ориентировались на девочку — Катерину, Наташу), нарекли сына Владимиром.

Отец поморщился. Не уважили? Да нет, причина, думается, в другом: ведь теперь родной внук будет вечным напоминанием о том Владимире, который хоть и носит общую фамилию, но так и не стал в полном понимании сыном. Так, нехотя, мы нанесли отцу очередную психологическую травму. Какую еще? Отца очень обидело, что я сменила девичью фамилию на фамилию мужа, хотя и не сказал об этом вслух. Может все вместе взятое и предопределило его отношение к малышу — несколько отстраненное...

Допускаю, что могу ошибаться, ведь чужая душа — потемки. Но внешние проявления чувств меня несколько обижали, воспринимались несправедливо скупыми.

Отец стал дедом в 76 лет.

Иногда казалось, что отец был не очень доволен «шумным» соседством, редко брал Вову на руки, поглядывал на часы, видимо, раздражался, что отвлекаем от дел.

Может причина в возрасте, о чем нередко говорила мама? Папка во второй раз стал отцом в 53 года, дедом — в 76...

Художник — не профессия

Всегда скупой на внешнее проявление чувств, никогда не сюсюкавший с детьми, отец по настоящему заинтересовался Вовой только тогда, когда тот стал проявлять первые признаки интеллекта — рисовать и тянуться к книгам.

«Малевать» начал с четырех лет, но как! Водит вроде бесцельно шариковой ручкой по листу, а через двадцать минут перед нашим взором предстает... портрет, очень напоминающий отца. Надо же, деда нарисовал по памяти. Несу скорее показать папке:

— Вот, смотри, признаешь?

Признавал, удивлялся сходству, поощрял мое стремление увлечь Вову живописью. Но! Будущего для внука в этом не видел.

— Художник — не профессия. То есть, не та профессия, что может прокормить. Да, можно заниматься живописью и графикой на досуге, но делать специальностью...

— Пап, ну ты что, не видишь, у Вовки талант, ему обязательно надо учиться, идти по этой линии, — отстаиваю я свое убеждение.

— Ну и пусть себе учится на здоровье — для общего развития. Но вы, как родители просто обязаны нацеливать сына на крепкую профессию или ремесло.

— Художник — прекрасная профессия, — продолжаю «бодаться». — Если развить дар, будет толк. Может выйдет из него второй Шишкин.

— Во-первых, назови мне хоть одного счастливого художника. Во-вторых, если уж зашел разговор о воспитании, думается, мальчишке важнее привить навыки к труду и обязательно приобщить к спорту.

С последним я была согласна — труд и спорт дисциплинируют, учат самостоятельности, ответственности. А вот с первым

утверждением никак не хотела согласиться. Даже прочитав «Дом на солнцепеке» Леонида Вольнского. Про трагическую судьбу Ван Гога, чей художественный стиль приглянулся Вове, когда он еще под стол пешком ходил. Художник не был признан при жизни, его «малеванки» только однажды были проданы (тайно купил сердобольный брат художника, чтобы морально и материально поддержать родственника). Гений был признан таковым только после смерти. Дальнейшие мои познания в этой области свелись к некоторому пониманию, что художник — скорее вольное занятие, нежели профессия. И действительно, мало кто в нем был счастлив. Шишкин потому и приобрел мировую известность, что был несчастлив: от превратностей судьбы забирался на день в лесную глухомань и чтобы забыться, выписывал до изнеможения каждую прожилку густого подлеска. Микеланджело страдал от «несвободы», но вынужден был — ради куска хлеба — заниматься ненавистными заказами, удовлетворяя эстетические запросы власть имущих. К тому же в воздухе постоянно витал вопрос: а сможем ли мы обеспечить сыну учебу в Москве, в художественном училище, куда его рекомендовали направить учителя школы искусств.

Ответило время

Возможно, отец был прав и моя настырность не лучшим образом повлияла на судьбу сына: выучись он на химика-биолога (к чему имел также пристрастие), имел бы гарантированный рабочий задел и твердую зарплату. А так, каюсь, тащила изо всех сил по художественной канве, стал всего лишь «околохудожественным» специалистом — компьютерным дизайнером. Ирония судьбы — в век всеобщей компьютеризации, компьютерный дизайнер, что художник в эпоху кисти и полотна. Их тысячи, крепко стоят на ногах десятки, делают карьеру единицы — те, кто получил серьезное образование.

Давний спор с отцом разрешило время: художники действительно оказались не нужны стране, и на предприятиях эта ставка сокращалась в первую очередь. Слава богу у меня хватило разума срочно переориентировать Вову на компьютерную графику, а у него — жажды новых знаний и технологий.

Детские акварели, поздние картины (карандашом и маслом) пылятся в «чулане» как не востребоваанные, тюбики с красками заложены на антресоли — некогда заниматься «блажью», надо зарабатывать, себя кормить, семью. Одно успокоение: верстка и дизайн стали-таки для сына своеобразным ремеслом, которое помогает держаться ему на плаву уже девять лет.

К спорту сын приобщится в ранней юности, самостоятельно: услышав от девочки какой он «худенький», возьмет за правило начинать день утренней пробежкой, обливанием, упражнениями с гантелями.

Вероятно, это и есть подтверждение правоты отца.

Все-таки сложное это дело — воспитание: сколько мудрости надо, а откуда ей взяться у молодых родителей, воспринимающих наказания родителей как менторство. Одно спасает — непреходящее чувство ответственности.

«Тридцать тли»

Азиатская осень — самая прекрасная пора. Город купается в золотой неге. Город «остывает» от знойного лета. Парк Дружбы (возле 10-й школы) меняет зеленые тона на желтые и алые. Сверкают в полете серебристые паутинки. Сегодня 19 октября, день моего рождения. Только в таких цветах и мог быть этот день — голубое с золотом. С рождением, Витка, — говорю сама себе. — Тебе тридцать три. В эти годы отец уже реализовал мечту и строил планов громадьи. Но ты — не он, хотя прошла через Артек, в 27 тоже стала заместителем директора, пишешь стихи и статьи.

Тридцать три. Возраст Христа. Но ты — не он. Он, перевернув мировое сознание, пошел своей дорогой — на Голгофу.

А ты, не сделавшая и части того, что могла бы, пойдешь своей. Хотя — тоже на Голгофу.

Мы все идем разными дорогами, — туда.

— С днем рождения, дочь!

Родители рады мне. На столе в вазе весело раскинулись фиолетово-розовые хризантемы. Мои любимые цветы. Пахнет пловом — отец его готовит обычно сам, не подпуская маму к плите. Аромат... Фирменное таджикское блюдо под утопаю-

щий в соку помидоров салат и без мяса — пальчики оближешь! Так я люблю. Отец предпочитает плов «наоборот» — пару ломтиков пропаренного мяса к горстке риса и много вареного чеснока с зеленью. Сильно не налегаю: вечером придем с мужем и сыном, «досидим» за тортом с чаем. Без особых церемоний: свой день рождения не отмечаю принципиально. Так повелось с восемнадцатилетия, совпавшего с трудностями первой любви. Но посидеть с родителями всегда рада.

— Держи, — протягивает отец фиолетовый том, в котором только что «нарисовал» дарственную надпись.

«Вике! Любимую книгу, любимой дочери от любящих отца и мамы». Джек Лондон! «Маленькая хозяйка большого дома!» Родители всегда угадывали мои желания.

— Твой обожаемый Джек Лондон, — шутливо подхватывает мою мысль отец. — С твоей обожаемой «маленькой хозяйкой»! Сколько тебе — уже «глидцать тли»? Совсем большая девочка... Почти такая же, как Паола. Она ведь тебе симпатична, правда? И Дик? Или... Грехем?

Прикуривает папиросу, склонив голову к пламени спички, а взглядом косит в мою сторону — улыбается чуть иронично и тревожно. Чувствуя себя не в своей тарелке. Мы нередко «философствовали», спорили «обо всем на свете», но никогда (по умолчанию) не говорили на подобные темы. И вот отец нарушает табу. Это для меня полнейшая неожиданность.

— Ладно, — начинаю злиться, — При чем сейчас это?

— При том, что тебе уже «глидцать тли», у тебя уже сидна проглядывает. И, наверное, мы уже можем поговорить повзрослому? — Полушутя-полусерьезно продолжает отец.

«Нет, не можем, — думаю я. — Поздно». А вслух просто... насупленно молчу.

«Фу! И — нет...»

Как, оказывается, трудно нарушить многолетнюю норму. Мы никогда не заходили на чужую территорию, и на свою особо не впускали. Так повелось: все, что творится в душе — держать под замком. Прежде это нас устраивало. Теперь мысли отца почему-то изменили русло.

— Скрытная, ты, дочь. Но хочется верить, что мудреешь. — тяжело вздохнул отец.

Пауза превысила лимит, отпущенный Станиславским. Беломорина в пепельнице превратилась в пепельного червя. В воздухе повисла недосказанность. Неожиданно берет пепельницу с серым «червем».

— Видишь?

— Вижу...

— Что именно?

— Пепел.

— Прежде это была папироса — твердая и целая, и что — сломать ее, понадобились бы определенные усилия. Огонь сделал свое дело, превратив относительно твердое в пепел.

— Ну, и?

— Ты понимаешь, о чем я, у?

— Может о тленности всего сущего...

— Может. А может о другом. Все, что нас окружает, и все, что внутри нас — не вечно, и оно может как металл, стать ржавчиной под натиском воды, сгореть листком бумаги, или вырасти из семени в раскидистое дерево. Тебе кажется, что это «червь», а это...

Отец берет блюдце, дует на пепел, смотрит, как тот испаривается. Ставит пустое блюдце на место.

— Фу! И ничего нет! Пустота!

— При чем тут «тлидцать тли»? — спрашиваю, окончательно разозлившись. Подоплека отцовской тревоги мне понятна. Но я не желаю об этом говорить.

К какому-то рубежу каждый человек уже разумеет, чего в нем больше — металла, воды, огня, семян, совпадает ли конечный результат с тем, о чем мечталось. Когда человек не может дать себе четкий ответ, возникает подозрение в его глупости или... компромиссе с самим собой. Такая стоворчивость может когда-нибудь обернуться протестом, хаосом, разложением внутреннего «Я», превратив его в пепел. И тогда... «фу, и пустота».

Фрейд и Грей

— Ну хорошо, — смягчается отец, увидев мое обиженное лицо. — Может тогда скажешь, исходя из чего человек дела-

ет свой выбор в чувствах, по каким признакам определяет, что это именно то, что надо?

«Спроси что полегче», — подумала я. А вслух:

— Ты меня оскорбляешь подозрением в преобладании плотского. Это же противно и унизительно...

— Да? — вздернул брови отец. — Так что тогда, если не фрейдовское лежит в основе выбора пары?

Я тогда еще не была знакома с трудами Фрейда, как впрочем, ни с какими другими по проблеме создания семьи и философии поиска своей половинки. Но начала подбирать слова под имеющиеся мысли, ориентируясь на личный опыт.

— Когда человек созрел, готов к этому, он сам еще не знает этого, только его подсознание...

— Значит все-таки — Фрейд? — иронизирует отец.

— Нет, не то. Вот смотри, сколько разных людей встречается на пути молодых людей. И до поры до времени они копаются как курица лапой, выбирая: вроде бы и красив объект, и умен, чего еще надо? Но чего-то — самой граммулечки — не хватает, как некоторые говорят — искры.

— Опять уши Зигмунда, — шутит отец. — А ты не умничай, говори, как думаешь.

— И над этой граммулечкой человек не властен, — продолжаю я, стараясь не замечать «подколы». — Ни высечь ее, ни затушить не может. Потом происходит метаморфоза. Вчера человек общался с кем-то, и искра не зажглась. Сегодня человек общается с казалась бы, похожим, но искра сверкнула. И тогда говорит: вот то, что я искал. То, что прежде встречалось в каждом в отдельности, как кажется ему, в данном случае слилось в единое целое. И что-то выстрелило.

— И ты назовешь это любовью, так?

— И он назовет это любовью. И даже не догадается, что его избранник до сих пор для кого-то был «без граммулечки». Не подумает о том, что те, кого отверг, для кого-то идеал, а его выбор в чьих-то глазах — «холостой выстрел». Все так субъективно. Это и могло бы быть ответом — просто к конкретному моменту человек готов к конкретному чувству. И тогда уже в симпатичном человеке значимой кажется каждая мелочь. Может так...

— Невзирая на твою косноязычность, мысль понятна — человек просто созрел. Чистейший фрейдизм, — заключает отец.

Попытка открыться, поговорить по душам оказалась неуклюжей, и потому — последней.

Конечно же, я великолепно понимала, шкурой ощущала тревогу отца за мое не только «женское», но и «человеческое» счастье, неважно, породила ли его искра или фрейдизм (а может это одно и то же в разных словах?) Он хотел, чтобы возле меня был не просто спутник, а родственная душа, хотя не удосужился поделиться соображениями, на чем первично она зиждется. В его понимании моя практика мало укладывалась в идеальную формулу.

В ранней юности, возмнив себя Ассолью, я взшла на крутой берег Мечты, но вместо лучезарного счастья увидела трагедию: корабль с алыми парусами, казалось бы несущийся на всех парусах ко мне с Греем на борту, вдруг резко сменил курс и исчез за туманным горизонтом. Не так ли я «ждала», не сумела доказать свою «ассолью» сущность, может просто глупа была или слишком смугла, — не считал необходимым объяснить.

После той «катастрофы» сделала ставку на душевную чистоту, открытость, простоту и взаимность, переставив в конец «списка желаний» претензии на незаурядный ум, особенность и красоту. Видимо, вот эта моя «новая вера» в то, что вышеупомянутые свойства в принципе не так далеко стоят от теории «родственности душ», отцом принята за банальную «заниженность требований», что конечно же, не могло его не расстраивать. Мама же, наоборот, была довольна, при любом случае приговаривая: «Муж должен любить жену больше, чем она».

А может все проще, как в песне: «Каждый выбирает по себе...», и каждый в итоге становится половинкой того, кто действительно больше подходит, а не как мыслилось с розовых снах?

Слово изреченное есть ложь

— Ты доверчива. Слишком доверчива, — частенько повторял отец. — И это тебе будет сильно вредить.

— Ты простушка, — вторила мама. — Все берешь на веру. Такой быть нельзя, потому что люди злы, могут пользоваться этим, манипулировать в своих целях.

— Знаю, знаю, — говорила я отцу. — Но все равно верю. Хотя уже как бы не веря, ведь и так бывает после трудного опыта. Верю. Даже молчанию. Потому что это тоже информация о человеке: Не может ответить, Не желает из-за отсутствия интереса или страха соврать, обидеть. Я тоже иногда прибегаю к помощи молчания. А ты разве нет?

— М-м-м... Иногда приходится.

— Так вот, оно на мой взгляд, чаще остального бывает именно правдой. Вот скажи, откуда взялось представление о человеке верящем — простак, простушка? Откуда взялись установки: верить — неправильно, глупо, «только себе в ущерб»?

— Может ты сама поищешь ответы на эти вопросы? — отец уже с любопытством смотрел на меня.

— Наверное оттуда же, откуда берутся ложные ответы — из... неверия человека, изрекающего ложь.

— «Сло-о-во изрече-е-нное есть ло-о-жь», — протянул отец. — Это не я придумал. Можно ли не врать? Если поковыряться в хитросплетениях слов, в разнице между тем, что хотелось сказать, тем, что произнесено, и тем, как это воспринято — так оно и есть. Ну, подключай извилины — что рождает погрешности, что слово делает ложью?

— Три вещи: нежелание говорить правду, неумение говорящего Точно выразить мысль, желание слушателя слышать то, что Хочется. Иногда истина так закутывается в синтаксические «покрывала», что превращается в непроницаемый кокон, и ни черта уже не поймешь. Это по-моему, тоже вид вранья. Или страх обнажить свою истинную сущность, и тогда получается уже — самозащита. Но можно ведь и Быть проще. Надо только хотеть.

Слегка откинувшись на спинку стула и подперев пальцем висок, отец внимательно слушает меня. Это вдохновляет на раскрытие темы.

— Так верить или нет? — продолжаю я. — Каждый решает сам. Я — верю. Хотя бы избранным. Тебе, например, маме, Коле, сыну. Без этого невозможно чувствовать себя полноценным человеком.

— Ну-ну... — отец осторожно поощряет меня на дальнейшие разглагольствования.

— Еще один вечный вопрос — разница между Не хотеть и Не мочь. Собрался, да не смог, хотела сделать, но не смогла. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда я Не верю. Что значит «Хотела, но не смогла»? Когда хотят — делают, а в итоге — могут. Следовательно — не могут, когда Не хотят. Или ограничены жесткими обстоятельствами, не позволяющими это сделать.

— Квинтэссенция мудрости: желание — тысяча возможностей, нежелание — тысяча причин. Интересная точка зрения. И примеры есть? — отец меняет позу, слегка склонившись в мою сторону.

— Пожалуйста. Путник хочет пить. Откажется ли он проделать путь до оазиса или до лагеря, где есть бурдюк с водой? Дурацкий вопрос, правда? Да ни в жизнь! Он сделает Все, (хоть до соседней галактики дошагает) чтобы найти воду и утолить жажду. Потому что Хочет. А вот сытый на своей кухне повар вряд ли примет приглашение на званый ужин, предпочтет остаться возле своих кастрюль. Примет приглашение только когда они опустеют, когда проголодается. На худой конец, когда чужой укус покажется слаще.

Так к чему же говорить именно так «Хотел бы, да не могу»? Не лучше ли напрямую — не желаю делать шаг — к оазису, на ужин, к примирению, и т. д.

— Ну знаешь, если бы по твоей максималистской схеме был выстроен мир, он бы давно рухнул. Правда иногда и палачом бывает...

Не тщишь, ответа нет

— А применительно к области чувств сможешь привести примеры? — интересуется отец, прикуривая папиросу.

— Не знаю... Мне кажется, беда чувств в том, что отуманенный мозг не в состоянии разобраться во всех этих тонкостях, и на выходе получается «Сам обманываться рад».

— Насколько я понял, ты в последнее время проявляешь интерес к психологии, и тому, что я считаю лженаукой — астрологии. Хотелось бы услышать твое определение разности понимания с этой точки зрения.

— Но если лженаука, — зачем?

— Интересно слушать, как рассуждает моя повзрослевшая дочь. Так что там с «сам обманываться рад»?

— Ну да. И начинается то, что астрологи называют «векторными отношениями». И вот уже маячит прямая «хозяин — слуга».

— У?

— Это когда один верит безоговорочно всему, делает шаги навстречу, мечтает сохранить человека, к которому привязан эмоционально, до болезненного уровня. Имя ему «слуга». И когда тот, другой, более «прохладный», насладившись и пресытившись, играет в сомнение, или превращается в тирана. Иногда в игривого кота: «А разве ты меня помнишь только по вторникам?», иногда в жестокого «Теперь твоя очередь побыть слугой». Иногда в философичного циника «Надо же: стоит повернуться спиной, как к тебе и потянутся». Имя ему «хозяин». Все вместе — тот случай, когда «порознь ад и вместе не рай». Тоже разновидность чувства. Наткнулся на подобное, беги прочь сразу же, без оглядки. Ничего, что плохо: отревешься день (неделю, месяц, год) — и прийти в себя. Потом встретить настоящего «партнера» и поняв разницу (с «хозяином»), возликовать — чаша сия меня слава, богу, миновала. Правда налет горечи на душе останется навсегда. Еще хуже, когда случается «треугольник». Египетские пирамиды еще тысячелетия простоят, а те, кто «треугольник» своими же руками выстроил — костями полягут у ее основания. Образней не скажешь. Мне кажется, нечто подобное встречалось и в твоей жизни.

— Так что на сей счет советует психология?

— В первом случае — бежать, во втором — даже и не думать брать в руки «мастерок».

— Мудреешь, дочь... Бежать говоришь? Ну-ну, — смеется отец. — И вдруг неожиданно для меня переносит продолжение разговора на неопределенное будущее. — Давай так договоримся: ты еще раз внимательно прочтешь «Маленькую хозяйку большого дома», познакомишься с Фрейдом, и тогда продолжим этот разговор. Идет?

Конечно, мне хотелось довести беседу до логического конца — к «магнитам» и «антимангнитам» в личной жизни отца. Но видимо почувствовав мою попытку покуситься на сокро-

венное, он поставил точку. Конечно же, продолжения разговора не случилось ни после моего знакомства с Фрейдом, ни после «сверхпрограммной» читки Шопенгауэра, никогда. Поэтому попробую сама поискать кое-какие ответы.

Где ты, Ассоль?

(психологический этюд)

Как загипнотизированная смотрю и смотрю в фото из «ташкентской серии», где в компании семейной пары отец отдыхает вместе с Ольгой Никольской. Группа из четырех человек удобно расположилась, устроив нечто вроде дастархана, в тени деревьев у края поля. Папка молод, красив, но выглядит слегка напряженным и загруженным (был неприятный разговор?). Голова чуть наклонена вниз (настырность, неприятие чего-то), отсюда взгляд прямой исподлобья (недоверие?). Левое плечо сильно поднято (сомнение? Неуверенность?) Рука, опирающаяся о землю, развернута «лицевой» стороной (признак откры-

Ташкент. На отдыхе с супругами Грузо. Ольга справа, рядом отец.

тости) и под градусом в сторону руки Ольги (интерес). Если глаза — зеркало души, то вряд ли их обладатель был счастлив на пикнике.

Брюнетка со строгой прической — прямой пробор, узел на затылке, в светлом платье — Ольга. Сидит чуть поодаль (Отстраненность?) и впереди отца (знание своего места). Корпус тела сильно наклонен в сторону подруги (признак интереса). Лицо слегка склонено набок (интерес к происходящему). Поза не скованная (Удалось расслабиться? Не брать в голову мысли о «напряге» мужа?) Левое плечо сильно опущено (усталость? Подбородок слегка вздернут (превосходство), глаза слегка опущены, с прищуром (думы о своем, разочарование?) Полуулыбка левым краем губ (высокомерие?)

Если глаза — зеркало души, то ... Ассоль, ау, где ты?

Вот они, совсем молодые, сидят на огромном каменном валуне у реки. Она, сомкнув руки на поднятых коленях («кольцо» закрытости?), спиной к отцу (Демонстрация неприятия? Неинтереса?). Отец стоит рядом, вытянув кверху руки (Признак доверчивости и открытости?) с увесистым камнем (Демонстрация мужской силы?). Впрочем, нет уже этой фотографии в описанном виде: не помню когда и по какой причине, но кажется после очередного разговора с кем-то из Ташкента отец взял ножницы и безжалостно отрезал «ее» от себя — сразу на оригинале и копии снимка. С тех пор так и остался один, с тяжелым камнем. Как в жизни — почти «одиночка», с тяжелым камнем... на сердце.

Греясь в тени былого

А книги? Какие книги отец любил читать? Да всякие. Но с каким-то особенным интересом, граничащим с ликованием, знакомился например с перепиской Чехова с Книшпер, тоже Ольгой. Случайное совпадение? Возможно.

— Витка, он называл ее «собакой», ты слышишь? — говорил, чему-то смеясь, как ребенок.

— Какая гадость! Как она могла жить с ним! — возмущаюсь я, усиливая отцовский приступ смеха.

— Да-да, не просто собака, а «моя милая собака Олька»!

Отец на природе с Ольгой Никольской, которую отрезал после той поездки в Ташкент.

Как бы то ни было, но при составлении моих учебных и экзаменационных программ отец всегда включал (добровольно-принудительно?) Эдварда Грига.

— Не верю! — вскрикиваю я, и только когда отец ткнул пальцем в раскрытую страницу, и я своими глазами вижу ту самую «собаку», снижаю: — Как же так...

— А вот так, — говорит отец и непонятно улыбается. — Милая собака, и все тут. Своеобразное проявление нежных чувств и никаких оскорблений.

— Ничего себе нежные чувства, — вяло спорю я. — когда обзываются.

— Так ведь — любя, — опять смеется отец.

Почему мне запала в память эта очень давняя сценка? Может потому что отец был искренне счастлив, встречая не только родное имя, но и близкие его опыту ситуации, примеры сложных, счастливо-несчастливых отношений?

А музыка... Брат говорит, что они еще будучи «женихами» устраивали музыкальные вечера. Она играла ноктюрн Листа, и в четыре руки с отцом — норвежские танцы Грига. Григ, Григ... Музыка этого норвежца всегда звучала в нашем доме. Это был едва ли не любимейший композитор отца. Потому что его любила Ольга? Или она полюбила Эдварда вслед за отцом? Что тут первично?

*Разминка на природе. 1936 г.
«Половинка» также отрезана.*

С его «Поэтическими картинками» *Allegro ma non troppo* сдавала экзамены в музыкалке.

С его драматической пьесой «Смерть Озе» поступала в училище, вместе с авторским *Andante doloroso* «умирая» над фоно...

С его лирической пьесой «Свадебное шествие в Трольхаугене» (местечко в Норвегии с виллой композитора) на девять страниц (!) невероятно сложного аккордно-синкопического рисунка (почти ломая пальцы) сдавала промежуточные зачеты!

Так вот почему отец жутко расстроился, даже разочаровался во мне, когда я так и не осилила до конца все четыре части 25-страничной сонаты... Сама «она», возможно, играла ее. Или любила слушать, как отец играет для нее. Вот почему в скромном наследии (духовном, духовном), оставленном отцом, присутствует затертый том избранных фортепианных произведений этого композитора.

Она — везде

Наверное, оттуда же родом (а не только из памяти к родине предков) одержимость вальсами Штрауса, пьесами Брамса, мазуркам и полонезами Шопена, сонатами Бетховена, Рахманиновым. Подтверждаются ли мои догадки хоть чем-нибудь или являются всего лишь домыслами? Думаю, подтверждаются.

Вот сохранившаяся только благодаря маминой заботе программа 2-го концерта из цикла «Мастера классической музыки» мая 1948 года.

Первое отделение. Бетховен «Пятая симфония», первая часть. Исполняет А.В. Хорват. Бетховен, «Соната № 14» («Лунная»), адажио sostenuto, аллетто, престо аджитато — исполняет А.В. Хорват.

Лист, «Венгерская рапсодия» № 2 — исполняет А.В. Хорват.

Второе отделение. Григ «Поэтические картинки» и лирические пьесы — исполняет он же. Из-под его же концертмейстерских рук льются мелодии романсов Чайковского «Забыв так скоро», «Мы сидели с тобой», «Песня цыганки».

Еще одна программа, уже 3-го ученического концерта детской музыкальной школы, май 1948 года. Аккомпанирует вокалистам А.В. Хорват. Он же — руководитель творческой группы, следовательно лично выбирал и утверждал репертуар.

«А.В.»? Какой еще «А.В.»? Ведь по документам Александр Александрович? По бумажкам — да, по личному желанию — Владимирович — в честь сына Владимира от любимой женщины...

Отец с мамой. 1981 г.

Он ее не забыл! Она была в стихах. Она была в прозе. Она была в музыке. Она была в воспоминаниях. Ее тень была в его имени. Она была — везде. И это похоже на правду. На ту, которую называют «половинкой» (родственной душой?), и потеряв которую, чувствуют себя так же, как Земля без Луны, вырванной силами космоса из ее лона.

Я к первой жене отца, надо признаться, все время ревновала. Равно как и к брату, которого, как мне казалось, отец любил больше, чем меня.

Но ладно я. А мама? Моя бедная мама? А она, кем она тогда была для отца?

— Береги мать, — в последние годы очень часто говорил он. — Она большой души, порядочный и очень добрый человек.

Да уж, похлеще чего-либо порой издевается над нами ответственность.

*Таков закон дворца, где правит зло:
то ты в седле, — то на тебе седло.*

Фирдоуси

Часть 12. Страшное время (1985—1992 гг.)

Эстетические потуги

В конце 80-х отец полностью сосредотачивается на музыкальном просвещении. У него много планов и все хочется успеть — возраст поджигает.

1985 год. Страна получает долгожданный документ «Основные реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Под кондовым названием кроется потаенное признание — государство наконец-то вспомнило, что не математикой единой жив ученик. Важнейшей задачей определяется значительное улучшение художественного образования и эстетического воспитания учащихся. Подчеркивается — «значительное». Таким образом дается понять, что «в целом и в общем» с этим не все о'кей. Словом, на горизонте в рост страны встала тема, на которой Хорват исписал не одно перо.

Чтобы понять, что именно в Ленинабадской области следует «значительно улучшить», совместно с руководителем облоно Х. Турдыматовым инспектирует художественно-эстетическую платформу области. Причин для успокоенности мало: в городах и селах области действуют 360 клубных учреждений, работает в них 500 работников культуры, 642 общеобразовательные школы и так далее. Но это хромающая армия. Лично объездив города и районы, отец убеждается — значительно двинуть предстоит многое. В школах не хватает хормейстеров и музы-

кантов, лишь пятая их часть имеет дипломы специалистов. Например, в Пенджикенте из 100 учителей музыки лишь один из десяти имеет профессиональное образование: учат в основном любители, без знания музыкальной грамоты, на слух, без педагогического опыта. Такое положение признается нетерпимым.

Да, у каждой школы свое лицо, своя изюминка. Скажем, школа № 7 Ленинабада имеет 19 художественных кружков, не считая иных направлений, с охватом в 500 учащихся, хор, драмгруппу, поэтический клуб. Художественно-воспитательная работа школ Чкаловска имеет свою отличительную особенность — сотрудничает с музыкальной школой им. Р. Глиэра. На базе чкаловской школы-интернат базируется отдел народных и духовых инструментов. Но нет системы, крепкой базы, не хватает кадров, не на чем укрепиться принципу непрерывности художественного образования. В цепочке — детский сад — общеобразовательная школа — музыкальная школа — вуз — досуговые учреждения — слабые звенья и провалы.

Мыльный пузырь

Следует серия материалов: каким должен быть специалист в условиях современной школы, учитель — общественник, организатор, первый помощник директора во внеклассных мероприятиях, где взять таких специалистов, где взять таких наставников, формирующих художественный мир молодежи?

Александр Александрович Хорват предлагает решать проблему сообща. И как всегда, кардинально: через соответствующие министерства совместно с ректором пединститута и облоно добиться решения об организации отделения или музыкальной кафедры в институте — для подготовки учителей по музыке и пению для школ. Пересмотреть учебный план института усовершенствования учителей, пополнив его специальными предметами по музыке, вокалу и хоровому дирижированию. Увеличить объем учебных часов по этим предметам.

Хорват убежден — пришла пора задуматься над образованием в областном центре своего училища искусств. Оно должно готовить художников-декораторов, мастеров плаката и наглядной агитации, преподавателей изобразительного ис-

куства. Здесь же должны получать профессиональную подготовку специалисты по народным инструментам, руководители хоровых коллективов, баянисты и аккордеонисты, режиссеры и балетмейстеры, руководители ВИА, кружков художественной самодеятельности.

В таких кадрах остро нуждаются и общеобразовательные школы, и дома культуры, и клубы области. Но на дворе перестройка, павловские денежные реформы, товарный дефицит, политическая анархия. Культура с ее проблемами, рожденными «остаточным принципом», вновь задвигается на задний план, облачаясь в платье Золушки. И ведь не поспоришь с обстоятельствами — реформы требуют финансовой основы, а денег в казне с гулькин нос. Государственный проект оказался красивым мыльным пузырем.

Шелуха от семечек

Отец чувствует себя прекрасно, как всегда, оптимистично настроен, иногда позволяет «чисто по-мужски» повертеться перед зеркалом тем и этим боком — костюм сидит ладно, светлая рубашка освежает смуглое лицо, галстук гармонирует с чем надо. Чуть-чуть парфюма, последний штрих — пригладить волосы. Теперь можно сделать довольное лицо, подмигнуть себе, и потихоньку насвистывая любимый вальс Штрауса, уверенной походкой шагнуть за порог — по редакционным делам.

Соседки на лавочке — пожилые и не очень дамочки переглядываются, шепчутся. Когда отец равняется с ними — приветливо здороваются, некоторые «елейно». Скажу откровенно: лично я здороваюсь холодно, потому как не люблю, нет, скорее, не уважаю теток за пристрастие к пересудам. Сколько раз они отравляли жизнь моей маме, не счесть. В юности моей: «Лена, вы знаете, что ваша дочь курит? Почему у нее нет подруг? Зачем она дружит с тем-то и тем-то, у них ведь репутация так себе?» В замужестве моем: «А почему ваша дочь ходит в одном и том же платье — у нее больше одеть нечего?» И так далее, тому подобное.

Отец только иронически посмеивается, когда мама передает разговоры, советует меньше слушать теток. Но мама продол-

жают слушать и близко принимать к сердцу. Родители знают о моем «покуривании» косвенно: с поличным ни разу не ловили, сама я молчала как партизан (еще бы!). Но то в кармане, то в сумке предательски околачиваются пачка со спичками. Из чего делается вывод, что к этому имею отношение именно я, а не сосед Вася.

Отец не запрещает дружить ни с кем, и я не держу в секрете список подруг, тем более, что он не выходит за пределы двух-трех строчек. Мама наставляет-вразумляет: «С этой не дружи, туда не ходи, то не говори, слишком короткое не носи, глаза не крась...» Может она и права, но я слушаю, и делаю по-своему. Не страдая эпатажностью, все-таки рискую показаться соседкам таковой — в отместку на их «больше нечего одеть?», меняю плаття каждый день. Но легче не становится — соседок на мякине не проведешь. Теперь маму допекают «наоборот»: «Лена, чего это дочка наряды меняет как перчатки?»

Что взять с тех, для кого нет дела важнее лузгания семечек на обочине палисадника? Вон, тетенька, у вас и шелуха прилипла, сплюньте, а то косточки перемывать мешает...

Повзрослев, перестаю «видеть» лавочку, без оглядки на вкусы замученных ложной нравственностью бабок или еще кого бы то ни было. Пусть их... Живу по своему духовному кодексу и моральному уставу. Я — сама по себе. Такая, какая есть. И меняться в угоду кому-то не намерена. Тем более, что... Ну найдите еще одну такую, как я!

Отец, выслушивая подобные сентенции, прикуривал, смотрел особым взглядом, улыбался и... солидарно кивал:

— Да уж, не найти. Не красавица, но с характером. Оставайся, как есть.

Торс и дух

Когда мы с отцом идем по улице — не спеша, я держу его как всегда под руку, разговариваем, — прохожие оборачиваются вслед. Папка и вправду хорош.

— Девятый десяток? Да бросьте! — недоверчиво улыбаются знакомые.

Он вправду «о-хо-хо!» безвсяких теплых стенок: покатые плечи, мощный торс, подтянут (никакого живота, «полагающегося»

мужчинам в этом возрасте), бронзовый загар, великолепная осанка. Говорят, красота требует жертв, но у отца все в удовольствие: 20 «растяжек» металлического эспандера на груди, столько же — за плечами, 20 жимов на руках от пола, 10-килограммовая гиря в одной, потом в другой руке, иногда — с «перелетами», накачка пресса (секрет плоского живота!). Я сижу на ногах (как противовес-грузило), отец на табурете медленно откидывается назад и медленно возвращается в исходное положение, руки сомкнуты замком за шеей. Попробуйте, ребята, сделать это ежедневным удовольствием, и на вас в 81 тоже будут оглядываться. Только не забывайте — есть еще один секрет, без которого первый (спортивный) слабо работает — здоровый дух.

Оптимизм — главное состояние души отца. Врожденное. Хотя и не был толстокожим, многое близко к сердцу принимал, особенно по работе. На сплетниц всегда с высокой колокольни глядел, но если дело касалось публикаций...

Впрочем, не буду лукавить, оптимизм отца всегда удивительным образом соседствовал с некоторым цинизмом, (большим разочарованием?), что на мой взгляд вполне объяснимо — пройти через такую «мясорубку» и сохранить юношескую невинность...

Эта «смесь» хорошо проявляется в любимых, и таких противоречивых поговорках отца: век живи — век учись, благими намерениями выложена дорога в ад, не имей сто рублей... лучший друг — отражение в зеркале, все одним мирром мазаны; терпение и труд все перетрут, хорошо там, где нас нет, человек — мера вещей; не так страшен черт, как его малюют, человек человеку — волк. Но я уже давно научилась «фильтровать» подобный «микс», по честному деля поровну того и другого на полюса событий. Как делал это отец. Только на одно «смесь» не налипала — на любимую работу.

Последний вираж

1986 год. Мы вновь в Коканде. Правда, в расширенном составе: отец, мама, я, мой спутник жизни Коля. У отца, как всегда, «настроечное турне». Но свободное от работы время отдает не прогулке по городу, как прежде, а обзвонке предварительно сорванных со столбов объявлений: «Меняем...» Ищет то, о чем

Последнее фото отца, сделанное до болезни в Коканде.

давно мечтал: домик с садом-огородом. Только по счастливой случайности не становимся хозяевами трехкомнатной халупки, именуемой коттеджем только потому, что ее окружает яблоневый сад. Спасла досадная для обменщиков деталь — близость химзавода.

Мама в недоумении, мы, «молодежь», тоже: в стране кавардак, разброд и шатания — спутники начала конца — распада Союза. Уже три года в республиках активно муссируется тема независимости, начался тихий исход. Первые волны эмиграции вымывают лучших представителей интеллигенции, четко обозначились этнические ручейки.

— Пора и нам что-то предпринимать, — говорит наш знакомый Георгий Львович, у которого гостим. Житель так называемого «еврейского квартала» не на шутку взволнован: — Александр Александрович, неужели так и будем поодиночке пропадать, ведь все рухнет. Надо объединяться и...

— И? — иронично переспрашивает отец.

— И, конечно же, уезжать.

— Куда?

— В Израиль.

— Почему не в Америку сразу? — смеется отец.

— Так я и предлагаю обсудить, что, да как, — загорается Георгий Львович. — Главное, принципиально решить, чтобы не по одиночке, потом и детали.

— Хорошо там, где нас нет, — изрекает отец, и тушит папиросу, давая понять, что разговор окончен.

Язык по закону и понятиям

В республике — непонятно что. То есть, понятно, конечно, и потому аж знобит. Как только заговорили о придании таджикскому языку статуса государственного, так и стало страшно. Лично мне — еще в 1987 году, когда представители национальной интеллигенции забили тревогу: таджикский язык в опасности, он вытеснен из системы госуправления, науки, культуры, его роль сведена до уровня бытового! Творческая интеллигенция, вставшая в первые ряды марша возрождения, говорила о том, что в республике выросли уже целые поколения, не знающие родного языка и культуры. Правящая элита страны не мо-

жет говорить по-таджикски — позор! А не говорит, потому что непристужно. Надо срочно исправлять ситуацию.

Отец подбавляет масла в огонь:

— Говорил тебе, учи язык, учи. Леня матушка заела...

— Да как ты не понимаешь: дело не в языке! — вступаю жаростно в спор.

Пытаюсь по лицу отца определить — он что, действительно, не понимает, в чем дело, что первично в желании «возродить»?

— Нет, — сказал, как отрезал, отец, — и в нем — тоже. Жить в стране и не знать ее язык — оскорбительно для нее, стыдно для незнающего. Хорошее знание таджикского может не понадобится инженеру при возведении ГЭС, хирургу, уборщице. Но ты ведь не хирург, и если не ошибаюсь, не желаешь быть уборщицей, а? Учи, пока не поздно, учи!

В обществе продолжают бурные дебаты. В Душанбе проходят санкционированные и несанкционированные митинги. Пресса бурлит от полемики — проект Закона о языке обсуждается жаростно: кто-то считает, что делать это необходимо молниеносно, кто-то предлагает повременить до лучших экономических времен, когда появятся средства на реализацию программы, а это непременно должна быть серьезная программа — с курсами переобучающими, новыми учебниками, а там до смены деловых бланков на государственный язык рукой подать — понадобятся серьезные финансовые и интеллектуальные ресурсы.

Я тоже полемизирую — с собой. Допустим, кое-как выучу, дальше что? Ассимиляция? Такая перспектива не греет. Также не зная языка, сын подрастает, а ведь ему скоро в армию.

— Как хотите, а я буду искать место, где смогу быть не уборщицей без знания таджикского, — говорю родителям, и сажусь за письменный стол.

Отец воспринимает мое решение как вызов:

— Зачем куда-то уезжать, когда можно овладеть древним и красивым языком и здесь оставаться уважаемым человеком?

Превращаюсь в писаря. Строчу запросы. В гороно, редакции страны, и рассылаю, рассылаю, рассылаю: пять, десять, трид-

цать, сто четырнадцать. «Сообщите пожалуйста, требуется ли вам... (резюме прикладывается), предоставляется ли жилье». Карта, что висит на кухне, покрывается красными кружочками — туда уже отписала, и крестиками — оттуда уже ответили отказом: специалисты нужны, жилья нет.

Родители нервничают, боятся, что я их брошу. Успокаиваю: «Ну что вы, как я могу...» Сама нервничаю вдвойне — зачем пишу тогда? Пытаюсь себя успокоить: вот поеду, устроюсь, вызову Колю, закрепимся и заберем родителей. Хотя прекрасно понимаю — это бред собачий. Получить благоустроенное жилье, достаточное для пятерых человек, невозможно. Но продолжаю писать. А как иначе, делать-то что-то надо.

Творческая интеллигенция и митингующие были услышаны — Закон о языке принят. Государственным языком становится таджикский, русскому отводится роль языка межнационального общения.

Попытки «сделать ноги»

И вот приглашение: Волгоградская область, поселок Равнинный. На границе с Калмыкией: солончак, жуткий дефицит воды, население поселка колодезной водой (не отвечающей требованиям САНПиНа) только скот поит, питьевую выпрашивают у председателя колхоза. А тот — жмот, каких поискать: навесил на колодец замок и подпускает только «элиту». Впрочем, какая там элита в населенном пункте, где от дома до школы без резиновых сапог не добраться, а кирпичных (пока неблагоустроенных) двухэтажек всего две. Так, — родственники, директор школы, особо приближенные.

Всю ночь на чердаке «гукают» и копошатся жирные голуби, под окнами орут пьяные сельские байкеры, под утро — воют волки. Степь, да степь кругом. Вечно закрытый медпункт, сельпо с полусухим хлебом (все все сами выращивают и хлеб выпекают), школа, кладбище. Вот и вся «инфраструктура». Остальное — вокзал, телеграф, больница — в райцентре.

Нашей семье в солончаках делать нечего, разве только кур-свиней разводить. Возвращаюсь, похудевшая за месяц на восемь кг. Конечно же не для того, чтобы учить язык.

Я, как и страна, тоже сделала шаг, приняв внутри себя Закон о сохранении — собственного языка, себя, родных.

Через год делаю вторую попытку — еду в горнорудную и металлургическую базу страны, опорный край державы. Свердловская область, город Красноуральск. В считанных километрах Нижний Тагил, и Серов, их медное и серное дыхание чувствуется повсюду. Запах тухлых яиц, знакомый со школьного курса химии, на северном Урале, кажется, не истребить ничем. Форточки в домах закупорены, но это не спасает, химией пропитывается одежда, портьеры, постельное белье. Вот как мой комплект в гостинице, где устроилась на ночлег. Под утро глаза плачут, нос не дышит, поднялась температура. Говорят, так у многих с непривычки. Но разве к такому можно, а главное — нужно привыкать?

— Да здесь одни «болты» остались, — утром втолковывает мне молодой парень на почтовом отделении — Нормальные давно уехали. А вы — сюда, что-ли, решили?

И не подумаю. Из-за серы. Из-за медеплавильного комбината под окнами предлагаемой мне квартиры. Из-за того, что ни привезти сюда родителей, ни тем более бросить их не смогу. Возвращаюсь. Родители рады. Мы с Колей расстроены. Как все нескладно...

Внезапная болезнь

... Та поездка в Коканд стала конечной остановкой на дороге настроечных путешествий. Чертой, за которой для отца не осталось места ничему, кроме боли. Его внезапно настигает серьезная болезнь. От кардинальной операции отказывается, ограничиваясь полумерой. И фактически становится инвалидом. Как иначе можно назвать всегда деятельного, цветущего человека, нынче не могущего выйти за пределы квартиры из-за вживленной в тело проклятой выводной трубки? Отец подавлен, для него это катастрофа. Но на предложения докторов удалить опухоль отвечает отказом. Положение усугубляется повторной операцией (та же самая полумера), вызвавшей осложнения. Когда оглушенный болью и одурманенный сильными антибиотиками отец готов сказать медикам «да», уже те отвечают — «организм не выдержит».

Будь здоров, Сан Саныч!

«Ленинабадская правда», 5 мая, 1990 г.

Печально, но факт — он болен. Мне в это не хочется верить, мне кажется, что люди, прошедшие такие испытания, как он, не подвластны болезням. Даже, если им за восемьдесят.

И подтверждая это, он вчера переслал в редакцию материал к 150-летию со дня рождения П.И. Чайковского. Написал в постели, дочь перепечатала на машинке и принесла. Над корреспонденцией значится «Наш календарь». Задумка написать о великом композиторе у него возникла давно, она была включена в редакционный план, но болезнь уложила в постель. Однако он остался верен себе: обещал, так сделаю. Слово есть слово.

Организатор и первый директор Ташкентской консерватории Александр Александрович Хорват был арестован в самый разгар культа личности Сталина и провел в лагерях и ссылках в общей сложности 18 лет.

О том времени у него написано немало рассказов и стихотворений: «В мерзлотных шахтах Колымы, как прокаженные, без рода, томились, гнили без вины, шли на расстрел «враги народа».

После реабилитации, как и до ареста, он вносит большой вклад в воспитание музыкальных кадров и общее развитие музыкальной культуры в Средней Азии. Во Фрунзе при институте организовал (и руководил ею) музыкальную кафедру по подготовке учителей музыки и пения, в Ленинабаде уже в пенсионные годы преподавал в музыкальном училище. Десятки, сотни людей он ввел в мир музыки, тысячи обучил еще более сложному искусству жизни своим удивительным жизнелюбием, желанием поделиться своими знаниями и опытом.

Почти тридцать лет он сотрудничает в «Ленинабадской правдой», делясь богатым опытом жизни, большими, можно сказать, энциклопедическими знаниями, особенно в музыке.

В «Нашем календаре» он рассказал о стольких мастерах культуры страны — актерах кино, театра, композиторах, художниках, писателях, связанных с музыкой, — что один перечень имен, которым он посвятил свои заметки, составил бы многие страницы.

Не менее важны и его статьи по воспитанию молодежи, развитию художественного вкуса, музыкальной культуры. Будучи внештатным корреспондентом нашей газеты, он являлся, кроме того, внештатным методистом областного отдела народного образования, членом координационного художественного совета по эстетическому воспитанию. Его недавнее выступление «Эстетика в школе» вызвала немало откликов.

Александр Александрович — человек многих талантов. Музыкант, журналист, поэт, борец... Ряд, вроде, необычный, но именно борцовские качества, несокрушимое жизнелюбие и вера в справедливость позволили развиваться всем его способностям.

Среди его любимых композиторов Бах и Бетховен, Григ и Прокофьев, но больше всего он любит Дунаевского, так как, по словам Александра Александровича, он — ясность, чистота, доступность, массовость. Это же отличает газетные выступления Александра Хорвата — нашего неизменного внештатного корреспондента. И, поздравляя сегодня А.А. Хорвата с Днем печати, мы желаем ему здоровья и новых творческих успехов.

А. Штейгер.

1990 год. Отец болен. Фон ужасный.

Все идет так, как три года назад предполагала.

Крепчают настроения, направленные на преодоление рецидивов советского строя. Зарождается исламско-демократическая оппозиция.

Звучат требования отставки Рахмона Набиева — лидера компартии Таджикистана, ставшего первым руководителем независимого Таджикистана.

Как грибы после дождя растут политические движения и партии.

Аналитики пытаются вбить в свою «веру»: глубинные истоки проблемы в конфликте между промышленно развитым севером и отсталым югом. И ничего лично-этнического.

Душанбе. Уличные беспорядки. 1990 г.

Для «студентов» разжевывают: определенные политические силы пытаются перераспределить роли между клановыми группами: в советское время были правители выходцы из Ленинабадской области («ленинабадцы»), занимавшие ключевые посты. С ними сотрудничали «кулябцы», занимавшие высшие посты в силовых структурах (МВД). В подчинении у «кулябцев» находились «бадахшанцы» («памирцы»). «Каратегинцы» («гармцы») держали прочные позиции в торговле и производстве товаров народного потребления. Междусобойчики? Ой ли?

Про нас аналитики ни гу-гу. Мы сами по себе, хотя и подчиняемся общему движению колеса жизни: работаем, воспитываем, переживаем, потихоньку «увядаем» в атмосфере безнадеги. Мы — это третий по численности этнос в Таджикистане, попавший в «ножницы».

Диванные статьи

1991 г. Отцу плохо. Страдает от боли и собственного бессилия. Через силу встает с дивана, идет к столу, берет ручку, бумагу, пытается писать. В последнее время словно забыл, что на свете существуют любимые папиросы: многолетние спутники жизни лежат заброшенными на краю стола, пепельница тускло поблескивает помытыми боками.

Отец пишет. Минут через пять встает, нервно дергает повязку, просит поправить сбившиеся бинты, подать то, это, еще что-то, не зная, что ему может помочь.

— Черт! — С досадой бросает ручку в сторону. Срывает зло на «мебели» — Выключи вралевизор, надоел!

В тишине укладывается на диван, долго ищет безболезненную позу, наконец, умолкает, впадая в дрему. На следующий день, почувствовав себя лучше после визита медсестры, энергично ходит по комнате:

— Настройкам конец, это ясно. Но могу работать дома — писать статьи. Правильно, дочь?

— Конечно, пап, ты сможешь... — мое утверждение звучит не очень оптимистично.

— Не веришь? — Глаза отца становятся прежними — иронично-озорными.

Конечно же, я хочу верить. Поэтому предлагаю соорудить специальную подставку-парту, на которой можно писать полудежа в постели.

— Молодчина! — потирает руки отец.

И как только «парта» сделана из подсобного материала, тут же испытывает ее, шутя назвав пробную статью «диванной». На «дощечке» пишется не ахти как, коряво, и все же оговоренные с редакцией материалы со скрипом, но рождаются из-под пера.

Временами кажется, что только «писанина» поддерживает отца, отними ее — и конец.

— Пиши пап, пиши, — подбадриваю. — Неразборчиво? Не страшно — перепишу на чистовик.

— Давай квинту, — изрекает отец свое «фирменное» и непосвященному малопонятное, энергично жмет мою пятерню: квинта — пять, и ни штукой меньше.

Скоро «дощечка» становится незаменимой: отец приноровился, но мешают участившиеся боли. После каждого приступа он морщась, сбрасывает «парту» и недописанные листки перекочевывают на стол. С каждым разом все на более продолжительный срок.

Передача эстафеты

Одну из последних работ — публикацию о творческой вражде между Моцартом и Сальери (а может личной, перешедшей в творческую — это и предстояло выяснить и высветить в материале) и ее влиянии на судьбу «певца света» за отца дописывала уже я. Впервые (о музыкантах) пришлось не переписывать, а самостоятельно искать фактуру, анализировать, домысливать. Задача не из легких: отец говорит с трудом, понять его мысли, прерываемые стонами, почти невозможно, приходится перелистывать уйму специальной литературы, чтобы вникнуть в проблему. Конечно же, ни одна книга не давала ответа на вопрос, который отец хотел раскрыть в статье, поэтому не оставалось ничего другого, как вложить в публикацию собственные мысли. Отпечатав на машинке окончательный вариант, даю на читку отцу.

— Откуда ты это взяла? — интересуется, дочитав заключи-

тельные фразы. — Сама додумалась?

Просит папиросу (а ведь давно уже не курил), после пары затяжек откладывает в сторону:

— Молодчина. Ставь свое имя.

— Не могу, ты почти все написал, значит труд — твой.

— Теперь — твой. Поздравляю. Из тебя выйдет неплохой журналист.

— Ты же не хотел.

— И сейчас не хочу. Журналистика выжмет все из тебя и... выкинет. Там бульдожья хватка нужна, а ты, слишком прямолинейна и правдива.

— Но и настырна!

— Это-то и обнадеживает. Только учти: прожектов не будет. Пробивайся сама.

...Купив газету с тем самым материалом, лечу домой на крыльях:

— Пап, наша заметка!

— Твоя. Принимай, дочь, профессиональную эстафету.

Душа устала

Отцу все хуже и хуже, лекарства (какие там «хорошие» — более менее приличные!) недоступны. Приходящая медсестра за минутные перевязки берет «почасовую» плату. Выходит очень накладно, но без квалифицированного медработника не обойтись: отец с трудом встает с дивана, процедуры в поликлинике нереальны.

В один из таких дней застаю его в глубоком раздумье. Просит включить радио. Идет прямая трансляция из Душанбе — столицу бороздят танки. Лязг, грохот, уличная перестрелка, редкие реплики комментатора.

— Знаешь, — обращается отец ко мне, — ты была права: таджикский язык не понадобится, теперь вам нужна только удача... Выключи радио.

Отец часто и подолгу жмет мою пятерню, и удерживая ее в своей руке, глядит сочувствующими глазами:

— Повис камнем на твоей шее, Витка... Мешаю... Давно бы уже уехали.

— Хорошо там, где нас нет, — пытаюсь отшутиться его любимой фразой. Выходит не очень весело. — Как же мы вас бросим...

Митинг осенью на площади в Душанбе. 1991 г.
(images.google.ru).

Отец немного успокаивается. Присит поделиться новостями — что с мире происходит, в области, в городе, на работе?

А в стране происходит то, что и предрекалось у картины «Апофеоз войны» — распад СССР. Союзу «кирдык». Республики уже не во сне, а наяву натягивают на себя «кафтан независимости» и берут столько суверенитета, сколько одним не унести.

Рецепт счастья нации — возрождение культуры, обрядов, обычаев уже пробуется на вкус. Дебаты «быть или не быть таджикскому государственным?» позади. Страна сделала первый шаг и собирается двигаться дальше.

Некоренных жителей, поименовав уничтожительным «русскоязычные» (у меня это всегда вызывало ассоциацию с «членистоногими» или «чешуйчатокрылыми») записывают в кружки — изучать таджикский язык. Но кажется уже все «ученики» понимают, что даже заговорив с окружением на «предпочтительном наречии», общий язык уже не найти.

Таджикистан, 1991 г.
(russiamilitaria.ru).

Жертвы противостояния.

Конец 1991 года. Первые президентские выборы в независимом Таджикистане выигрывает Рахмон Набиев. Бывший руководитель компартии и представитель так называемого «ленинабадского» клана. Это означает сохранение положения, существовавшего при советской

власти. В стране с трудом удерживается хрупкое равновесие сил — ведущим представителям исламистской оппозиции в обмен на согласие придерживаться политических методов борьбы гарантирована неприкосновенность. Кажется, для средств массовой информации перестали существовать другие темы — до музыки ли?

— Что с вами будет ? — Отец смотрит на меня тяжелым взглядом и не дождавшись ответа, прикрывает глаза рукой.

Его душа устала. Бег белки в колесе — столь же бесполезный, сколь и бесконечный. Душа устала от безнадеги и тщеты. Она долго терпела и вот ее терпение лопнуло. Первым всегда сдается дух, тело лишь повинуется ему, ибо не может быть по пути с тем, что уже не питает. Организм сказал «нет».

Последний вздох. 9 февраля 1992 г.

Если и существуют вычисленные учеными около 20 граммов души, то пара под потолком в виде облачка, они видели, как дочь склонилась над бездыханным телом. Как она, пытаясь заглушить бой собственного сердца, прильнула к груди отца, пытается услышать биение его сердца или уловить тепло дыхания. Как она, легонько потряхивает отца за плечо:

— Пап, пап, пап... И невидящими от слез глазами вглядывается в лицо со скорбно сдвинутыми бровями. — Пап...

«Облачко» молчит...

Говорят, там, где парят, нет ни боли, ни грусти, ни сожаления — только свет счастья и безмятежного спокойствия.

Если так в самом деле, отцу хорошо: он наконец-то нашел успокоение.

К счастью — через смерть...

Если существует предсказанный ад, то часть его отец прошел еще при жизни. Несколько полновесных кругов — на Колыме, больничной койке, прихватив «частички» между ними.

Если и существует чистилище от наслоений земных грехов, то отец еще при жизни ступил на его порог.

Наверное, так было задумано для Александра Хорвата — пропустить его через пытки в начале и в конце жизненного пути.

Чтобы на новом месте жительства меньше испытаний и мук досталось?

Может мы ошибаемся, считая ад загробным миром, а он вот, под боком — ряженный... в военный мундир, в платье бывшей любимой, костюм друга-предателя, в белый халат...

Ни один мудрец не рискнет утверждать, что муки земного ада менее болезненны, чем в подземных котлах с кипящим маслом...

Вспоминаю отцовское: «Когда умру, хоть к хвосту ишака привязывайте и тащите к могиле — мне будет уже все равно...»

Нам, оставшимся, не все равно. Но наших средств хватает только на самые скромные похороны.

Приходится согласиться с предложением ритуальной фирмы, не имеющей дерева, «самим найти материал, да так и дешево выйдет».

В ход идут доски от книжных полок на веранде, которые отец когда-то собственноручно с любовью мастерил...

Из Ташкента приехал брат, пришли мои коллеги по работе, от редакции «Ленинабадская правда» — Борис Есенков.

Одиннадцатый февральский день 1992 года прощался с почти ровесником века легкими снежными хлопьями.

5 мая отцу должно было исполниться 88 лет.

Прощай, Сан Саныч...

«Ленинабадская правда», 11 февраля 1992 г.

«Ну никак, никак не вяжется это вместе — смерть и наш неунывающий, постоянный, многолетний нештатный автор газеты Сан Саныч (так мы его называли).

Он был вечно переполнен творческими идеями. Придет, удобно расположится за столом напротив. Закурит, предварительно выпросив разрешения, бесшумную папиросу (сигарет не любил), сделав подобие мундштука из кусочка ваты, и проронит свое неспешное: «Вас не заинтересует эта тема...». И сам же начнет рассказывать, как бы он развернул проблему, какой аспект отразил более тщательно, на что внимание бы пристальное обратил.

Беседовать с ним было интересно. Знал много. Богат умом был не только от образованности, хотя образован Сан Саныч был блестяще, а от жизни. Ведь испытать пришлось сполна

— тяжесть и мрак сталинских лагерей, полная неизвестность собственной дальнейшей судьбы. Впору ему, молодому, преуспевающему тогда, сломаться, впасть в бездну отчаяния, отступить ото всех, от себя. Но — сильный духом — все вынес Сан Саныч. И вернулся в жизнь не только переполненный опытом, но мудростью, стоическим желанием найти себя в новой действительности.

Александр Хорват был, если так можно выразиться, газетчиком одной темы. Если одной темой можно назвать тот пласт проблем, которые отражают состояние дел в области культуры — нашей, отечественной и мировой.

И еще Сан Саныч очень любил книги. Полредакции он снабжал журнальными новинками, художественной литературой, был в курсе всех интересных публикаций.

Работал он на газету, даже будучи уже тяжело больным. По почерку можно было судить, что ему тяжело физически, иные материалы приходилось даже переписывать его дочери. Но ясности, четкости мысли, аргументированности его можно было завидовать до самых последних дней.

Жаль Сан Саныча, больно видеть горе его близких людей. Но есть память. И она навсегда сохранит для нас образ нашего близкого, верного, умного, ироничного, талантливого друга».

Журналисты «Ленинабадской правды».

Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже — разум, для того, чтобы понять ее.

Лев Толстой

Часть 13.

Тупик имени человечества (1992—1996 гг.)

Площадь на площадь, кровь

Весна, 1992 год. Нет нам покоя. Под боком новая конфронтация. Митинги на площадях Шахидон и Озоди в Душанбе. Формальный повод: одного из руководителей «Растохеза», члена так называемого Народного комитета Душанбинский суд приговорил к двухлетнему тюремному заключению — за клевету на председателя Верховного Совета Таджикистана. Вскоре председатель таджикского парламента Сафарали Кенжаев («гиссарец») обвинит министра внутренних дел («памирца») в коррупции и превышении полномочий. После перепалки с взаимными оскорблениями последуют массовые акции.

На столичной площади Шахидон (бывшая площадь Ленина) начинаются многотысячные митинги протеста против «коммунистов». Их участники — в основном выходцы из Каратегина (Гарм) и Памира (Бадахшан). Общественный комитет по защите конституционного строя не может смотреть на это сквозь пальцы и организуют альтернативный митинг на площади Озоди. Но это не просто знакомое с детства пацановское «стенка на стенку», где выясняют отношения до первого разбитого носа.

На Шахидон прибывают и прибывают крестьяне, мобилизованные при активном участии исламского духовенства, претендующего на передел власти.

Взаимные обвинения переходят в массовые беспорядки. Начинается игра по крупному. Оппозиция берет в заложники 20 человек, среди которых 16 депутатов Верховного Совета и два заместителя премьер-министра. Следом начинается митинг на площади Садриддина Айни, организованный «душанбинской молодежью», состоящей из мафиозных группировок.

В мае сторонникам Рахмона Набиева стали раздавать оружие, вводится чрезвычайное положение — запрет любых митингов и собраний и установление комендантского часа в Душанбе. Однако жители кишлака на автотрассе из Куляба в Душанбе пытаются перекрыть дорогу, отказываясь пропускать подкрепление для митинга на площади Озоди. Драка со стрельбой. Первые жертвы. Оппозиция захватывает здание телецентра, железнодорожный вокзала, президентский дворец.

Дальше — больше. 6 и 7 мая идут бои между президентской гвардией и отрядами оппозиции за овладение стратегически важными объектами города. Оппозиция выдвигает требования. Набиев идет на уступки, объявляя об отставке пятерых видных руководителей. Через пару дней митингующие на площади Шахидон призывают идти к зданию комитета национальной безопасности, где якобы, скрывается Набиев, и потребовать от него встречи с народом. Вооруженные отряды останавливаются огнем. Восемь человек убито, около 10 ранены.

На Шахидоне митинг разгорается с новой силой: в жертвах обвиняют «убийц из КГБ» и «оккупантов из СНГ».

Лето. Гражданское противостояние обостряется. Радикально настроенные активисты делятся на «вовчиков» (яростные сторонники ислама) и «юрчиков» (сторонники возврата к коммунизму). Начались погромы и чистки.

Осень. Кровавая. Курган-Тюбе. Перед зданием облисполкома собрались сторонники президента. Оппозиция берет митингующих в кольцо, открывает огонь, захватывает основные объекты в городе. В Курган-Тюбе, и в поселке Ургут, где жили узбеки начинается резня. Поток беженцев хлынул под защиту 191-го МСП. В перекрестном огне при переходе через мост

гибнут мирные жители. В захваченном Курган-Тюбе исламисты объявляют призыв в «полк национальной самообороны». 27 сентября город захвачен вооруженными отрядами. Среди гражданского населения большие жертвы.

В республике разворачивается антирусская компания. За голову нового командира 201-мотострелковой дивизии объявлена награда — 5 миллионов рублей.

В сентябре президент Набиев пытается тайно сбежать в родной Ходжент. Но его перехватывают по дороге в аэропорт, и угрожая оружием, заставляют сложить с себя полномочия.

После этого политический кризис окончательно приобрел характер гражданской войны.

Таджикистан. Раны от войны заживались долго. (www.venividi.ru).

Каждый день приходят неутешительные новости. В поселке им.Ломоносова, где спасались большие группы беженцев, исламисты устроили резню. В Душанбе уголовный беспредел, власти не в состоянии контролировать ситуацию.

В октябре 1992 года потери с обеих сторон составили 15—20 тысяч убитыми и несколько десятков ранеными, сотни тысяч жителей стали беженцами. Экономика республики оказалась парализована. В конце 1992 года поток беженцев хлынул в Афганистан.

Кольцо сужается

Зима 1992—1993 гг. По Душанбе прокатывается волна погромов. Война привела к власти «полевых командиров» с уголовным прошлым. Количество убийств в 1993 году по сравнению с предшествующим вырастает в три раза, количество грабежей — на треть. Душанбе пал.

Мы с жадностью ловим скудную информацию, промелькнувшую в электронных СМИ, но большей частью узнаем от знакомых ребят, работавших в правоохранительных органах.

В начале 1993 года основные боевые действия перемещаются в Каратегин (Гарм, Ромит) и Дарваз (Тавильдара). В этих операциях активно участвует уже авиация Узбекистана. В приграничных с Узбекистаном районах продолжаются этнические чистки.

Лето 1993 года. Убит один из лидеров Народного фронта, «полевой командир» Сангак Сафаров. В апреле при таинственных обстоятельствах умирает Рахмон Набиев. Далее следует серия убийств политических, военных, экономических лидеров. За год только на хлопкоперерабатывающем комбинате в Душанбе сменилось шесть директоров — по причине насильственной смерти предшественников.

Продолжается массовая эмиграция из страны. С апреля начинается проникновение вооруженных отрядов с территории Афганистана. В ночь с 12 на 13 июля отряд боевиков (более 200 человек) прорвался на территорию Таджикистана в районе 12-ой заставы. Погибли 24 пограничника. С конца июля приходят в себя и активизируются правительственные силы на мирском направлении.

1994—1996 гг. А в Ленинабаде всплески бандитизма, национализма, шествия. Люди в черном быстрым шагом перерезают площадь перед универмагом, направляясь по улице Ленина в сторону центрального рынка «Панчшанбе». Скандируют «Смерть коммунистам!», «Русские — чемодан, вокзал, Россия!». Для тех, кто плохо слышит — аналогичные транспаранты.

«Чешуйчатокрылые» жмутся по краям улиц, стараясь не попасть под ноги ослепленной злобой толпы. Один черт — рано или поздно всех настигнет «суверенный» каток.

А на работу идешь через силу, и получив задание написать нечто серьезное, сто раз прокрутишь фактуру так и эдак, чтобы не допустить «крамолы». И запланировав материал о деятельности старгородской мечети, начавшей перерастать не столько в духовно-исторический, сколько в идеологический комплекс, переберешь тонну словесной руды в поисках нейтральной стилистики.

А на работе все чаще появляются читатели, не стесняющиеся открыто выражать недовольство журналистам: «Почему написала о руководителе медресе хорошо? Он мой враг, значит ты, твою мать, тоже...»

А на работе появляются люди в штатском, со взглядом-лазером: позиция областной русскоязычной газеты в освещении происходящих процессов и высвечивании отдельных персоналий дразнит оппозицию, звучат реальные угрозы, значит руководству необходима охрана.

А на работе давно не выплачивается зарплата, вместо дензнаков товарный расчет — туфлями, люстрами (она до сих пор у меня на кухне висит — как память).

А на улицах — как на осадном положении: после работы развозят на редакционной «Волге», провожают до подъезда. В одно из поздних возвращений путь автомобилю преграждает мужчина с пистолетом: пытается перед нашим носом разобрататься с каким-то парнем. На ночь жители первых и вторых этажей (как мы) дверь изнутри подпирают железным колом, рядом с кроватью «на всякий» держат рюкзачки — с документами, аптечкой, сухим пайком, кое-какими деньгами.

Город заполоняют контейнеры: почти в каждом дворе каждый день кто-то грузит скарб. Повсюду только и разговоров, кто куда уехал, как устроился. Диалоги оставшихся одинаково коротки и тоскливы:

— Петр пишет из Германии, работает на конвейере, а здесь был начальником. Ивановы уехали в Россию, устроиться смогли только в селе... Представляешь?

— Да хоть в поле, в палатку, лишь бы отсюда ноги сделать!

— Да уж — пока не передохли от стрессов или не прибили...

— А ведь обещали в случае чего, всех организованно эвакуировать...

— Ага, лапшу с ушейними. Тебя же не бомбят.

— Что делать?

— В белую простынь заворачиваться и ползти в сторону кладбища...

Голод

А в республике бушует гиперинфляция. Введены ограничения на выплату заработной платы через банковские учреждения — мизер на руки, остальные средства в принудительном порядке зачисляются на вкладные банковские счета, отоварить которые многим не представилось возможным. Таджикистан, дольше других республик державшийся за российские «деревянные», вводит национальную валюту — таджикский «рубл». Процесс индексации старых денег на новые проходит очень болезненно: деноминация по формуле 1200:1 сделало большинство населения нищими. Оповещение населения о введении новой валюты совпадает с вводом рубля. Кто не успел вовремя узнать об этом, без блага сдать свои советские рубли в банки не смогли. Те, кто успел вовремя обменять деньги в очень короткий срок, могли купить за десятки тысяч рублей один «сникерс» (за пару недель до обмена он стоил в десятки раз меньше) или просто выбрасывали, сжигали — гори все пропадом...

На конец 1996 года среднемесячная заработная плата составляет примерно 9,6 доллара США. При виде ценников начинает знобить — цены возросли примерно на 200 процентов. Социальные службы находятся в состоянии краха, львиная доля всех медикаментов поставляется гуманитарными организациями.

Все дорожает на глазах. В связи с дефицитом республиканского бюджета еще в ноябре 1991 года постановлением кабинета министров на сто процентов повышаются цены на маргариновую продукцию. Сахар, крупы, макаронные изделия реализуются по розничным ценам общесоюзного уровня и таджикистанцам не по карману.

Мы давно забыли вкус мяса. Овощи и фрукты тоже стали недоступны.

Выживаем благодаря гуманитарной помощи из Германии: сколько-то там граммов растительного масла и полмешка муки получила как ветеран труда свекровь и учит готовить «затируху». Протирая над кастрюлей между ладонями тесто, уныло слушаю воспоминания пожилой женщины, семья которой прошла через голод в Поволжье, «бегство» в Ташкент — город хлебный. Затируху старшее поколение «освоило» в военные

годы, теперь мы перенимаем опыт. Какое государство, такое и наследство.

После обмена двух квартир (нашей и родительской 2-комнатных) живем в четырехкомнатной в 31 микрорайоне, — между девятиэтажной аптекой и «Ягодкой». Каждому по комнате, два балкона, веранда. Хоромы. Но запоздалые, потому — совершенно ненужные. А как раньше мечтали о них, думая о будущем сына!

Веранда загромождена стройматериалами — краска, обои, сантехника. Собирались ремонтировать, да смысл вышел.

Бытие сводится к существованию: тупому, однообразному, механическому — работа — дом — страх, дом — работа — безнадега.

«Прогулки» только по необходимости — к матери мужа, по соседству. Чуть припозднишься, обеспечено «приключение»: то машина увяжется медленным ходом (с ухмыляющимися и гикающими «пассажирами»), то встречным не понравится взгляд, упертый в асфальт: «Чего не смотришь, ...!»

Опорный пункт милиции обезлюдел — двери с окнами заколочены досками, как в блокадном Ленинграде. Безопасность — личная забота. В районе кинотеатра «Таджикистан» «порезали» девчат бритвой — за короткие платья и стрижки. До этого город всколыхнуло громкое убийство — видного военного чиновника «казнили» в рабочем кабинете, оставив на столе отрезанную голову...

Ничего этого не найдешь в газетах. Пресса тиражирует (как магическое заклинание) словосочетание, не имеющего ничего общего с действительностью — общество гражданского согласия. Зародыша гражданского согласия не видно даже в телескоп.

Хлеб по карточкам

Осень 1996 г. Минимальный суточный рацион человека — 2100 килокалорий. Но бог мой, откуда их брать? Разве только на подножный корм перейти, как те тощие гиссарские овцы, пасущиеся в парке... Статистика утверждает, что в 1991 году потребление мяса на душу населения составляло 25 килограммов. Возможно, каким-то душам повезло больше, но души на-

ших семей (моей и мужа) о таком могли только мечтать. Пенсии мамы хватает на килограмм масла, или несколько бутылок кефира с хлебом. Осенью 1997 года буханка хлеба и вовсе будет стоить примерно 120 таджикских рублей.

Мама с двенадцати ночи занимает очередь в предписанный магазин, чтобы выкупить по карточке норму хлеба — менее 100 гр. на члена семьи. Тоже как в блокадном Ленинграде. Вспоминается месячное пищевое довольствие японским военнопленным в 1945 году: хлеб — 9 кг, рис — 9 кг, крупа (мука) — 8 кг, мясо — 1,5 кг, рыба — 3 кг, овощи — 18 кг. («Советская Россия», 15.11. 1992 г.) Наше «пищевое довольствие» явно проигрывает.

Наш хлеб имеет зловещий фиолетовый оттенок, говорят, в муку примешивают комбикорма. Но мы едим, потому что больше нечего.

В одно из таких дежурств в очереди происходит потасовка, милиционер вынужден сделать предупредительный выстрел в воздух. Выстрел у дома не просто пугает: он звучит как стартовый — для тех, кто еще не убрался на «историческую родину».

Количество контейнеров резко возрастает, вероятно птицам с высоты полета земля кажется «веснушчатой». Уже никто ничего не ждет, надеясь только на себя.

Жилье стремительно обесценивается: если в начале «исхода» трехкомнатную можно было сбыть за 25 российских «лимонов», к 96-му году за однокомнатную дают... билет на поезд до России, плюс оформление контейнера за счет покупателя.

В какой точке планеты находится родина Хорватов, я не знаю. Венгрия, где их как в России Ивановых, но — ни одного родственника? Европа, Америка — где в начале прошлого столетия осели предки, не пожелавшие вращать корнями в российскую землю? В России, где у ксенофобов носители «подозрительной» фамилии, да еще эмигранты, автоматически попадают в разряд «не наших» ?

Куда направить стопы ? Я не знаю. Я уже ничего не знаю. Кроме одного: предсказания отца были провидческими, и слава богу, что он не дожил до этих времен.

Нервная система начинает давать сбои. Мучают ночные кошмары: по небу проносятся ревушие самолеты (война?), на-

род в панике разбегается. Северный хребет Могол-Тау изливает на город золотую лаву, толпы людей в ужасе бегут в сторону Сыр-Дарьи и застывают — пики Туркестанского хребта на юге также изливаются раскаленным «золотом» — смертельная лавушка...

Апофеоз...

В течение дня раз пять «пригубить» корвалол — «мотор» тоже начинает барахлить — норма. Но «корвалольчик» не дает ответа — почему, куда, на что?

Не знает этого мой спутник жизни, Коля: невероятно похудевший, но доносивший с работы целой чечевичную лепешку — плату сердобольной «апушки» за проводку телефонной линии.

Уж тем более не знает этого 15-летний сын, повисший в своем училище на волоске из-за невыполнения нормы на хлопковом поле. Но он уже успел почувствовать на своей шкуре, что такое «чужой среди своих». Это — спать в хирмане у двери, под ногами старших товарищей по учебе; это — не понимать, о чем вокруг говорят ребята; это — косые взгляды и насмешки; это — свист ивовых прутьев в руках педагога под приговорки: «Ты у нас еще попляшешь!» Беда — в группе он оказался единственным «рыжим».

Происходящее с нами и вокруг воскрешает в памяти эпизоды из лагерной жизни. Перед глазами все время стоит картина из детства — хищные птицы парят над горой из черепов — тот самый «Апофеоз...».

Уехали почти все бывшие однокурсники и приятели, обновились соседи, от редакционного коллектива осталась горстка. Неожиданно в гости приходит Израил — муж коллеги по работе Татьяны Палатинской, год назад выехавших из Таджикистана.

— Хреновенько живете, ребята, — только и сказал, взглянув на наши черные лица и скудное угощение — баланда на коточке и луковице. — Значит так, Вика, едешь к нам.

Мы с помощью друзей за бесценок сбываем стройматериалы, ковры, раритетную немецкую печатную машинку «Оптимал», велосипеды, «приданное» сына, бытовую и медицинскую

Ленинабад. Сын Владимир Закатов в художественное училище поступил без напряжения, но доучиться здесь ему не доведется.

Картина сына «Набережная Сыр-Дарьи» хранится у Вячеслава Киянского в Германии.

Ленинабад. Мост через Сыр-Дарью. Картина сына напоминает о родине. Все изменилось, только горы и река — те же.

технику. Только так удается наскрести на железнодорожный билет. В день, когда получаю его в кассе, цены подскочили в два раза. Да здравствует бронь и удача.

Над страной, которую на день боязливо посетил Анатолий Собчак, из которой после съемок на танке вывозят в аэропорт Микеле Плачидо (борец с мафией из итальянского к/ф «Спрут» воскликнет: «Да у вас тут похлеще, чем на Сицилии!»), над ней, милой, которую Горбачев позже обзовет Таджикией, витает жуткий запах разложения».

Цветущий край превратился в кладбище.

На его обломках нет надписей: здесь были такие-то проробы суверенитета. А было бы справедливо: ведь это они, питаюсь кровью родоплеменных инстинктов и жаждой власти, погребли под плитами тысячи невинных из числа гражданского населения, веру в разум человека, в силу государственности, «доклевали» крупницы экономического благополучия региона.

По ночам как прежде горят звезды: Большая медведица не превратилась в Полярную, Млечный путь не свернулся в кефир, и это при воцарившихся беспорядках кажется странным — неужели где-то еще сохраняется стабильность?

На звезды взираю (а раньше любовалась) с балкона: хранительницы мировых тайн мерцают молча — та, которая смотрит на них (как когда-то дед и отец) должна самостоятельно пройти свой путь, без подсказок.

Справка

23 декабря 1996 года в Москве подписано соглашение, под которым поставили подписи Эмомали Рахмонов и Саид Абдулло Нури. Оно предусматривало включение оппозиции в правительство.

4498 бойцов назначены на интеграцию в силовые структуры, 5377 членов оппозиции подлежали безусловной амнистии. 100—150 тысяч человек погибло за время войны, наибольшее количество жертв было в 1992 году.

Более 100 тысяч человек стали беженцами.

К весне 1995 года в ходе вооруженных столкновений было разрушено более 120 тысяч жилых домов и муниципальных

зданий, включая школы, детские сады, административные центры.

Промышленные предприятия работали на 15—20 % проектной мощности.

Инфляция только в 1993 году достигла 2195 %.

В 7 миллиардов долларов оценивается материальный ущерб от гражданской войны.

Из страны выехали русские, немцы, украинцы, евреи и другие представители некоренных народов. Огромное количество таджиков из-за голода уехали в Россию, превратившись в гастарбайтеров. Таджикистан стал одной из беднейших стран мира.

Ангрен сегодня. Роддом.

*Музей в старом городе
навсегда запомнился
таким, каким его
изобразил сын.*

*Ош современный.
(www.jartour.ru)*

Гражданской войне в Таджикистане посвящена знаменитая книга Андрея Волоса «Хуррамабад» (отмечена Государственной премией и Антибукером). О событиях в Душанбе рассказывают художественные фильмы Б. Худойназарова «Братан», «Кош-ба-кош», Сергея Говорухина «Никто кроме нас», документальный фильм режиссера Гули Мирзоевой «Возвращение в Душанбе» (Retour a Douchabe. 2000 год, производство Франция, для французско-немецкого телеканала ARTE).

Харон (Сон дочери)

Отец в светлом костюме, молодой, красивый, улыбающийся — в лодке, на реке. Приглашает: «Покажу тебе место, где живу». Стоя, гребет веслом через широкую реку на противоположный зеленый берег. Бескрайние поля, поросшие травой, голубое небо без единого облачка, какие-то строения и небывалая тишина. Приглашает внутрь прохладного дома: стены огромной комнаты сверху донизу заняты книжными полками — сотни, тысячи томов. Провожу рукой по корешкам:

— Это твоя библиотека?

— Это общая библиотека, — улыбается отец. — Здесь есть ответы на все вопросы.

— Мне можно почитать?

— Когда-нибудь ты их все прочтешь. Буду давать их тебе частями.

Духовное завещание Александра Хорвата

Доведись прожить жизнь заново — построил бы ее по-иному.

Береги мать.

Приобщай сына к труду и спорту.

Не будь такой доверчивой.

Слово может убить. Но слово может и воскресить. Запомни это.

Не подставляй бьющему другую щеку, но и сама не бей.

Не пытайся расшибить лбом стену- мир не переделать.

Не иди на компромисс со своей совестью.

Научись прощать.

... Я понимаю, пап, понимаю. Все так просто. И ... так сложно.

...

Виктория — победа... Победа? Чего? Над чем?

Новита — новая жизнь... Новая?

Октябрь 1996 года. Пакую вещи — часть отцовского архива, ноты, кое-какие книги.

Грамоты за профессионализм и активную гражданскую позицию.

Чемодан — вокзал — Россия. Конкретно — Урал.

Прощаюсь с отцом:

— Туда, куда раньше ссылали. Смогу ли прийти к тебе еще когда?

Свой 38-й год рождения встречаю в дороге.

Рывок в полную неизвестность.

Надо прорасти на новом месте, вытаскивать из трясины маму, мужа, сына, свекровь.

Пришла пора оправдать свое имя: как когда-то прадед, дед, отец, — строить новую жизнь. С чистого листа. На обломках себя.

Поговорим, пап...

(Частные выводы и очень грустно)

Пропала жизнь.. Прошлого нет, а настоящее ужасно по своей нелепости... Все мы Дяди Вани... И вокруг нас — проданный вишневый сад...

Пап, я могу так завершить свои откровения. Но не хочу. Во-первых, потому, что унаследовала от тебя ничем непоборимый оптимизм, и потому верю, что жизнь продолжается ровно столько, чтобы дать возможность произрасти новым, новым и новым садам. Пусть даже не на наших сотках, пусть когда-нибудь. В одном из них обязательно будет раскидистое дерево, посаженное тобой.

Каждый сажает в своей нише. Нишу, отведенную для тебя, ты культивировал сполна.

В какой-то миг я созрела для понимания того, что если в нашу жизнь входит кто-то, или даже просто проходит через нее, как через поле, то они становятся нашими попутчиками с какой-то целью. Нам не дано ее знать, но мы можем предполагать. Чтобы что-то помочь вспомнить, осознать, получить опыт, увидеть свои и чужие ошибки под иным углом, чтобы научиться новому, что-то изменить, получить толчок к дальнейшему развитию.

Нам не дано предугадать, что именно станет той «бабочкой» взмах крыльев которой способен изменить «климат на планете». Это может быть пример чьей-то жизни, дружба длиною в жизнь, любовь, короткая как вспышка, или просто одно слово.

Для меня таким взмахом стал твой жизненный пример, пап.

Раз мне был дан в отцы именно ты, значит именно ты и нужен был мне. Раз ты пересек чью-то жизнь — профессиональной или личной поступью, — значит именно так и надо было.

Раз ты был таким, значит именно таким и требовался встречаемым и попутчикам в тот или иной момент времени.

Раз ты что-то делал так, а не иначе, видя именно в этом свое предназначение, значит именно это от тебя и требовалось. Можешь не возражать, я все равно останусь при своем мнении.

Помнишь, мы как-то говорили о том, что каждый человек приходит в этот мир со своей миссией? В тебе был заложен дар просветительства. И ты его реализовал на

Об отце мало писали, не последнюю роль в этом сыграла его скромность.

200 процентов: потому что «не благодаря», а вопреки. Трудно представить, что один человек мог вести столь обширную деятельность, по многим векторам, с конечным результатом. Но с тобой, кажется, незримо, рядом всегда шагало его величество глагол — символ движения, постижения, созидания. Ты же это сам чувствовал, правда? И очень хотел, чтобы такой спутник был у меня. Ну как — ты видишь его возле меня?

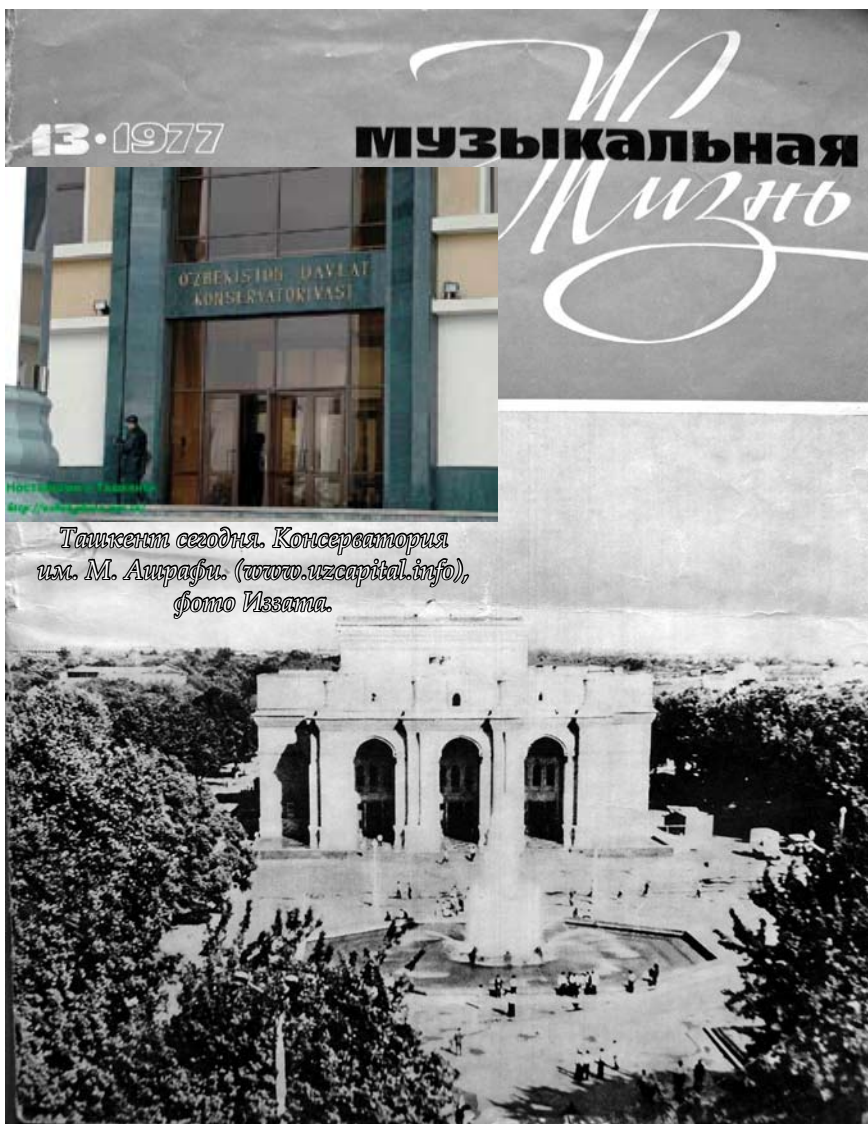
Рассматривая твою жизнь в частности, -раскладывая на ничтожные данные, на то, что можно назвать лишь тенью поступка, мысли, чувства, как говорил любимый тобой и мной Тынянов, — вглядевшись в них пристальнее, я попыталась угадать главное в тебе. Твои ментальные особенности и порядок. Это другим для понимания твоего «Я» требуется напряг (преодоление равнодушия — сложное дело), мне — нет. Потому что я — твоя кровь. Ты — мороженное в колючках, дававший жаждущим прохладу. Но почему же я вовремя это не умела понять? Наверное рассчитывала, что и так понимаю, а остальное еще успею.

Ты слушаешь меня, и улыбаешься своей неповторимой улыбкой — доброй, слегка ироничной. И думаешь: дочь повзрослела, помудрела. Еще и постарела. На 17 лет. Уже бабушка. Внука назвали в твою честь Александром. Но ты это и сам знаешь, потому что постоянно приходишь ко мне. И все же спрашиваешь: «Как живешь, дочь?»

Живу, как могу.

Помнишь, в первые же дни, когда ты решил «отлучиться ненадолго», поспешил ко мне — счастливый, спокойный, и показал край, где живешь? Там красиво и легко дышалось, но было как-то пустынно. Может потому не захотел, чтобы я там осталась. Потом ты еще множество раз приходил, но собираясь в обратную дорогу, всегда делал это незаметно, чтобы я не увязалась за тобой. Почему, пап? Ты сказал, что мы «Встретимся на Олимпиаде в 2091 году». Что я *должна успеть* сделать до сакральной даты?

Мне иногда кажется, что ты ой как прав был, не желая мне журналистской стези. Сейчас понимаю подоплеку твоих опасений — все прелести репортерской работы прочувствовала на собственной шкуре. Но пап, вспомни, как ты сам, проклиная

*Ташкент сегодня. Консерватория
им. М. Ашрафи. (www.uzcapital.info),
фото Issama.*

Всесоюзный журнал «Музыкальная жизнь»
со статьей к 40-летию юбилею Ташкентской консерватории. 1977 г.

ТАШКЕНТСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ-40 ЛЕТ

Организованная четыре десятилетия назад Ташкентская государственная консерватория была первым и на протяжении многих лет оставалась единственным музыкальным вузом в республиках Средней Азии. Богатым содержанием ее истории. В консерватории работали такие видные деятели музыкальной культуры Узбекистана, как зачинатели профессионального искусства и музыкальной науки В. А. Успенский, Е. Е. Романовская, М. Каря-Якубов, А. А. Хорват и другие.

С первых дней огромную братскую помощь оказывала нам Московская консерватория. В 1930—40-е годы были направлены в Ташкент высококвалифицированные талантливые педагоги и исполнители: Б. Б. Налдеждин, А. Ф. Козловский, Н. М. Яблоновский, Я. В. Пеккер, Г. А. Мушель, И. И. Мартынов, Ю. Н. Венков, Г. В. Васильев, А. Я. Лепин, А. Е. Кнорре, Ю. А. Фортунатов и другие. Многие из них всю дальнейшую жизнь связали с Ташкентской консерваторией.

Большой вклад в дело развития музыкального образования в нашей республике внесли работавшие в годы Великой Отечественной войны в Ташкенте ленинградцы и киевляне — это были профессора Л. В. Николаев, П. А. Серебряков, Н. Е. Перельман, Ю. Н. Трелик, А. А. Блоров, М. О. Штейнберг, Л. Н. Рензлий и К. Н. Михайлов, доцент А. Н. Колларенский, профессора А. Б. Мерович, А. В. Бирмак и многие другие.

Видную роль в деле развития музыкального образования сыграл народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Узбекской ССР, лауреат международных премий профессор Мухтар Ашрафи, в течение двадцати лет занимавший пост ректора; его имя носит теперь Ташкентская государственная консерватория.

За 40 лет из стен консерватории выпущено более трех тысяч специалистов. Среди них доктора наук Т. С. Выго, Ф. М. Кароматов и С. М. Векслер, народные артисты СССР Х. На-

сырова и С. Кабулова, народные артисты Узбекской ССР А. Абдукаюмов, Д. Абдурахманов, С. Веньяминов, Д. Закиров, Р. Лаур, М. Мирзаев, Д. Низамходжаев, Ф. Шамсутдинов, А. Холжаев, Н. Хашимов, заслуженные деятели искусств республики И. Аубаров, С. Бабаев, Х. Исамов, Б. Гвенко, А. Петросяц, И. Хамраев и многие другие.

Ташкентская консерватория много сделала для подготовки музыкантов братских республик Советского Востока. Более 300 из них — наши воспитанники — такие, как народные артисты СССР С. Кизилбаева и В. Миняжикиев (Киргизия), А. Кулиев, Н. Мухомов (Туркмения), Я. Сабаанов (Таджикистан)...

За прошедшие четыре десятилетия консерватория в Ташкенте сформировалась как крупный научный центр музыкально-теоретической мысли, где разрабатываются проблемы истории и теории узбекского музыкального искусства. За это время выпущено 47 монографий и 12 учебно-методических пособий, подготовлено 427 нотных материалов; общий объем этой продукции составляет более 700 печатных листов.

Наша консерватория стала одним из крупнейших музыкальных вузов страны. В ней функционируют 4 факультета: фортепианный, теоретико-композиторский, оркестрово-

Статья в журнале «Музыкальная жизнь». В числе организаторов музыкального вуза упоминается и А. Хорват.

«литературщину» после очередной разборки «кто искажил материал», уже через какие-то пару часов доставал лист бумаги с ручкой. Любимая работа — это же как болезнь, как сладкая отравка, правда? Отчего же ты не спешишь заверить дочь в мысли, что ее миссия заключается в слове? Отношу на то, что мне предоставляется право на самоопределение. Я давно определилась, но отчего же ты не говоришь тогда, что я на верном пути?

У меня столько накопилось рассказать тебе. Помнишь, мы как-то говорили и о том, что дети зачастую повторяют судьбу своих родителей, что каждому поколению по неизвестной причине выпадают тяжелые испытания? Я попыталась как-то законспектировать свою жизнь. И что ты думаешь? В ней знакомые ключевые слова — записка, любовь, музыка, журналистика, дороги, голод, предательства, потеря родины, выживание на чужбине, прорастание, приобретение авторитета с нуля. Надо же — почти один к одному, кроме лагерей. Записка тоже оказалась разрушительной, Грей — призрачным, музыка — незаменимой, журналистика — смыслом жизни, дороги — бесконечными и колдобистыми, голод — не поверишь, тоже «двухэтапный» (в Таджикистане и на Урале), предательства и потеря родины — болезненными, становление — ценой здоровья.

Когда-нибудь может напишу и об этом, если небо не воспротивится. Но, ты, уверена, все видел и слышал Оттуда. Поэтому сейчас оставляю за собой право только на вопросы.

Ты до сих пор считаешь, что стену лбом не прошибить? Что благими намерениями выложена дорога в ад? Что лучший друг — отражение в зеркале? Что мир не переделать, а человек — мера вещей?

Ты все знаешь. Так скажи, отчего здесь, внизу, все делается не так?

Можно ли это изменить и как?

Отчего мы в отдельно взятой частной жизни видим лишь повод к актуальной публикации, премируемой гонорарной мздой?

Отчего умудряемся индивидуальность ужать до нескольких действий и признаков: любил чифир, говорил сложными кон-

струкциями, как пишут, так сейчас не говорят, хорошо играл, интересно работал... Мы что — обыкновенные файлы? Или же мы необыкновенные файлы, доступные к расшифровке только с помощью мощных компьютеров, еще неизобретенных?

Отчего мы не знаем ближних своих, не любим их, не признаем, не ценим еще при жизни?

Как случается, что выискивая в энциклопедиях сведения о жизни замечательных людей, так мало знаем о тех, кто рядом?

Вот и я, пап, зная тебя, — не знала. Это стало очевидным при подборе и обдумывании материала, который самонадеянно решила назвать книгой. Конечно же, смешно безграничную душу ужать до формальных лингвистических цепочек: был блестящим исполнителем (извините, на магнитофон не записали, а диктофоны тогда не водились в наших краях), публицистом, писал смелые стихи (простите, но не сохранили), рисовал карикатуры (так уж вышло, тоже не сберегли); прямолинейным, но добрым человеком, хорошим учителем, мужем, отцом; символом его жизни были музыка и перо...

Да ну ее, риторику, к черту!

Сейчас, пережив как-бы заново твою и нашу жизни, хочу тебе сказать только одно: «Я люблю тебя, папка. Мне так тебя не хватает».

Поговори со мною, папа,
о чем-нибудь, поговори,
я снова видеть тебя рада,
калитку отворяй, входи.

Садись за столик свой любимый,
садись на стул любимый свой,
и расскажи, как ты гонимый,
сумел с небес прийти домой.

Фоно, как видишь, постарело,
уж не блестят былым бока,
но мне играть не надоело,
и пальцы бегают пока.

И ты присядь к нему, как к другу,
былое вспомнив, поиграй,
слезу вложи ты в Баха фугу,
а нежность Штраусу отдай.

Мне музыка твоя живая,
во сне звучала, по ночам.
Я замолкала, приникая
к скрипично-басовым ключам.

А там, где ты — есть фортепьяно?
Как хорошо: теперь вдвоем,
аллегро, ларго, форте, пиано
расскажем каждый о своем.

Не держит строй? Ну да и ладно,
подстроишь в лад, чуть погоди.
Ну как же мы играем складно:
две на две — в четыре руки!

Поговори со мною, папа,
хоть так со мной поговори.
Звучала «Лунная соната»...
Хорватовское попурри...
24.04.09 г., 8.20 час.

Семейный альбом и тот самый, подаренный братом (справа).

Последнее фото отца с мамой.

Меняются только декорации (Общие выводы и очень нервно)

Все, что происходило и происходит вокруг — какофония. С дрянной увертюрой и не менее бездарными частями того, что претендует на звание целостного произведения. Стройной трехчастной сонаты не вышло, налицо аморфная пьеса, изуродованная обилием «иезуитских техник» («пяточковых»). Налицо никчемность «учителей» и прильнувших к ним «учеников». Бездарность, страшная всепроницаемостью во все сферы жизни. Фактически, нас всех заставляют быть покорными слушателями, вторить в унисон. Приговаривая: не можете — научим, не хотите — заставим. Грустно, господа режиссеры-постановщики. От вашей узколюбости, близорукости, кровожадности и элементарной жадности — до силы, власти, денег.

Вся жизнь — спектакль, а мы — актеры: прикормленные ли, привлеченные плеткой, шантажом, обстоятельствами. Спектакль бесконечный — длиной в жизнь человечества, — с меняющимися декорациями, костюмами, актерами, репликами, но неизменным сюжетом: выжить сильнейшему — распихать

*Папироса не дымит в любимой пепельнице отца,
дописано все, что было предначертано...*

локтями, подсидеть, затравить, покорить, уничтожить, шагать по трупам дальше, дальше и дальше.

Вся история человечества пронизана войнами, которые унесли и уносят миллионы жизней. И еще будут уносить, потому что никаких подвижек в умонастроениях «дирижеров» не замечается. Вся история человечества пронизана лицемерием и подножками «ближнему своему».

Фарисеям — несть числа.

Иудиным поцелуям и копьям — тоже: для них всегда благодатная почва и «зеленый свет».

От Нагорной проповеди — «выдергаши» нужного для той или иной трибуны — для прикрытия наготы душевной.

Милосердие вытаскивается на свет божий в случае личной необходимости: устроить акцию, подкинуть денюжат детдомовским, приютским ребятишкам — в обмен на льготную налоговую ставку, тем самым укрепив личный мостик в будущий рай.

Совесь со слюнями проглочена. А глотательный рефлекс не отменить — человек просто помрет. Мы такими задуманы изначально?

Громче иерихонских труб орут трубы тщеславия, карьеризма, «каннибализма».

На обочину жизни, свалку памяти выбрасывается человеческий шлак, все, из чего уже невозможно выжать хоть что-либо полезное обществу.

Народ безмолвствовал, безмолвствует и, видимо, будет «сопеть» до конца: в его генах память о главных правилах — у кого сила, тот и прав.

Связь поколений прервана. Мы не знаем своих предков. Дети не знают нас.

До меня думали и говорили об этом. Я думаю и говорю об этом. Многие это делают. После нас будут думать и говорить о том же. Но на вопрос — почему так, а не иначе человек распоряжается собой и другими, неужели мы *такими задуманы* — ответов нет. Нет и подсказок, как их найти. Что же — вечные Содом и Гоморра? Да. Пока не созреем.

Я закончила свои выводы и вопросы, в том числе к самой себе.

Знаю — ответов еще долго не будет. Эволюция — очень долгий процесс...

Впереди суд. Высший Суд.

И адвокатов не предвидится.

На миру — конформизма улыбка,
и процент от сотни едва ль —
на порядочность. И все так зыбко,
на земле — неземная печаль.

Здесь система одна — мне бы было.
Гильотины возводятся скрытно.
И залезть в что-то надо без мыла,
чтобы выжить, дожить, и — сытно.

И в спектакле участие не гложет,
все одно — политбал... маскарад...
Но, скажу вам, никто и не сможет
перестроить земной этот ад.

На миру — конформизма улыбка.
И на сотню — двести — печаль.
Непорядочность. И все так зыбко.
Но изменится что-то едва ль.

Еще где-то искрит сердце Данко...
Утопистов хранит темнота...
Фантастическая обманка...
И убожества дум нагота...
1.05.09 г. 8.26 час.

Использованные источники

1. www.zerodot.narod.ru
2. www.consulrus.tj
3. РАН, научный совет по проблемам востоковедения, «Бюллетень» по проблемам беженцев № 11, декабрь 1998 г., www.bulletin.aboo.ru
4. Фонд стратегической культуры, www.fondsk.ru
5. www.airwar.ru
6. www.centrasia.ru
7. www.asiaplus.tj
8. Комитет по ликвидации расовой дискриминации, доклады 2004 г., www.umn.edu/humanrts/russian/cerd/Rrprcerd_tagikistan2004.
9. Фонд стратегической культуры ИАЦ МГУ, www.kazakhstan.zerno.rz
10. www.forum.lingvo.ru
11. www.svobodanews.ru
12. www.artofwar.ru
13. www.adentura.ru
14. www.uni-potsdam.de
15. www.dic.academie.ru
16. www.kuzbass.ru
17. Большой энциклопедический словарь
18. Википедия, Свободная энциклопедия.
19. RFE/RL. Newslines, vol. 1, no. 129, Part 1, октябрь 1997 г.
20. ООН, «Международная поддержка прекращения войны и национального примирения в Таджикистане (призыв к финансирующим организациям)». — 1997. — сент. — С. 5.

Содержание

Два слова, предваряющие Судьбу	3
От автора	5
Часть 1. ШУРКА (1899—1911 гг.)	7
Часть 2. АЛЕКСАНДР (1912—1937 гг.).....	45
Часть 3. ВРАГ НАРОДА (1937—1939 гг.).....	73
Часть 4. КАТОРГА (1939—1954 гг.)	93
Часть 5. С ЧИСТОГО ЛИСТА (1954—1960 гг.).....	124
Часть 6. К ВЕРШИНАМ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА (1960—1965 гг.).....	146
Часть 7. НИ ИЗВИНЕНИЙ, НИ РЕВАНША (1966—1970 гг.)	166
Часть 8. ПЕРО КАК ОРУЖИЕ.....	192
Часть 9. МАСТЕР-КЛАСС.....	232
Часть 10. РЕМЕСЛЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ	258
Часть 11. ДЕТИ, ГРЕЗЫ ЛЮБВИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ	283
Часть 12. СТРАШНОЕ ВРЕМЯ (1985—1992 гг.)	301
Часть 13. ТУПИК ИМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (1992—1996 гг.).....	321
Использованные источники	348

Новита Александровна Хорват-Закатова

Александр Хорват

Оформление *В.Н. Закатов*

Верстка *В.Б. Феркель*

Сдано в набор 16.10.09 г. Подписано в печать 11.01.10 г.
Гарнитура «Палатино линотайп». Бумага Гознак.
Формат 60×84/16. Объем 20,34 усл.-печ. л.

Заказ № 158.
Тираж 50 экз.

Издательство «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.

